

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 3/2006

Восточная Азия: итоги 2005 года

●
КНР: основные ориентиры
11-й пятилетки

●
Япония: политические партии
и обеспечение безопасности

●
Национальное богатство России

●
Православие на Дальнем Востоке

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3 / 2006

Май - Июнь

Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики 7

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: ИТОГИ 2005 ГОДА

<i>Я.Бергер.</i> Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР.....	14
<i>В.Портяков.</i> Китайская Народная Республика: основные ориентиры 11-й пятилетки.....	30
<i>А.Островский.</i> Экономическая ситуация в КНР: итоги 2005 года и планы на 2006 год.....	33
<i>Э.Пивоварова.</i> Усиление социальной ориентации как необходимое условие углубления рыночной реформы в КНР.....	41
<i>Е.Бирюлин.</i> Предварительные итоги выполнения 10-го государственного пятилетнего плана КНР по охране окружающей среды.....	46
<i>С.Лузлин, Е.Сафронова, А.Свешников.</i> Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г.....	56
<i>В.Кашин.</i> Российско-китайские отношения в 2005 году.....	71
<i>А.Волохова.</i> Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов).....	74
<i>А.Козлов.</i> Сянган в 2005 году.....	83

© Российская академия наук, 2006 г.

© Редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" (составитель), 2006 г.

А.Ларин. Тайвань в 2005 г.....	86
А.Верченко. Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г.....	92
В.Павлятенко, А.Семин, Н.Тебин, Д.Щербаков. Япония в 2005 году.....	98
Ким Ен Ун, К.Асмолов, С.Суслина. Республика Корея в 2005 году.....	109
А.Жебин, Р.Савельев, С.Суслина. КНДР в 2005 году.....	118
Е.Кобелев. Вьетнам — 2005: экономика на подъеме.....	128
Г.Яскина. Роль внешнего фактора в политическом и социально-экономическом развитии Монголии.....	133

К 50-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РАН

В.Усов. Владимир Иванович Глунин и изучение истории Китая в ИДВ РАН.....	146
--	-----

ПОЛИТИКА

Ли Син. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии.....	150
И.Цветова. Япония: партии и политика обеспечения безопасности.....	155

ЭКОНОМИКА

В.Андреанов. Национальное богатство России.....	169
---	-----

ИСТОРИЯ

А.Ипатова. Православие на Дальнем Востоке (окончание).....	180
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

А.Карнеев. Чжан Ювэнь, Хуан Жэньвэй и др. Доклад о международном статусе Китая за 2005 год.....	186
---	-----

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Ю.М. Гарушняц, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, А.В. Островский, В.Н. Павлятенко, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь).

Статьи этого номера

Я.Бергер. Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР

В свете итогов 10-й пятилетки рассматриваются основные аспекты становления новой модели экономического роста в Китае. Статья состоит из трех разделов. В первом — анализируется меняющееся соотношение трех субъектов рыночной экономики: государства, иностранного капитала и негосударственного национального капитала, а также эволюция каждого из них. Правительство, сокращая свое непосредственное участие в экономике, развивает макрорегулирующие и сервисные функции. Иностранный капитал становится все более активным игроком на китайском внутреннем рынке, нередко пытаясь его монополизировать. Национальный капитал начинает играть все большую роль в китайской экономике, прежде всего, как главная сфера приложения труда. Второй раздел посвящен движущим механизмам экономического роста: инвестициям, внутреннему потреблению, экспорту и проблемам их балансирования. В третьем разделе рассматривается роль государства и рынка в развитии социальной сферы, в особенности — здравоохранения и образования.

В.Портяков. Китайская Народная Республика: основные ориентиры 11-й пятилетки

Автор анализирует отличительные особенности и основные показатели 11-й пятилетней программы развития КНР на 2006-2010 гг. Рассмотрены наиболее существенные трудности на пути реализации намеченных задач.

А.Островский. Экономическая ситуация в КНР: итоги 2005 года и планы на 2006 год

В статье анализируются итоги развития народного хозяйства за 2005 год, выделены две группы факторов — внутренние и внешние, определяющие высокие темпы экономического роста КНР. К внутренним факторам относится взвешенная социально-экономическая политика руководства Китая, направленная на расширение внутреннего спроса, и переход к активной финансовой и умеренной монетаристской политике, к внешним — вступление КНР в ВТО, облегченные условия выхода на рынки других стран мира, быстрый рост экспорта и за счет этого расширение производственных мощностей на территории КНР. Автор статьи анализирует также программу социально-экономического развития КНР на 2006 год, в основу выполнения которой заложены восемь основных направлений работы правительства страны. Главными из них определены такие как расширение рыночного спроса, создающего важные стимулы для производства, и развитие китайской деревни, основой для которого должно стать регулирование государством цен на продукцию сельского хозяйства и средств производства для деревни. Автор считает, что по итогам экономического развития Китая на 2005 г. градуалистская модель китайской реформы оказалась более эффективной, чем российскийская модель стремительного, одноментного перехода от плана к рынку.

Э.Пивоварова. Усиление социальной ориентации как необходимое условие углубления рыночной реформы в КНР

В статье показано, как в последние годы в целях сохранения социально-политической стабильности и недопущения поляризации в китайском обществе внимание политиков и хозяйственников обращается на самые слабые звенья развития, причем мотив социальной защиты трудящихся заметно усиливается, особенно в отношении наиболее бедных слоев населения.

Е.Бирюлин. Предварительные итоги выполнения 10-го государственного пятилетнего плана КНР по охране окружающей среды

Рассмотрены некоторые экологические проблемы Китая в связи с исполнением 10-го государственного пятилетнего плана КНР по охране окружающей среды. Выявлены и проанализированы "болевые точки", среди которых выделяются индустриальное загрязнение поверхностных вод и неуклонно растающий объем твердых отходов, в том числе опасных. Охарактеризована позиция компетентных административных органов по охране окружающей среды в отношении регулируемых и вновь возникающих проблем. Дана краткая оценка эффективности государственной экологической политики КНР.

С.Лузяниц, Е.Сафронова, А.Свешников. Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 г.

В статье анализируются наиболее значимые итоги внешнеполитической деятельности КНР в 2005 г. Рассматриваются тенденции, проявившиеся или утвердившиеся в прошедшем году в отношениях Китая с целым рядом стран и регионов — от США и Евросоюза до стран "третьего мира", Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии. Охарактеризованы последние события, связанные с международной активностью Пекина на направлениях СНГ, Японии, КНДР и Южной Кореи.

В.Кашин. Российско-китайские отношения в 2005 году

Кратко перечисляются основные вехи российско-китайского сотрудничества в политической, торгово-экономической и военной сферах.

А.Волохова. Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов)

В статье рассматриваются активно обсуждаемые в последнее время китайскими политологами проблемы корректировки внешней политики и дипломатии КНР в связи с изменениями в международной обстановке и превращением Китая в великую глобальную державу. Китайские эксперты считают первоочередной задачей формирование новых геополитических концепций и подходов, влияющих на отношения Китая с внешним миром (концепция обширной периферии, концепция глобального соуправления). Однако конкретное их содержание и механизм реализации пока представляются достаточно неопределенными.

А.Козлов. Сянган в 2005 году

В 2005 году Специальный административный район КНР Сянган (САРС) в условиях внутривластной стабильности и благодаря благоприятным внешним факторам добился успехов в экономическом развитии и преодолел негативные последствия финансового кризиса 1997-98 гг. Завершен второй этап реализации "Программы по установлению более тесных торгово-экономических связей между внутренними районами Китая и САРС", принятой в 2003 году.

А.Ларин. Тайвань в 2005 г.

Громко прозвучавший в международных кругах Закон о противодействии расколу Родины не только создает юридическую и политическую основу для применения силы с целью решения тайваньской проблемы, но и намечает направления, по которым Пекин готов развивать экономические и культурные связи с Тайванем. Визиты в КНР лидеров тайваньской оппозиции свидетельствуют о переходе Пекина к активной мирной политике, с тем чтобы поддержать на острове сторонников "принципа одного Китая" и оттеснить от власти носителей крайней сепаратистской тенденции на президентских выборах 2008 г.

А.Верченко. Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г.

Автор отмечает, что на Тайване в 2005 г. сохранялись положительные тенденции развития экономики. Успешнее всего развивались отрасли, выпускающие электронику последнего поколения и средства связи. Валовой национальный продукт составил 345 млрд долл. США. Тайвань остается на третьем месте в мире по золотовалютным запасам. Для дальнейшего роста тайваньской экономики принят план национального развития на 2005-2008 гг.

В.Павлятенко, А.Семип, Н.Тебиц, Д.Щербаков. Япония в 2005 году

В статье дается аналитический обзор важнейших итогов 2005 г. во внутривнутриполитической и внешнеполитической жизни Японии. В частности, освещаются мероприятия правительства по реализации широкомасштабного плана реформирования политической и административной структуры общества, итоги выборов в парламент и избрание нового кабинета министров, состояние и перспективы экономического развития страны. Во внешнеполитической части обзора рассматриваются основные итоги реализации внешнеполитической стратегии Японии на международной арене, содержится краткий анализ состояния и развития отношений Японии с Россией, США и КНР.

Ким Ен Ун, К.Асмолов, С.Суслина. Республика Корея в 2005 году

Статья представляет собой очерк основных событий и проблем, стоявших перед Республикой Корея в 2005 году. Анализируются события политической жизни, темпы экономического развития, внешнеполитической активности и межкорейских отношений.

А.Жебин, Р.Савельев, С.Суслина. КНДР в 2005 году

Авторы анализируют основные итоги политического и экономического развития КНДР в 2005 году, а также отношения этой страны с соседними государствами и США, в том числе в контексте дипломатической борьбы вокруг урегулирования ядерной проблемы на Корейском полуострове.

Е.Кобелев. Вьетнам-2005: экономика на подъеме

В статье подводятся итоги развития Вьетнама в 2005 г., содержится анализ наиболее важных событий в политической, социально-экономической, культурной областях, в сфере внешнеполитической деятельности страны. Основной вывод автора — во Вьетнаме продолжается последовательное претворение в жизнь политики обновления и модернизации, провозглашенной руководством страны 20 лет назад, и на этом пути достигнуты впечатляющие успехи, особенно в сфере экономики. Подробно рассматривается нынешнее состояние российско-вьетнамских отношений, которые в целом развиваются по нарастающей, в соответствии с духом соглашения о стратегическом партнерстве, подписанном между РФ и СРВ в 2001 г.

Г.Яскина. Роль внешнего фактора в политическом и социально-экономическом развитии Монголии

В статье рассматриваются внешние факторы: донорская безвозмездная помощь, льготные кредиты и займы, внешняя торговля, политическая поддержка, — оказывающие воздействие на социально-экономическое развитие Монголии. Характеризуя эти факторы и их роль в развитии страны, автор указывает на причины, снижающие эффективность такой помощи, и подчеркивает, что ее освоение требует значительных усилий со стороны Монголии.

В.Усов. Владимир Иванович Глунин и изучение истории Китая в ИДВ РАН

В статье, публикуемой в рубрике “К 50-летию Института Дальнего Востока” РАН, автор характеризует основные этапы исторических исследований в ИДВ РАН, изучение истории КПК, новейшей истории Китая, китайской политики ВКП(б) и Коминтерна. Рассказывается о ведущей роли В.И.Глунина в этих процессах.

Ли Син. Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии

В статье китайского ученого, излагающей положения доклада, с которым он выступил на международной конференции в Москве в сентябре 2005 г., говорится о необходимости решения новых всемирных проблем, сопутствующих процессу мировой глобализации, оценивается роль дипломатии КНР в поисках подходов к их решению.

И.Цветова. Япония: партии и политика обеспечения безопасности.

Нынешняя политика правящих и оппозиционных партий рассматривается на примере их предвыборных обещаний и позиций по проблеме пересмотра действующей конституции Японии. Автор показывает трансформацию взглядов японских политических партий на проблему обеспечения национальной безопасности с момента окончания “холодной войны” до наших дней.

В.Андрианов. Национальное богатство России

Проблема национального богатства России рассматривается в историческом плане — от состояния этой проблемы в царской России до сегодняшнего дня. Особое внимание уделено автором практике рационального использования нефти и газа в качестве источника национального благосостояния.

Документы

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики*

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао Президент Российской Федерации В.В.Путин 21—22 марта 2006 года совершил официальный визит в Китайскую Народную Республику. Главы двух государств провели в Пекине официальные переговоры, присутствовали на церемонии открытия Года России и приняли участие в открытии Российско-Китайского делового Форума.

Во время визита Президент В.В.Путин провел встречи с Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго и Премьером Государственного Совета Вэнь Цзябао.

Главы двух государств всесторонне рассмотрели итоги развития российско-китайских отношений за десять лет, прошедших с момента установления между Россией и Китаем отношений равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. С удовлетворением констатированы качественные позитивные изменения в двустороннем сотрудничестве во всех областях. Стороны отмечают, что непрерывно углубляется политическое взаимодоверие, в сотрудничестве достигнуты значительные результаты. Создан и эффективно функционирует разветвленный механизм взаимодействия практически по всем направлениям сотрудничества. Всемерно укрепляются взаимопонимание и дружба между народами двух государств, российско-китайские отношения вышли на небывало высокий уровень.

Стороны полагают, что дальнейшее укрепление российско-китайских отношений относится к числу приоритетных направлений внешней политики двух стран, отвечает коренным интересам обоих государств и народов двух стран, способствует поддержанию мира и стабильности в регионе и во всем мире.

Подписанный 16 июля 2001 года Договор между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве является программным документом, который определил долгосрочное развитие российско-китайского стратегического сотрудничества и заложил прочную юридическую основу здорового и стабильного наращивания двусторонних связей. Стороны преисполнены решимости быть верными духу и принципам, определенным в Договоре, продолжать крепить добрососедство и дружбу, расширять взаимовыгодное сотрудничество, укреплять стратегическое взаимодействие, непрерывно продвигая двусторонние отношения на новый уровень во имя блага народов двух стран.

* Принята Президентом России Владимиром Путиным и Председателем Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао 21 марта 2006 года в Пекине

На основе разработанных в Договоре основополагающих принципов Стороны 14 октября 2004 года утвердили План действий по реализации положений Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве на 2005—2008 годы — документ комплексного характера, определяющий направления двустороннего взаимовыгодного сотрудничества во всех областях. Президент В.В.Путин и Председатель Ху Цзиньтао выразили удовлетворение ходом выполнения Плана действий.

Стороны будут содействовать развитию двусторонних отношений, придерживаясь следующих основных принципов: взаимное уважение, равенство, взаимная поддержка и всемерное продвижение политического взаимодоверия, взаимодополняемость, взаимовыгода и взаимное благоприятствование, учет долгосрочной перспективы, стремление к совместному развитию; взаимный обмен опытом, расширение гуманитарных контактов, укрепление социальной базы двусторонних отношений. Стороны будут придерживаться линии на координацию и углубление стратегического взаимодействия во внешнеполитических делах с целью создания благоприятной международной обстановки.

Исходя из вышеизложенного, главы государств России и Китая заявляют о следующем:

I

1. Стороны будут и впредь поддерживать тесные контакты между высшими руководителями двух государств, используя различные каналы, вести обмен мнениями по важнейшим вопросам двусторонних отношений и международной обстановки.

2. Стороны высоко оценивают работу Механизма регулярных встреч глав правительств России и Китая. Десять лет существования Механизма, который сыграл важную роль в продвижении российско-китайского сотрудничества в различных областях, показали его высокую эффективность в качестве основного канала реализации политики обоих государств, направленной на всестороннее развитие двустороннего сотрудничества в торгово-экономической, научно-технической и гуманитарной областях. Стороны поддерживают учреждение в составе Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств подкомиссий по сотрудничеству в области охраны окружающей среды и по сотрудничеству в области гражданской авиатехники.

3. Стороны отмечают, что новым важным каналом межгосударственного диалога стали консультации по стратегическим вопросам безопасности на уровне руководства Совета Безопасности Российской Федерации и руководства Государственного Совета КНР. Они условились продолжить обсуждение в его рамках крупных международных вопросов, затрагивающих интересы национальной безопасности Российской Федерации и Китайской Народной Республики.

4. Стороны выражают намерение продолжить укрепление межпарламентских связей, которые играют важную роль в деле продвижения двусторонних отношений. Главы государств России и Китая с удовлетворением отмечают, что за прошедший период Совет Федерации и Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации создали комиссии по сотрудничеству со Всекитайским собранием народных представителей, что будет способствовать развитию межпарламентских обменов.

II

1. Стороны едины в том, что решение о проведении Года Российской Федерации в Китайской Народной Республике в 2006 году и Года Китайской Народной Республики в Российской Федерации в 2007 году имеет стратегическое значение. Национальные Годы, которые не имеют аналогов по масштабности и насыщенности мероприятий. Они будут способствовать дальнейшему укреплению политического взаимодоверия, углублению сотрудничества Сторон в политической, торгово-экономической, научно-технической, гуманитарной и

других областях, упрочению социальной базы российско-китайской дружбы, дадут мощный импульс всестороннему развитию отношений партнерства и стратегического взаимодействия между Россией и Китаем.

2. Главы государств с удовлетворением отметили, что, благодаря конструктивному взаимодействию Сторон, План мероприятий Года Российской Федерации в Китайской Народной Республике успешно выполняется, и поручили заинтересованным ведомствам обеспечить его дальнейшую последовательную реализацию, а также активно взаимодействовать при разработке мероприятий Года Китайской Народной Республики в Российской Федерации.

III

1. Стороны отмечают, что ратификация в обоих государствах в 2005 году Дополнительного соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о российско-китайской государственной границе на ее Восточной части знаменует окончательное урегулирование пограничного вопроса между двумя странами.

2. Стороны единодушны в том, что окончательная делимитация российско-китайской государственной границы в равной мере, как и успешная реализация на протяжении последних десяти лет соглашений по укреплению мер доверия в военной области и взаимному сокращению вооруженных сил в районе границы, а также по совместному хозяйственному использованию отдельных островов и прилегающих к ним акваторий приграничных рек, способствовали превращению границы между двумя государствами в границу мира и дружбы. Благоприятная атмосфера в районе границы стимулировала дальнейшее укрепление приграничных и межрегиональных связей и сотрудничества.

3. Стороны подтверждают договоренность о необходимости завершения демаркационных работ на двух участках до конца 2007 года и с удовлетворением констатируют, что подготовка к демаркации идет по согласованному графику.

IV

Стороны выражают решимость поддерживать политику и действия друг друга в вопросах защиты государственного суверенитета, единства и территориальной целостности. Российская Страна будет и впредь проводить политику "одного Китая", признавая правительство Китайской Народной Республики единственным законным правительством, представляющим весь Китай, а Тайвань — неотъемлемой частью Китая. Российская Страна не поддерживает с Тайванем официальных отношений и не вступает с Тайванем в официальные контакты, выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме, включая "независимость де-юре", не приемлет концепций "двух Китаев", либо "одного Китая и одного Тайваня", выступает против участия Тайваня в ООН и других международных организациях, членами которых могут быть только суверенные государства, не будет поставлять оружие Тайваню.

Российская Страна с пониманием относится к усилиям Китайской Страны по мирному объединению страны на основе положений Закона КНР о противодействии деятельности по расколу государства и считает тайваньский вопрос внутренним делом Китая. Внешние силы не вправе в него вмешиваться.

Российская Страна признает, что Тибет — неотъемлемая составная часть Китая.

V

Стороны с удовлетворением отмечают, что за прошедшие десять лет совместными усилиями были достигнуты большие позитивные результаты в области торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами, которое вышло на траекторию ускоренного роста.

1. За неполные пять лет, прошедших со времени подписания Договора между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве от 16 июля 2001 года, объемы двусторонней торговли

возросли в 3 раза и приблизились к 30 млрд долларов. Неуклонно расширяются сферы взаимодействия, набирает темпы инвестиционное сотрудничество, динамично растут масштабы приграничных и межрегиональных экономических обменов, укрепляются связи и контакты между деловыми кругами двух стран.

Стороны едины во мнении, что на нынешнем этапе развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества все большую актуальность и значение приобретают задачи существенного повышения его эффективности, наполнения качественно новым содержанием, совершенствования форм и методов осуществления торгово-экономических связей. Стороны предпримут усилия для выведения к 2010 году двустороннего товарооборота на уровень 60-80 млрд долл. США.

В целях дальнейшего раскрытия потенциала сотрудничества Стороны продолжают усилия по совершенствованию структуры торговли, увеличению доли машинотехнической и высокотехнологичной продукции, повышению качества и уровня торгово-экономического сотрудничества.

2. Стороны подчеркивают, что российско-китайское инвестиционное сотрудничество является важным каналом расширения экономического взаимодействия между двумя странами и имеет широкие перспективы. Разрабатываемое российско-китайское соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений будет иметь важное значение для защиты законных интересов инвесторов двух стран, стимулирования углубленного развития инвестиционного сотрудничества. Стороны продолжают совершенствование механизма инвестиционных форумов, усилят информационный обмен и координацию шагов, создадут благоприятные условия для инвестирования, будут способствовать разворачиванию различных форм сотрудничества между предприятиями двух стран в строительстве объектов инфраструктуры, перерабатывающих отраслях, высоких технологиях, энергетике и освоении природных ресурсов с тем, чтобы реализовать взаимодополняемость и раскрыть преимущества, добиться взаимной выгоды.

3. Стороны отмечают, что российско-китайское сотрудничество в области энергетике, которое является одной из главных составляющих стратегического партнерства между двумя государствами, выходит на качественно новый уровень. Оно имеет важное значение для дальнейшего углубления двустороннего экономического взаимодействия.

Стороны реализуют стратегию диверсификации в энергетической сфере.

Энергетические ведомства и компании двух стран продолжают активную работу по продвижению проектов трубопроводов для поставок сырой нефти и природного газа из России в Китай.

Стороны поддерживают инвестиционное участие предприятий двух стран в освоении нефтегазовых ресурсов и развитии топливно-энергетического потенциала России и Китая, а также другие формы взаимовыгодного сотрудничества, включая нефте- и газопереработку, нефте- и газохимию, развитие машиностроительных производств для нужд топливно-энергетического комплекса.

Стороны отмечают большую работу, проделанную электроэнергетическими предприятиями двух государств, по активному продвижению сотрудничества в области широкомасштабного экспорта электроэнергии из России в Китай.

Стороны отмечают развитие сотрудничества между заинтересованными компаниями двух государств по поэтапной реализации двусторонних проектов в энергетической сфере. Это создает условия для заключения на долгосрочной и взаимовыгодной основе межведомственных и межправительственных соглашений в области энергетики. Взаимодействие в этой области будет способствовать росту экономик обоих государств и укреплению энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в мире в целом.

4. Стороны настроены углублять сотрудничество в производстве оборудования для гидро- и тепловых электростанций, в сфере высоких технологий, информационных технологий, ядерной энергетики, авиации и космоса, автомо-

билестроения и сельскохозяйственного машиностроения, черной и цветной металлургии, лесной и других отраслях промышленности, способствовать реализации крупных проектов. Они будут укреплять обмены и кооперацию в области финансов, транспорта, создания особых экономических зон, расширять освоение ресурсов и сотрудничество в глубокой переработке древесины и морепродуктов, совершенствовать транспортную и приграничную пропускную инфраструктуру, стимулировать сотрудничество между регионами двух стран и между сопредельными регионами двух стран.

VI

Стороны отмечают, что за последние годы усилилось взаимодействие двух государств по вопросам охраны окружающей среды и природопользования как на центральном, так и на местном уровнях. Этому будет способствовать вновь созданная Подкомиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды Российско-Китайской Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств.

1. Стороны согласились с необходимостью активизации совместных усилий по защите окружающей среды в районе границы, ставя задачу предотвращения техногенных катастроф и минимизации ущерба от возможных аварий и природных катастроф для людей и природы по обе стороны границы. Они ускорят консультации по подготовке проекта межправительственного соглашения о сотрудничестве в области охраны и рационального использования трансграничных водных объектов.

2. Стороны приветствуют начало конструктивного диалога по вопросам охраны окружающей среды между Министерством природных ресурсов Российской Федерации и Государственной администрацией Китайской Народной Республики по охране окружающей среды на основе межведомственного Меморандума о взаимопонимании по вопросам совместного мониторинга качества воды трансграничных водных объектов.

VII

Стороны отметили, что десять лет, прошедших с момента провозглашения нашими странами курса на стратегическое партнерство, и пять лет после подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве знаменуются устойчивым развитием российско-китайского сотрудничества в гуманитарной области, которое занимает важное место в двусторонних отношениях. Они намерены активизировать двустороннее сотрудничество в области образования, культуры, средств массовой информации, здравоохранения, туризма и спорта.

VIII

1. Стороны выражают удовлетворение высоким уровнем и нарастающей динамикой сотрудничества наших государств в сфере правоохранительной деятельности, предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, особенно на приграничном уровне, а также в миграционной области.

2. Главы двух государств высоко оценивают ход реализации имеющихся договоренностей в военной области и отмечают, что военное сотрудничество между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой успешно развивается по всем направлениям. Прошедшее в августе 2005 года первое российско-китайское совместное военное учение "Мирная миссия 2005" продемонстрировало готовность оборонных ведомств Российской Федерации и Китайской Народной Республики к дальнейшему взаимодействию в интересах эффективного противодействия новым вызовам и угрозам международной и региональной безопасности.

IX

Стороны констатировали, что в последние годы двустороннее взаимодействие на международной арене неуклонно расширялось и углублялось, внося позитивный вклад в дело мира и развития на планете. Большое значение имеет подпи-

санная в июле 2005 года Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке.

Развитие ситуации в мире в последние годы показало, что мировое сообщество может эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы только совместными усилиями. Россия и Китай, как и подавляющее большинство других государств, выступают за то, чтобы на основе общепринятых норм международного права построить новую архитектуру безопасности. Она предполагает признание права государств на защиту государственного единства и национального достоинства, на независимый и самостоятельный выбор пути развития в соответствии с собственными условиями, на равноправное участие государств в международных делах, а также признание культурно-цивилизационного многообразия мира.

1. Стороны убеждены в безальтернативности важной роли ООН в таких областях, как обеспечение мира и безопасности во всем мире. Они высоко оценивают уровень взаимодействия по проблематике ООН.

В совместной работе в области реформирования организации Россия и Китай исходят из понимания назревшей необходимости перемен и отрицания любой поспешности в осуществлении преобразований. Они считают, что реформа ООН, затрагивающая жизненные интересы всех государств, должна помочь укреплению многосторонних подходов, повысить авторитет и эффективность ООН, ее способность реагировать на новые вызовы и угрозы. Соответствующие решения должны приниматься на основе широкого консенсуса.

2. Стороны признают глобальный и комплексный характер террористической угрозы и отмечают необходимость активизации взаимодействия в рамках ООН в противодействии терроризму. Они выступают за принятие Международной конвенции о борьбе с актами ядерного терроризма, активизацию двустороннего сотрудничества в деле борьбы с финансированием терроризма, в том числе в рамках Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

3. Россия и Китай подтверждают свою приверженность дальнейшему укреплению международного режима ядерного нераспространения на основе Договора о нераспространении ядерного оружия. Россия и Китай предпримут дальнейшие усилия по продвижению их совместной инициативы о подготовке договоренности, вводящей запрет на вывод оружия в космическое пространство и гонки вооружений в космосе. Стороны будут и далее активно содействовать процессу химического разоружения и запрещения биологического оружия. Стороны будут уделять повышенное внимание экспортному контролю как важному инструменту нераспространения ОМУ и средств его доставки. Россия продолжит оказывать содействие Китаю в присоединении к РКРТ.

4. Стороны отмечают, что будут и далее тесно взаимодействовать в урегулировании ситуации вокруг ядерной программы Ирана политико-дипломатическими средствами.

5. Стороны подтверждают, что шестисторонние переговоры являются реальным и эффективным путем поиска решения ядерной проблемы Корейского полуострова. Стороны призывают всех участников переговоров проявлять терпение, гибкость, и в конструктивном ключе продолжать продвигать шестисторонний процесс с тем, чтобы мирным путем разрешить ядерную проблему Корейского полуострова, реализовать цель денуклеаризации Корейского полуострова, поддерживать мир и стабильность на полуострове и в регионе в целом.

6. Стороны с удовлетворением констатируют, что Шанхайская организация сотрудничества, которой в текущем году исполняется пять лет, стала самобытным фактором международных отношений. Она обладает значительными возможностями в деле эффективного противодействия новым вызовам и угрозам, имеющим трансграничный характер. Стороны предпримут все усилия с тем, чтобы практическое сотрудничество в рамках ШОС в сфере безопасности, экономики и других областях непрерывно углублялось и развивалось.

Предстоящий в июне 2006 года в Шанхае юбилейный саммит ШОС призван на основе обобщения опыта работы Организации придать новый импульс ее дальнейшему укреплению и развитию в соответствии с задачами и принципами, заложенными государствами-учредителями в Хартии ШОС.

Россия и Китай рассматривают развитие ШОС как важный стратегический элемент своей внешней политики и намерены продолжать тесную координацию своих позиций в рамках Организации.

7. Россия и Китай едины во мнении, что справедливое, всеобъемлющее и прочное урегулирование арабо-израильского конфликта является общей стратегической целью, достижение которой возможно лишь переговорным путем на признанной международно-правовой основе, включающей соответствующие резолюции СБ ООН, а также принцип "территории в обмен на мир". Стороны поддерживают скорейшее возобновление палестино-израильского переговорного процесса и создание в конечном итоге суверенного, демократического и жизнеспособного палестинского государства, живущего бок о бок с Израилем в мире и безопасности.

8. Россия и Китай последовательно выступают за скорейшую нормализацию обстановки в Ираке, сохранение его единства и территориальной целостности, уважение его государственного суверенитета.

9. Стороны отмечают, что стабильность и безопасность, устойчивое экономическое развитие и непрерывный социальный прогресс в странах Центральной Азии полностью отвечает жизненным интересам России и Китая. Подтверждено обоюдное стремление расширять взаимодействие с центральноазиатскими государствами на двусторонней основе и в рамках ШОС, уделяя особое внимание проблемам борьбы с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. Россия и Китай выражают поддержку усилий государств Центральной Азии по созданию в этом регионе зоны, свободной от ядерного оружия, и выступают за скорейшее заключение соответствующего договора.

10. Стороны высказываются за скорейшее создание механизма трехстороннего сотрудничества в формате Россия — Китай — Индия, считая, что это содействует более полной реализации их возможностей в экономическом развитии, а также укрепляет международные усилия по противодействию новым вызовам и угрозам.

Восточная Азия: итоги 2005 года

Итоги 10-й пятилетки и становление новой модели экономического роста в КНР

© 2006

Я. Бергер

10-я пятилетка стала очередным важным этапом на пути к достижению общенациональных целей: модернизации, индустриализации, построения общества среднего достатка, превращения Китая в мощную мировую экономическую державу. Несмотря на ряд неблагоприятных факторов, включая стихийные бедствия, эпидемию атипичной пневмонии, колебания мировой экономической конъюнктуры, Китаю удалось сохранить высокие темпы роста, преодолеть последствия азиатского финансового кризиса, продолжить рыночные реформы, существенно увеличить экономическую мощь, повысить материальный уровень жизни населения.

Благодаря среднегодовым темпам экономического роста в 9,5% за пять лет ВВП возрос на 57,3%. ВВП на душу населения достиг 1700 долл. Значительно увеличилось производство основных видов промышленной и сельскохозяйственной продукции. Ускорилось освоение новых и высоких технологий. Опережающими темпами рос объем внешней торговли, увеличившись за пятилетие втрое. Доля электронных средств связи в экспорте достигла в 2005 г. 35,2%, а продукции машиностроения и транспортного оборудования в 2004 г. — 45,2%. Соответственно удельный вес сельскохозяйственной продукции, топлива и минерального сырья опустился ниже 15%. Общая сумма прямых иностранных инвестиций составила 274 млрд долл. Было завершено или продолжено строительство крупных базовых сооружений: гидротехнических, энергетических, транспортных, коммуникационных. В городах создано 42 млн новых рабочих мест. Ушел в историю просуществовавший более 2600 лет сельскохозяйственный налог. По официальным данным, численность бедняков в деревне сократилась с 29,27 млн чел. в 2001 г. до 20,35 млн чел. в 2005 г., а численность населения с низкими доходами — с 61,02 млн чел. до 40,67 млн чел.

Вместе с тем в 10-й пятилетке не был достигнут ряд важных показателей *качества* экономического роста. В 2005 г. сократился удельный вес сектора услуг в ВВП. Доля потребления в ВВП должна была увеличиться с 46 до 50% и более, а фактически в 2005 г. она не только не возросла, но, напротив, уменьшилась до 33,3%. Среднегодовой рост затрат энергии должен был составить 3,26%, а фактически превысил 10%, т.е. оказался не ниже, а выше темпов роста ВВП. Удельное потребление энергии на единицу ВВП предполагалось

снизить по сравнению с концом 9-й пятилетки на 15-17%, а фактически оно возросло на 7%. Пахотная площадь должна была составить не менее 128 млн га, но в 2004 г. она сократилась до 122,4 млн га, а в 2005 г. стала еще меньше. Удельный вес НИОКР в ВВП поднялся с 0,9% в 2000 г. до 1,3% в 2005 г., но не достиг планового показателя в 1,5%. Охват учащихся обучением в средней школе верхней ступени оказался в 2005 г. ниже запланированного: 52 вместо 60%.

Сорвано выполнение основных заданий по уменьшению загрязнения окружающей среды. За пять лет выбросы сернистого газа в атмосферу не только не уменьшились, но, напротив, возросли на 27%. Из запланированных 2130 сооружений по очистке сточных вод введены в действие только 1378, освоено немногим более половины инвестиций. Плановые задания по снижению химического потребления кислорода (COD) выполнены только в бассейне р. Хуайхэ, в остальных бассейнах они далеко не достигнуты. Две трети горожан существуют в воздушной среде, загрязненность которой выше средней. 58% внутренних вод загрязнены в средней или серьезной степени, серьезно загрязнены грунтовые воды в половине городских районов. В 2005 г. кислотные дожди выпадали в 357 из 696 наблюдаемых городов. Особенно ухудшилась обстановка в районах наиболее быстрого экономического роста — в Восточном и Южном Китае.

Китайское руководство отдает себе отчет в том, что наряду с несомненными успехами сохраняются, а в ряде важных аспектов и усугубляются серьезные вызовы, проблемы и противоречия социально-экономического развития. В докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва названы основные из них: нерациональность экономической структуры, недостаточность собственных инноваций, медленное изменение модели экономического роста (*цзинцзи цзэнчжан фанши*), расточительное расходование энергетических и иных ресурсов, усугубление загрязнения окружающей среды. Кроме того, отмечены сравнительно острые проблемы, касающиеся трудоустройства, дисбаланса инвестиций и потребления, дальнейшего увеличения различий в развитии города и деревни и регионов, нарастающей дифференциации доходов у “части членов общества” и, наконец, продолжающегося отставания социальной сферы.¹ К ускорению смены модели экономического роста с тем, чтобы обеспечить всестороннее, гармоничное и устойчивое развитие страны, призвал генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао, выступая на очередной 29-й сессии коллективной учебы Политбюро ЦК КПК 22 февраля 2006 г.²

Проблема обновления модели экономического роста является центральной для нынешнего этапа и перспектив развития Китая. С ней, как представляется, в той или иной мере связаны многие, если не все, прочие проблемы и противоречия.

Действующая модель экономического роста в Китае включает в себя ряд базовых характеристик, которые обеспечивали на протяжении двух с половиной десятилетий высокую динамику роста — главное достижение политики реформ и открытости, основной стержень “китайского чуда”. И вместе с тем именно они сегодня требуют существенной коррекции. К числу таких базовых черт, на наш взгляд, можно отнести следующие моменты:

- Ведущая или определяющая роль государства не только в проведении институциональных реформ, создании рыночной среды и макроэкономическом регулировании, но и в непосредственном распределении ресурсов.
- Преимущественная опора на иностранный капитал для обновления технологий, расширения экспорта, накопления валютных ресурсов.
- Экспортная ориентация экономики.
- Высокая доля накопления, преобладающая роль инвестиций при ограниченном платежеспособном спросе населения.
- Массовое использование дешевого труда и дешевых или бесплатных естественных ресурсов.

- Неравномерное развитие деревни и города, социальных групп, территорий.

- Экономия затрат на социальную сферу, на охрану жизни и здоровья населения, на вложения в человеческий капитал.

Несмотря на то что такая модель работает и сегодня, и останется в краткосрочной перспективе еще в какой-то мере работоспособной, имея некоторые ресурсы для того, чтобы приносимые ею позитивные результаты перевешивали негативный эффект, тем не менее в последние годы становилась все более очевидной ее историческая ограниченность, ее неспособность обеспечить устойчивое развитие страны в долгосрочной перспективе. Об этом свидетельствуют, в частности, те проблемы, на которые уже обратило внимание новое китайское руководство. Особенно настоятельные требования к изменению модели роста предъявляют такие факторы, как отставание социальной сферы, обострение противоречий в обществе, дефицит природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, граничащее в ряде случаев с экологической катастрофой, причем не только для самого Китая, но и для сопредельных стран.

Необходимость поступательной трансформации способа экономического роста была осознана еще во второй половине 90-х годов прошлого века. Однако в силу ряда причин эту задачу удалось решить пока лишь частично.

Во-первых, речь не может идти о полной и единовременной смене всех основных параметров действующей модели. Весь предшествующий опыт китайских реформ показал, что даже при более кардинальной замене централизованной плановой экономики рыночной необходим последовательный и поступательный переход: от реформ более легких и менее болезненных для экономики и общества, к реформам сложным и трудным. Это тем более справедливо для перехода от одной рыночной модели к другой.

Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо. В Китае в основном построена рыночная экономика.³ Однако в связи с тем, что за последнее время стали все больше выявляться наряду с ее позитивными чертами и черты негативные, в китайском обществе начинают снова, как и при начале рыночных реформ, возникать сомнения не только по поводу правильности конкретно избранного пути, но и касательно принципиального предпочтения рыночных ценностей экономической эффективности по сравнению с ценностями социальной справедливости.

Но, как справедливо заметил нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц, выступая на 7-м Высшем форуме по развитию Китая в марте 2006 г., рынок бывает разный.⁴ Действующая модель экономического роста во многом носила переходный характер, новая — должна развиваться на собственной основе. Последняя должна, с одной стороны, быть экономически еще более обширной, охватывая рыночное регулирование цен не только на продукты и услуги, но и на факторы производства, а с другой — социально и экологически более жестко лимитированной.

На первом этапе китайские рыночные реформы во многом следовали западным, преимущественно неолиберальным установкам, включая ценности общества массового потребления, распространяясь подчас и на те области, которые, по определению, не могут быть целиком рыночными (например, институты жизнеобеспечения государства и общества). Новая модель экономического роста, оставаясь рыночной, должна, как предполагается, в значительно большей мере, чем прежде, ориентироваться на традиционные для Китая ценности социальной гармонии, социальной справедливости, единства человека и природы. В официальной китайской трактовке она сегодня характеризуется двумя основными понятиями: "научный взгляд на развитие" (*кэсюэ фачжань гуань*) и "строительство гармоничного общества" (*гоуцзянь хэсе шэцуй*).

Иными словами, речь в первую очередь, идет о придании рыночной экономике существенно большей, чем прежде, социальной и экологической направленности. Становление такой модели требует определенного исторического

срока, никак не меньшего, чем переход от плановой экономики к экономике рыночной. Но значение ее в том случае, конечно, если она будет реализована, не только для Китая, но и для всего мира трудно переоценить.

Во-вторых, нельзя сбрасывать со счетов немалой инерционности действующей модели. За период ее функционирования созданы институты, наработаны стимулы и мотивации, способствующие ее утверждению и сохранению, и они продолжают свое в значительной мере автономное движение, даже подчас вопреки первоначальной воле их создателей. За каждым из параметров нынешней экономической модели стоят групповые интересы политической и хозяйственной элиты. И совершенно очевидно, что они оказывают и будут оказывать жесткое сопротивление попыткам качественно изменить эти параметры.

Наконец, в-третьих, процесс смены модели экономического роста объективно противоречив. К примеру, повышение эффективности и конкурентоспособности китайской экономики требует укрупнения, технического и технологического переоснащения предприятий, что вступает в противоречие с важнейшей социальной задачей обеспечения занятости и работников, высвобождаемых в процессе реорганизации и реконструкции промышленности, и городской молодежи, вступающей в рабочий возраст, и трудовых мигрантов из деревни. Главное поле занятости для них могут обеспечить в основном как раз не крупные, а малые и средние предприятия, нередко технологически далекие от передового уровня и потребляющие в расчете на единицу продукции и на одного занятого значительно больше ресурсов и энергии.

К этому следует добавить еще одно немаловажное обстоятельство. Сами представления о сути новой модели экономического роста, о важнейших ее характеристиках не однозначны. В одних случаях проблема сводится к изменениям в отраслевой структуре экономики, в других — речь идет о новом типе индустриализации, в-третьих — новации призваны охватить более широкие области и включить в себя не только собственно экономику, но и тесно примыкающие к ней сферы социального и политико-административного развития. В любом случае одно остается несомненным: при выборе дальнейших путей рыночных реформ, новой модели экономического роста должны быть учтены самые широкие интересы всех социальных групп китайского общества, услышан голос как тех, кто уже в полной мере пользуется плодами экономических достижений, так и тех, кто пока в большей или меньшей степени обделен ими.

Субъекты рыночной экономики

В 10-й пятилетке происходили значимые изменения в соотношении трех основных субъектов китайской экономики: государства, частного национального капитала и иностранного (транснационального) капитала. Государство постепенно сокращает пространство своего непосредственного присутствия в хозяйственной и производственной деятельности, выигрывая в ее качестве и сохраняя за собой командные рычаги макроэкономического регулирования. На освобождаемом поле разворачивается борьба между крепнущим частным национальным бизнесом и утвердившимися на китайском рынке иностранными компаниями.

Государство

Курс на сокращение функций государства как непосредственного участника экономической деятельности, в первую очередь, на микроэкономическом уровне, был взят почти с самого начала китайских реформ. Сосредоточивая свои усилия на макрорегулировании, государство стремится, прежде всего, поддерживать экономическую и социальную стабильность, которую не способен автоматически обеспечивать рынок. С помощью финансовой, монетарной, фискальной политики и иных средств оно стремится не допускать и выправлять особенно опасные дисбалансы, контролирует и надзирает за функционированием рынка, с тем, чтобы удерживать его в установленных законом рамках.

Тем не менее собственно государственный сектор продолжает играть важную роль в китайской экономике. Принадлежащие государству и контролируемые государством предприятия составляют лишь 11% общего числа предприятий в стране, но их доля в реализуемой прибыли составляет 44,9%, а в налоговых отчислениях — 56,7%.⁵ Государство сохраняет за собой определяющую роль в таких важнейших отраслях, как военная и аэрокосмическая, нефтедобыча и нефтепереработка, средства связи, электроэнергетика, транспорт. Принадлежащие государству и контролируемые им предприятия обеспечивают технический прогресс соответствующих отраслей и их конкурентоспособность на мировых рынках. Государство осуществляет строительство важнейших транспортных и гидротехнических сооружений.

Вступила на новую ступень начатая еще в 80-х годах прошлого века реформа государственных предприятий, нацеленная на дальнейшее повышение их эффективности и конкурентоспособности. В марте 2003 г. был образован Госкомитет по контролю и управлению госимуществом при Госсовете КНР. В центре, на провинциальном уровне и в большинстве городов созданы органы по управлению государственным имуществом. В компаниях и на крупных предприятиях, где государство является единственным и полновластным собственником, в экспериментальном порядке учреждаются советы директоров, с тем чтобы отделить принятие решений от их исполнения. Проводятся открытые конкурсы на замещение руководящих постов в компаниях отечественными и зарубежными менеджерами.

Число предприятий государственного сектора экономики сократилось с 1997 г. по 2004 г. более чем в два раза. Преобразование средних и малых государственных предприятий по существу завершено. Развернулось акционирование крупных предприятий, в 2004 г. плюрализация системы собственности охватила 66,9% чистых активов таких предприятий. Значительная их часть стала котировать свои акции на бирже как в Китае, так и за рубежом. Меняются механизм управления, статус работников, в ряде случаев повышается эффективность хозяйственной деятельности.

Широкие масштабы приняло банкротство и закрытие убыточных государственных предприятий. Закрыто или подвергнуто банкротству более половины испытывавших трудности и нуждавшихся в выводе с рынка крупных и средних государственных предприятий, а также рудников и шахт, исчерпавших ресурсы добычи.

Предприятия центрального подчинения освобождают себя от заботы об учреждениях социальной сферы. Из ведения трех крупнейших корпораций: Китайской нефтегазовой компании, Китайской нефтехимической компании и автомобильной компании Дунфэн были выведены сотни средних и начальных школ и органов общественного порядка, где в общей сложности было занято 94 тыс. чел., что сократило ежегодные расходы корпораций более чем на 4 млрд юаней. В 2005 г. такая работа была развернута на 74 предприятиях.

Продолжалось сокращение избыточной рабочей силы. За последние годы в общей сложности с государственных предприятий в статусе «связан» были уволены 27 млн чел, из которых 18 млн чел. нашли новую работу. В целом число занятых в государственных «единицах» за пятилетие сократилось на 15 млн чел. Суммарная численность работников государственных предприятий уменьшилась с максимальной величины в 75 млн чел. до 40 млн чел. на конец 2004 г.

Ускорена техническая реконструкция предприятий. Одновременно с сокращением числа государственных предприятий на 26% (с 174 тыс. в 2001 г. до 138 тыс. в 2004 г.) их основные фонды возросли на 33,5%, а реализованная прибыль — в 2,7 раза. В список 500 крупнейших предприятий мира в 2005 г. вошли 15 китайских государственных компаний.

В конце 2005 г. председатель наблюдательного совета по крупным предприятиям Госкомитета по контролю и управлению госимуществом при Госсовете КНР Ли Сяонань заявил, что реформа государственных предприятий бу-

дет продолжена до 2015-2020 гг. В течение всего этого периода будет продолжена плюрализация собственности, которая позволит в ходе рыночной конкуренции выявить преимущества и недостатки различных типов предприятий: с чисто государственным капиталом, с абсолютным или относительным его преобладанием, а также при участии государства без обладания контрольным пакетом акций. Исключая первый тип, который акционированию не подлежит, для крупных предприятий трех остальных типов будут установлены правила выхода на фондовые биржи, образования совместных с национальным и иностранным капиталом компаний, сделок по обмену прав собственности, слияний и поглощений. Ставится задача создать примерно 30 крупных государственных корпораций, конкурентоспособных на мировых рынках.⁶

Однако позитивные результаты реформы госпредприятий, и, более того, ее основное направление, цели и методы подверглись начиная с 2004 г. серьезному сомнению и нападкам как на страницах специальных научных изданий, так и в массовых средствах коммуникации. Старт кампании, нацеленной не только конкретно против данной реформы, но в более широком смысле и против всего рыночного реформистского курса Китая, дал гонконгский экономист Лан Сяньпин.⁷

В самом общем виде его позиция состояла в следующем. Во-первых, менять характер собственности государственных предприятий в принципе не нужно, поскольку предприятия, и оставаясь государственными, при хорошем управлении могут быть вполне эффективными и конкурентоспособными. Во-вторых, идея рыночных реформ, включающих приватизацию государственной собственности, принадлежит неолибералам. Она направлена на ограбление народа и выгодна только руководителям государственных предприятий, частным предпринимателям и находящимся в сговоре с ними чиновникам. В-третьих, менеджеры государственных предприятий намеренно ведут их к убыточности и банкротству, чтобы затем по дешевке скупать. Отсюда — требование немедленно прекратить продажу предприятий их управляющим.

Антирыночная позиция Лан Сяньпина и его единомышленников и последователей, разумеется, не представляет собой ничего принципиально нового. Аналогичные взгляды высказывались еще во время предыдущих дискуссий в Китае в начале 80-х и на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века. Разница, однако, состоит в том, что на нынешнем этапе такие взгляды готовы поддерживать отнюдь не только ортодоксы старой закалки, в принципе не принимающие идеи рынка, считающие их несовместимыми с основами социализма, но и очень большая часть людей, недовольных тем, как осуществляются эти идеи, иными словами, недовольных, по существу, той моделью рыночной экономики, которая до сего времени осуществляется в Китае. Впрочем, и прежде, по мнению известного китайского экономиста У Цзинляня, главная опасность для реформистского курса исходила не столько от консерваторов, сколько от того, насколько этот курс являлся социально справедливым и насколько его принимает народ. Именно в этом корень проблемы. "В начале реформ большинство людей считали, что они принесут им пользу, а сегодня какие люди, в конце концов, стоят за продолжение реформ?"⁸

Исследователи, идеологически менее ангажированные, чем нынешние антирыночники, и готовые более взвешенно и объективно оценивать итоги реформы госпредприятий, признают, что при ее осуществлении допущен ряд серьезных просчетов. Говорится, в частности, о поспешности проведения преобразований, о том, что недостаточно учитывались интересы и мнения работников преобразуемых объектов, об алчности и продажности чиновников, санкционирующих сделки. Так, в провинции Цзилинь было принято решение за один 2005 г. провести в основном преобразование всех 816 государственных предприятий провинции. К октябрю эта операция, проведенная по типу "политической мобилизации", была завершена на 90%. Однако возникло множество "неожиданных последствий", и реорганизацию пришлось проводить по второ-

му и третьему разу.⁹ Подобно ряду других преобразований реформу государственных предприятий осуществляют правительства различных уровней: они проектируют реструктуризацию компаний, подыскивают менеджеров и даже списывают часть задолженности, что, конечно, часто сопровождается закулисными сделками.

В этой ситуации сокращение числа предприятий, непосредственно контролируемых государством, ведет не к уменьшению партийно-правительственного аппарата, а, напротив, к его еще большему разбуханию. За период с 1995 по 2003 г. численность рабочих и служащих, занятых на государственных предприятиях и в государственных учреждениях, в целом снизилась на 39,6%, численность работников государственных предприятий обрабатывающей промышленности — на 74%, а число служащих партийно-правительственного аппарата и общественных организаций, напротив, возросло на 12%. За то же время фонд заработной платы рабочих и служащих государственных предприятий и учреждений увеличился на 59%, фонд заработной платы работников государственных предприятий обрабатывающей промышленности сократился на 38,7%, а фонд заработной платы чиновников возрос в 3,2 раза.¹⁰

В результате тяготы рыночных реформ в государственном секторе экономики несут одни социальные группы, а выгодой от них пользуются другие. Все это требует существенного переосмысления подходов к реформам и методов их проведения, что, конечно, ни в коем случае не предполагает ни отказа от самих реформ, ни их приостановки. Речь идет лишь о более справедливом распределении результатов роста рыночной экономики и недопущении ее монополизации. В противном случае антирыночные настроения в обществе могут укрепиться и еще более возрасти.

В докладе о работе правительства на 4-й сессии ВСНП 10-го созыва премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао призвал ускорить акционирование крупных государственных предприятий, прежде всего в монополизированных отраслях, с привлечением государственного, коллективного и частного — отечественного и иностранного капитала. Он предложил также уменьшить долю государства в уже акционированных предприятиях, где она излишне велика и мешает формированию нормальных структур корпоративного управления, коренному преобразованию механизма хозяйствования и плюрализации инвестиций. Все вновь строящиеся предприятия должны быть акционерными с участием не только государственного, но и негосударственного капитала.

Государство постепенно отходит от чисто административных методов стимулирования экономического роста, применявшихся особенно активно на начальной стадии рыночного курса — в первой половине 90-х годов. На современном этапе отношения между правительством и рынком устанавливаются по принципу "большой рынок, малое правительство" (*да шицан сяо чжэнфу*). Важными шагами в преобразовании экономических функций правительства стали принятый в 2003 г. Закон об административных разрешениях (*синчжэн стюкэ фа*) (введен в действие с 1 июля 2004 г.) и дополняющее его Постановление Госсовета о реформе инвестиционной системы от 2004 г. В мае 2004 г. Госсовет КНР утвердил третий по счету список изъятий и поправок к перечню объектов, требующих одобрения (первые два списка были утверждены ранее — в октябре 2002 г. и феврале 2003 г.) Тем самым разрешительные функции правительства были сокращены наполовину. В августе 2004 г. Постоянный комитет ВСНП принял поправки к законам, которые еще более сужают эти функции — примерно до половины от их прежнего объема.

Тем не менее сохранение за государством почти безграничных возможностей распоряжаться земельными и финансовыми ресурсами и роли ведущего инвестора все еще консервирует экстенсивный характер роста. Кроме того, ситуация, при которой распространение рыночных отношений на факторы производства происходит позже, чем в других секторах экономики, объективно создает условия для чрезмерного обогащения меньшинства общества за счет

большинства. По мнению У Цзинляня, за время 10-й пятилетки эта ситуация не только не изменилась к лучшему, но стала еще менее терпимой.¹¹

Периодически возникает инвестиционный бум, приводящий к растрате ресурсов и созданию избыточных производственных мощностей и демонстрационных объектов, причем "охладить" перегрев экономики преимущественно административными средствами с каждым разом становится все труднее, поскольку на перегреве наживаются очень многие, включая владельцев малых угольных разработок и сталелитейных предприятий, продавцов недвижимости. В результате, хотя темпы экономического роста остаются высокими, качество его не улучшается. Расходятся ценные ресурсы, нарастают экономические и финансовые риски, накапливаются складские запасы, "плохие долги" в банковской системе. Одновременно обостряются социальные и политические проблемы. Отсюда следует, что государственное макрорегулирование и управление не могут сохранять свой преимущественно административный характер, но должны в возрастающей степени опираться на рычаги и возможности рынка.

Создать и внедрить новую модель экономического роста, которая делала бы главный акцент не на темпах роста ВВП, а на его качестве, по сути, невозможно без превращения правительства любого уровня из своеобразного демурга (*цюань мянь чжэнфу*) в орган, отправляющий преимущественно сервисные функции. Такое превращение в принципе не умаляет его значения, но не допускает прямого участия в экономической деятельности. Сервисные функции чрезвычайно важны для нормального функционирования рыночной экономики, поскольку включают такие жизненно важные для него области, как создание благоприятной институциональной среды для экономического развития, стимулирование научно-технического прогресса, среднесрочное и долгосрочное планирование и прогнозирование, информационное и инфраструктурное обеспечение. Неизменной остается первостепенная задача поддержания и укрепления экономической безопасности страны, в т.ч. в таких важнейших областях, как энергетика, продовольствие, финансы. Наряду с этим все более актуальной становится такое относительно новое направление, как предотвращение кризисов и кризисное управление.

Некоторые китайские исследователи поддерживают идею создания "правительства публичного служения" (*гунгун фуу син чжэнфу*) вместо "правительства экономического строительства" (*цзинцзи цзяньшэсин чжэнфу*). Последнее, по мнению автора таких предложений, директора Института реформ и развития Китая (Хайнань) Чи Фулиня, не сумело разрешить структурные противоречия между правительством, государственными предприятиями и государственными коммерческими банками. Уделяя основное внимание окупаемости вложений в экономику, оно пренебрегает огромной экономической и общественной эффективностью социальной сферы, неоправданно перепоручило рынку публичные продукты и публичные услуги, которые должны поставляться правительством. Чи Фулинь не отрицает ключевой роли экономического строительства, но возражает против того, чтобы основные усилия направлялись на прямое инвестирование в такое строительство. На первом месте, с его точки зрения, должно быть создание благоприятных социально-экономических условий для предприятий, основных субъектов микроэкономики. Сюда входят строгий контроль за соблюдением норм рынка, своевременное и открытое предоставление экономической информации всему обществу и создание самых необходимых базовых сооружений. Вместо прямых инвестиций — институциональные публичные услуги, включая, например, создание современных институтов собственности, ускорение реформирования земельной системы в деревне, становление эффективной финансовой системы, а также правовой системы, содействующей равноправной конкуренции. Для разрешения наиболее острых общественных противоречий предлагается создать в центре и на местах службы занятости, обеспечить развитие базового публичного образования, здравоохранения и социального страхования.¹²

Иностранный капитал

Иностранные инвестиции выполняют для Китая три основные функции: транслируют новые технологии и менеджерский опыт, пополняют казну валютными ресурсами и способствуют росту экспорта.

Привлечение иностранного капитала стало для Китая наиболее удобным способом получения современных технологий. На долю предприятий с участием иностранного капитала приходится три четверти суммы, затрачиваемой на приобретение новых технологий. В 10-й пятилетке в отрасли с новыми и высокими технологиями привлечено иностранных инвестиций на сумму более 70 млрд долл. Предприятия с участием иностранного капитала производят свыше половины товаров, идущих на экспорт, а среди высокотехнологичных товаров, которые сегодня составляют пятую часть всего китайского экспорта, их доля достигает 80%.

Вместе с тем роль иностранного капитала в китайской экономике за последнее время начинает оцениваться не только позитивно. Участились упоминания о том, что ключевые технологии остаются для Китая недоступными. Одновременно говорится, что западные компании развешивают наступление на китайском рынке с целью прибрать к рукам ведущие национальные предприятия и их торговые марки.

Один из сигналов, предупреждавших о такой опасности, прозвучал в конце февраля 2006 г. со страниц еженедельного экономического приложения к газете "Жэньминь жибао", опубликовавшего статью под броским заголовком "Грабительские слияния и поглощения — "вторжение" транснациональных компаний".¹³ В статье говорилось о планах американской компании "Катерпиллер" поглотить ведущие китайские предприятия, по производству тяжелой техники и оборудования. Эти планы излагались в документе компании, оказавшемся в распоряжении редакции. Документ, именованный "протоколом о намерениях по инвестиционному сотрудничеству", излагал глобальную стратегию компании "Катерпиллер", предписывавшую повсеместно внедрять ее единые бренды, ограничивать использование торговых марок прежних китайских предприятий, превращать эти предприятия в базу для производства продукции головной фирмы. С этой целью планировалось вложить в Китае 10 млрд долл. Автор статьи подробно рассказывал о том, как пытались реализовать планы захвата ведущих китайских машиностроительных предприятий в Сямэне, Шаньдуне, Суйчжоу, Лючжоу.

В марте 2006 г., когда проходили сессии НПКСК и ВСНП, бывший руководитель Государственного статистического управления Ли Дэшуй выступил на совещании экономической группы НПКСК с докладом "Продолжать активно и эффективно использовать иностранный капитал, непрерывно повышать уровень внешней открытости". Совещание, на котором присутствовал Вэнь Цзябао и ряд сопровождавших его ответственных руководителей экономических ведомств, носило закрытый характер, тем не менее, основные идеи, высказанные в докладе, получили огласку в печати.¹⁴ Судя по этой информации, Ли Дэшуй, призывая и впредь активно использовать иностранный капитал, одновременно предостерегал против монополизации им китайского рынка. По данным ГСУ КНР, случаи прямого поглощения транснациональными компаниями китайских предприятий, особенно головных предприятий в отраслях, после вступления Китая в ВТО участились. При этом иностранный капитал больше не удовлетворяется участием в совместных предприятиях или акционировании. Все больше обнаруживается его стремление получить контроль над ведущими предприятиями. По словам газеты, Ли Дэшуй считает, что если этой новой тенденции позволить развиваться, она может стать очень опасной.

Заместитель руководителя Центра исследований развития при Госсовете КНР Чэнь Цинтай видит два наиболее вероятных результата поглощения транснациональными корпорациями китайских предприятий. В первом случае предприятие прекращает функционировать, что позволяет ликвидировать кон-

курента и занять его долю на внутреннем рынке. В другом случае предприятие становится одним из звеньев в глобальной производственной цепочке транснациональной корпорации, лишенным как интеллектуальной собственности, так и ключевых технологий. По мнению Чэнь Цинтая, чем больше головных предприятий в отраслях будут сливаться и поглощаться транснациональными корпорациями, тем менее конкурентоспособной окажется китайская экономика.¹⁵ В подтверждение этих опасений приводятся сведения о том, что компания "Кока Кола" контролирует уже 70% китайского рынка напитков, а в сетях супермаркетов крупных и средних городов иностранному капиталу принадлежат 80%.

Эта настороженность продиктована, очевидно, не только понятной заботой об экономической безопасности страны, но и интересами китайского национального капитала, который опасается более могущественных иностранных конкурентов. Об этом, в частности, свидетельствует то обстоятельство, что Ассоциация промышленников и торговцев еще в середине 2005 г. призвала правительство рассмотреть меры, способные оградить экономическую безопасность Китая от угрозы, которые несет с собой глубокое вовлечение страны в экономическую глобализацию. В 2006 г. во время весенних сессий НПКСК и ВСНП эта ассоциация выступила с документом, озаглавленным "Предложения по созданию системы экономической безопасности". Документ рекомендовал следовать примеру других стран, где имеются антимонопольные и иные механизмы, ограничивающие деятельность транснациональных компаний и защищающие национальную безопасность. Приводились факты обретения иностранным капиталом монопольных позиций в разных отраслях китайской экономики посредством слияний и поглощений. Прежде, говорилось в обращении, такие позиции принадлежали государственным предприятиям. Теперь принят ряд мер, чтобы разрушить их монополию. Так неужели же, спрашивали авторы документа, разрушая государственную монополию одной рукой, мы будем другой рукой отдавать ее чужестранцам? И как мы можем доверять им ключевую информацию, касающуюся экономической безопасности государства?¹⁶

В апреле 2006 г. об опасности наступления иностранного капитала предупредила Ассоциация сталелитейной промышленности Китая, в частности, в связи с возможностью поглощения такого стратегически важного объекта, как Баотоуский металлургический комбинат. Аналогичные сигналы появились и на региональном уровне, о чем свидетельствует, в частности, доклад об экономическом положении Чжэцзяна, одной из ведущих провинций страны, за первый квартал 2006 г.

Продвижению иностранного капитала на китайский рынок способствуют два обстоятельства. Первое из них — заинтересованность местных и региональных правительств в привлечении иностранных инвестиций — будет рассмотрено ниже. Второе — связано с тем, что фондовый рынок в Китае, последние пять лет находящийся под давлением "медведей", растет значительно медленнее, чем экономика. В результате котирующиеся на бирже китайские компании сильно недооценены и часто приобретаются иностранцами по цене, в несколько раз более низкой, чем их реальная стоимость.

Есть еще одно объяснение, более общего порядка, которое содержится, в частности, в совместном докладе компании IBM и Фуданьского университета, опубликованном в начале апреля 2006. ¹⁷ Здесь говорится о том, что положение, при котором с вступлением Китая в ВТО все больше иностранных компаний проникают на китайский рынок, обостряя тем самым внутреннюю конкуренцию, существенно отличается от ситуации в Японии и Корее. Там национальные предприятия вступали в конкуренцию на своем рынке с иностранным капиталом только после того, как они были возвращены и выпестованы под прямой защитой своего государства. Правительства этих стран поддерживают включение своих предприятий в процесс глобализации и своей промышленной политикой, способствуя формированию всемирно известных компаний.

Тезис о том, что “злонамеренные слияния и поглощения”, производимые иностранными компаниями, могут угрожать экономической безопасности Китая, разделяется, однако, не всеми китайскими экспертами. Так, главный научный сотрудник Китайской социально-экономической академии Ма Юй не согласен с выводами Ли Дэшюя. Он утверждает, что дискуссия о “злонамеренных слияниях и поглощениях” — явление не новое, что в еще более острой форме и на более высоком уровне ее вели 10 лет назад. Уже тогда в докладной записке некоего министра, адресованной руководителям ЦК КПК утверждалось, что с трудом создававшаяся в течение десятилетий пивоваренная промышленность проглочена транснациональными компаниями и что национальная индустрия перестала существовать. Для расследования этих утверждений была создана специальная комиссия с участием четырех министерств, которая пришла к выводу, что на долю зарубежных марок пива приходится менее 3% китайского рынка. Автор приводит примеры успешного развития отраслей, включая наукоемкие и капиталоемкие, где национальный капитал успешно конкурирует с иностранным, и одновременно называет отрасли, где ограничение доступа иностранного капитала не способствовало повышению их конкурентоспособности. Именно последние, где рынок находится в руках отечественных предприятий, становятся объектом реформирования и расширения открытости. Ма Юй не отрицает необходимости установления в некоторых областях разных правил управления для иностранного и отечественного капитала. Допуск на рынок, с его точки зрения, контролировать надо, но значительно большее значение имеет контроль над последующей деятельностью. В ситуации, когда необходимо шире открыть для иностранного капитала финансы, электронную информатику и другие важные сферы, невозможно заново устанавливать запреты в таких ранее открытых отраслях, как тяжелое машиностроение, пивоварение, розничная торговля. Ма Юй считает неразумной как идеализацию транснациональных корпораций, так и их демонизацию.¹⁸

Заместитель директора Института изучения предприятий при Центре исследования развития Госсовета КНР Чжан Вэнькуй также считает необоснованными утверждения о “злонамеренных слияниях и поглощениях” и монополизации китайского рынка иностранным капиталом.¹⁹ Согласно данным исследования, проведенного в 2004 г. совместно с Мировым банком в 16 провинциях Китая, иностранный капитал выступал в качестве главного акционера только на 1,4% реорганизуемых госпредприятий, тогда как рабочие и служащие выполняли такую роль на 9,6% предприятий, а национальный частный капитал — на 6,7%. В 2005 г. некоторые государственные предприятия были дополнительно поглощены иностранным капиталом, однако данные одного года, по мнению Чжан Вэнькуя, поглощение иностранным капиталом т.н. “головных предприятий” (*лунтоу цие*) в отраслях, где оно разрешено и поощряется, не ведет к монополизации рынка. Ситуацию, при которой иностранному капиталу будет принадлежать ведущая роль в структуре основных фондов, в производственных мощностях и технологических возможностях той или иной отрасли, нельзя считать опасной. Подлинно опасно положение, при котором пред внутренним национальным капиталом закрывается “стальная или стеклянная дверь”.

По мнению некоторых других исследователей, если на долю компаний, работающих в области новых и высоких технологий, приходится более 50% или даже 100% рынка, это еще не означает его монополизации. Установление монополии предполагает, прежде всего, возможность ограничить рыночную конкуренцию. Такую ситуацию каждый раз надо расследовать особо, что и делается во многих странах и что нужно делать Китаю в соответствии со своими законами и установлениями. Самую большую угрозу для безопасности представляет закрытость экономики, поэтому нельзя ограничивать конкуренцию внутреннего и внешнего капитала, государственных и частных предприятий.²⁰

Вся эта дискуссия носит отнюдь не только и не столько академический характер, но имеет прямое отношение к разрабатываемому еще с 1994 г. антимонопольному закону. Первоначально предполагалось принять этот закон, который еще называют в силу его большого значения "экономической конституцией", еще в 2005 г., однако в из-за острых споров по поводу масштабов ограничений, налагаемых им на деятельность ТНК в Китае, этого сделать не удалось. В ходе целого ряда совещаний, в которых участвовали и представители крупнейших иностранных инвесторов, первоначальный проект закона был под их влиянием существенно либерализован и внесен на 2006 г. в план законодательной деятельности Постоянного комитета ВСНП.

Большого накала достигла полемика, связанная с реформой государственных коммерческих банков. По словам У Цзинляня, эти банки в настоящем своем виде не являются подлинными предприятиями, поскольку они стремятся не просто минимизировать риски, но вообще свести их к нулю. В результате даже некоторым крупным государственным предприятиям нелегко получить банковский кредит, не говоря уже о средних и мелких частных предприятиях.²¹ Отсюда вытекает необходимость коренным образом изменить стимулы и механизм управления деятельностью китайских банков, особенно в связи с тем, что после 2006 г. эта сфера, по соглашению с ВТО, должна быть полностью открыта для иностранных финансовых организаций.

3-й пленум ЦК КПК 16-го созыва, состоявшийся в октябре 2003 г., предписал начать акционирование государственных коммерческих банков. Три из них — Строительный банк Китая, Банк Китая и Промышленно-торговый банк Китая привлекли в качестве инвесторов зарубежные финансовые организации, включая Bank of America, Royal Bank of Scotland, государственную инвестиционную компанию из Сингапура Temasek. Из отечественных организаций к акционированию четырех государственных банков был допущен только Фонд социального страхования.

По данным на конец октября 2005 г. общая сумма иностранных инвестиций в китайские банки превысила 16,5 млрд долл., что составляет около 15% их суммарного капитала, в т.ч. 60% инвестиций поступили от стратегических инвесторов двух государственных банков: Банка Китая и Строительного банка Китая. Строительный банк Китая продал свои акции по цене 1,17 юаня за штуку, Промышленно-торговый банк Китая — по 1,15 юаня, Транспортный банк — по 1,86 юаня.²² Примерно 15% акций Строительного банка были проданы за 4 млрд долл., 10% акций Банка Китая — за 3 млрд долл.²³

С середины 2005 г. в китайской печати стали появляться статьи, авторы которых задавались вопросом, насколько правильно отдавать предпочтение иностранным инвесторам перед отечественными, справедливы ли цены, уплачиваемые иностранными инвесторами, не создается ли угроза для финансовой безопасности государства. В некоторых особенно острых публикациях утверждалось, что иностранный капитал, по дешевке скупая акции китайских банков, стремится в конечном счете подчинить своему контролю всю финансовую сферу. Говорилось, что банковско-финансовая система страны, являющаяся сердцевинной рыночной экономики, шаг за шагом отрывается от коренных интересов модернизации Китая и становится одним из звеньев в цепи интересов международного капитала, в основе которых лежат интересы "американской финансовой империи". В содействии этому процессу подозревали некую группу профессионалов в рядах высшего руководства государственных специализированных банков.²⁴

Менее агрессивные публикации на теорию заговора не опирались, но, тем не менее, тоже недоумевали по поводу того, что для укрепления китайских банков не обращаются к мощным национальным компаниям, обладающим большими финансовыми средствами и готовыми вложить их в развитие банковской деятельности, а также к огромным сбережениям населения, не используемым в инвестиционных целях. Утверждалось, что именно отсутствие конку-

ренции со стороны отечественного капитала позволяет иностранным инвесторам сбивать цены.

Руководители банков на критику отвечали, что никакой распродажи финансовых учреждений не существует, что целью сотрудничества с иностранными банками является обновление механизма и структур банковских операций и повышение конкурентоспособности государственных коммерческих банков. Разъяснялось, что для реформирования государственных коммерческих банков используется как привлечение стратегических инвесторов, так и первичное размещение акций (IPO — Initial Public Offering). В первом случае цена определяется путем двусторонних переговоров, во втором — она предлагается международным инвесторам и общественности. Стратегический инвестор заинтересован в длительном деловом сотрудничестве с инвестируемым предприятием, он делит с ним риски и избегает конкуренции. Публичные вкладчики могут держать акции достаточно долго, а могут и спекулировать ими. Поэтому для стратегического инвестора цены обычно ниже, чем при IPO. Привлечение известной международной организации в качестве стратегического инвестора позволяет повысить невидимый капитал инвестируемого предприятия, его имидж и рыночную стоимость. Оно мотивируется, главным образом, не недостатком денежных средств, а необходимостью внедрения передового управленческого опыта и прогрессивных технологий. Доля одного иностранного стратегического инвестора в отечественном банке не может превышать 20%, а максимальная доля всех иностранных инвесторов — 25%. Это означает, что государство сохраняет за собой абсолютный контроль над государственными коммерческими банками.²⁵

Премьер Госсовета Вэнь Цзябао в докладе о работе правительства на сессии ВСНП в марте 2006 г. подтвердил решимость продолжать реформу государственных коммерческих банков на основе акционирования и вместе с тем, откликаясь на опасения общественности, подчеркнул незыблемость принципа абсолютного государственного контроля в банковской сфере. Небезинтересно, что такая известная международная рейтинговая компания, как Standard & Poog's, также считает крайне мало вероятным, чтобы китайское правительство повторило путь, по которому пошли многие страны Латинской Америки и Восточной Европы, и отдало контроль над основными банками в руки иностранного капитала.²⁶

Негосударственный китайский капитал.

Смена модели экономического роста предполагает переход от преобладающей опоры на государственный сектор экономики и иностранный капитал к стратегии, в которой возрастающую роль будет играть частный национальный капитал.

Ускорение среднегодовых темпов роста ВВП в 10-й пятилетке (9,5% вместо запланированных 7%) во многом связано с опережающим ростом негосударственного сектора. Добавленная стоимость продукции, производимой промышленными предприятиями этого сектора, выросла за 5 лет на 246%, или в среднем за год на 28%. При этом среднегодовые темпы роста добавленной стоимости в частной промышленности составили около 50%, что в два с половиной раза превышает соответствующие данные по промышленности в целом. К концу 10-й пятилетки удельный вес внутреннего негосударственного капитала в ВВП достиг 49,7%. Если учесть, что доля иностранного капитала и капитала соотечественников из Гонконга, Аомэня и Тайваня составляет 15-16%, то на долю совокупного негосударственного капитала в Китае сегодня приходится около 65% ВВП. Негосударственный сектор стал главной сферой занятости городского населения. Чистый прирост занятости в обрабатывающей промышленности и сфере услуг этого сектора за время 10-й пятилетки составил 70 млн чел., в т.ч. в городах — 57 млн чел. В результате удельный вес негосударственного сектора в общей численности работников обрабатывающей промышленности и сферы услуг увеличился с 65% в 2000 г. до 75% в 2005 г. Доля

частных предприятий в общей сумме налогов, поступающих в консолидированный бюджет государства, увеличилась с 3,3% в 2000 г. до 8,7%. При этом их удельный вес в доходной части бюджетов некоторых регионов превышает 60%.²⁷

Успешному развитию негосударственного сектора во многом способствовал твердый правительственный курс, нацеленный на поступательное повышение его роли и значения в китайской экономике. В 10-й пятилетке этот курс был закреплён на самом высоком уровне — в решениях 16-го съезда КПК, 3-го и 4-го пленумов ЦК КПК. Особое значение имеет принятый в феврале 2005 г. Госсоветом КНР документ под названием «Некоторые мнения о стимулировании, поддержке и руководстве развитием экономики в индивидуальном, частном и иных необщественных секторах» (т.н. «36 пунктов»). Этот документ в духе упомянутых партийных решений требует устранить институциональные преграды на пути дальнейшего развития негосударственного сектора экономики.

Однако, как показывает практика, принятие принципиальных установок отделяет от их воплощения в жизнь немалая и трудная дистанция. Как полагает заместитель руководителя исследовательского отдела Центральной партшколы при ЦК КПК Чжоу Тяньюн, главным препятствием является противодействие чиновников, которое нельзя преодолеть без реформы административной системы управления, без изменения правительственных функций, без нормализации деятельности государственных служащих, без подчинения их интересов интересам экономики и народа.²⁸

Одной из главных преград служит нежелание заинтересованных групп допустить негосударственные предприятия в монопольные отрасли, вопреки явно выраженному указанию, содержащемуся в названном документе Госсовета. Типичным примером ситуации, когда эти предприятия остаются за «стеклянными дверями» монополизированных государством отраслей, служит ситуация в нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Разведка нефтяных месторождений и добыча нефти, согласно документу, принятому еще в 1993 г., разрешены только трем крупным государственным компаниям. К переработке нефти, по документу от 1999 г., допущены 82 негосударственных предприятия, но вся выпускаемая ими продукция должна поступать в оптовую сеть двух государственных нефтяных компаний, которые закупает ее по очень низким ценам. Эти же компании полностью или преимущественно контролируют и всю сеть заправочных станций. Без их санкции не могут осуществляться также железнодорожные перевозки сырой нефти и нефтепродуктов. Поэтому содержащееся в «36 пунктах» и соответствующем документе Министерства коммерции разрешение негосударственным предприятиям вести оптовую и розничную торговлю нефтепродуктами не выполняется.

Подобные ограничения на деятельность негосударственных предприятий в той или иной степени существуют еще примерно в 30 отраслях, особенно в электроэнергетике, на транспорте, в финансах, образовании, туризме, здравоохранении. Часто эти отрасли номинально считаются открытыми, но фактически закрыты для негосударственного капитала.

Далеко еще нельзя считать равноправными условия конкуренции китайского негосударственного капитала с другими субъектами рынка. Еще на весенней сессии ВСНП 2005 г. поднимался вопрос о необходимости уравнивать ставку подоходного налога для китайских предприятий и предприятий с участием иностранного капитала: для первых она составляет 24%, тогда как для последних — только 14%. Такое положение противоречит принципам ВТО, провоцирует отечественный капитал на уход от повышенного налогообложения, в т.ч. и путем регистрации в оффшорных зонах и приобретения тем самым статуса иностранных инвесторов. Весной 2006 г. руководящий орган одной из малых партий — Китайской лиги демократического строительства государства (возглавляемой известным экономистом Чэнь Сывэем) вновь внес проект резолюции «О скорейшей унификации системы подоходного налога с предприятий внутреннего и внешнего капитала». При этом авторы проекта руково-

дествовались следующими соображениями. Во-первых, необходимость использовать налоговые льготы для привлечения иностранного капитала значительно сократилась. Во-вторых, двойные стандарты налогообложения нарушают рыночные принципы равноправной конкуренции. В-третьих, для унификации налоговых ставок создана хорошая налогооблагаемая база. Кроме того, поскольку налоговые льготы носят преимущественно региональный характер, они усиливают межрегиональные различия. Несмотря на то что на сессии НПКСК этот проект был назван документом первостепенной важности, соответствующий закон вряд ли может быть принят раньше 2007 г., а введен в действие — раньше 2008 г.²⁹

Помимо налогов, негосударственные предприятия на региональном и местном уровнях облагаются многочисленными сборами в пользу различных учреждений и организаций, недостаточно финансируемых из бюджета.

Негосударственные предприятия не имеют ряда льгот, полагающихся государственным предприятиям, например при технической реконструкции, при освоении новых технологий. Государственные предприятия могут включать часть непроизводственных расходов (например, на жилье, на благосостояние работников) в себестоимость продукции, что запрещено негосударственным предприятиям. Финансово-кредитная политика также значительно более благоприятствует государственным предприятиям. Негосударственные предприятия получают ничтожную долю кредитов, предоставляемых государственными коммерческими банками. Им в значительной мере закрыт доступ на фондовый рынок: среди компаний, представленных на Шанхайской и Шэньчжэньской биржах они составляют всего 3%.³⁰

(Окончание следует)

1. Небезинтересно сопоставить этот перечень с тем, который озвучил только назначенный на пост премьера Вэнь Цзябао в марте 2002 г. Выступая на пресс-конференции по завершении 1-й сессии ВСНП 10 созыва он назвал пять проблем, вызывающих наибольшую озабоченность. Это, во-первых, запаздывающее развитие сельского хозяйства и медленный рост доходов крестьян, что стало сдерживать расширение внутреннего спроса. Во вторых — трудности в функционировании части предприятий и создании системы современных предприятий. В третьих — непрерывный рост безработицы, создающий чрезвычайно большое давление на системы социального обеспечения. В-четвертых — неравномерное развитие города и деревни, восточных и западных районов, бедность значительной части населения. В-пятых, высокая нагрузка на бюджет, большой удельный вес плохих активов.
2. Жэньминь жибао. 2006. 23 февраля
3. Китайскую экономику признают рыночной около 50 стран. Показатели развитости рыночных отношений, или экономической свободы в Китае выше, чем в России.
4. Юэсэфу: Чжунго цзинцзи чжуаньсин чжун со юй ды исе вэньти [Джозеф: Некоторые проблемы, с которыми сталкивается китайская экономика на переходе]. <http://theory.people.com.cn/GB/49167/4214787.html>
5. Жэньминь жибао. 2006. 29 марта
6. Мэй жи цзинцзи синьвэнь. 2005. 18 ноября
7. Более подробно о полемике, связанной с выступлениями Лан Сяньпина см. в статье О.Н. Борох, намеченной к публикации в следующем номере журнала.
8. Чжунго цзуй да ды вэсянь ши "цзе гайгэ чжи мин люедоу дачжун" [Самая большая угроза — грабеж народа под вывеской реформ] Цзинцзисюецзя ван <http://finance.people.com.cn/GB/4223069.html>
9. Чжунго цзинцзи шибао. 2005. 28 декабря
10. Там же.
11. У Цзинлянь Чжуаньбянь цзэнчжан фанши яо почу тичжи чжаннай. [Для изменения способа роста нужно устранить институциональные преграды]. Ди и цайцзин жибао. 2006. 31 марта

12. Чи Фулинь. Цюаньмянь лицзе “гунгун фуусин чжэнфу” ды цзибэнь ханьи [Полностью уяснить смысл “правительства публичного служения”. Жэньминь луньтан. 2006. № 5
13. Ван Хунжу. Люедо ши бингоу — куагогунсэ ды “жуцинь”. [Грабительские слияния и поглощения — “вторжение” транснациональных компаний]. Чжунго цзинци чжоукань. 2006. 27 февраля
14. См., например, Чжунго цзингъин бао”. 2006. 12 марта
15. Там же.
16. Чжунхуа гуншан шибао. 2006 г. 16 марта.
17. Чжунго цзинци шибао. 2006. 6 апреля
18. Ма Юй. ““Э и бингоу” ды даодэ паньдуань чжи мю юй индуй чжи ю. [Ошибочность морализаторского подхода к “злонамеренным слияниям и поглощениям” и беспокойство о практических ответных мерах]. Чжунго цзинци шибао. 2006. 20 апреля.
19. Чжан Вэнькэ. Вай цзы бингоу бин вэй чаньшэн цзюйда вэйсе чжэньчжэн вэйсе ши сяньчжи нэй цзы [Слияния и поглощения, производимые иностранным капиталом, не представляют большой опасности, подлинная опасность — сдерживание внутреннего капитала]. 21 шици цзинци баодао. 2006. 9 апреля
20. Цзинци гуаньча бао. 2006. 20 марта
21. Ли Инин У Цзинлянь цзюфэн лянхуй Чжунго цзинци жухэ чуангуань? {Полемика Ли Инина и У Цзинляня в связи с двумя сессиями. Как совершить прорыв в китайской эконимике?}. Наньфан душибао. 2006. 20 марта
22. Чжунго чаньцин синьвэнь. 2006. 11 января.
23. Дунфан цзао бао. 2005. 15 сентября
24. Чжэнцюань шичан чжоукань. 2006. 5 января.
25. Чжунго иньхан дуншичжан Сяо Ган хуйин гою иньхан цзяньмайлунь [Исполнительный директор Банка Китая Сяо Ган отвечает на теорию распродажи государственных банков]. Цзиньжун шибао. 2005. 28 ноября.
26. Чжунго цзинци шибао. 2005. 19 декабря.
27. Чэн Лу. Миньин цие шисян “ши и у” фачжань мубяо ды цзичу лилян [Негосударственные предприятия — основная сила в достижении целей 11-й пятилетки]. Чжунхуа гушан шибао. 2006. 21 апреля
28. Чжунхуа гуншан шибао. 2006. 21 февраля
29. Синь цин бао. 2006. 7 марта.
30. Ван Нань. Миньин цзинци яо чуан сань гуань [Негосударственная экономика должна прорваться через три заставы]. Чжунго цзинци шибао. 2005. 28 декабря.

Китайская Народная Республика: основные ориентиры 11-й пятилетки

© 2006

В. Портяков

Одиннадцатая пятилетняя программа народнохозяйственного и социального развития Китайской Народной Республики на 2006–2010 гг.¹, принятая 4-й сессией Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва (март 2006 г.), призвана стать важным инструментом реализации стратегических задач смены модели экономического роста и всестороннего строительства в Китае к 2020 г. среднезажиточного общества ("сяокан").

От предшествующего документа подобного рода, принятого в 2001 г., нынешняя Программа отличается рядом особенностей.

Во-первых, документ, излагающий основные количественные и качественные ориентиры развития страны на среднесрочную перспективу, именуется не "планом", а "программой", что призвано лишний раз подчеркнуть главенство в Китае рыночных принципов хозяйствования.

Во-вторых, в текст документа впервые введены весьма информативные врезки — специальные разделы ("чжуаньлань"), детализирующие отдельные положения Программы. 18 врезок позволяют избежать в основном тексте Программы чрезмерных подробностей и в целом делают Программу структурно похожей на доклады Международного валютного фонда и Всемирного банка, что говорит о стремлении Пекина следовать общепринятым международным стандартам.

В-третьих, впервые ориентиры социально-экономического развития страны на следующее пятилетие разделены на прогнозные и ограничительные. К первым относятся, например, показатели среднегодовых темпов роста ВВП в абсолютном и среднедушевом выражении. В числе вторых — показатели среднегодового прироста населения, снижение удельных затрат энергоресурсов на производство единицы ВВП и удельных расходов воды на единицу добавленной стоимости в промышленности. Всего в Программе представлено 14 прогнозных и 8 ограничительных показателей.

Вполне естественно, что документ, разрабатывавшийся под руководством Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, в полной мере отразил политические (в широком смысле слова) предпочтения нынешних лидеров Китая и особенности видения ими приоритетных задач и ключевых звеньев развития страны на современном этапе.

Структурно Программа, состоящая из 14 разделов и 48 глав, построена как своеобразное "дерево целей", когда реализация главных ориентиров — а ими являются существенное продвижение по пути всестороннего строительства среднезажиточного общества, претворение в жизнь научной концепции развития и переход от ресурсозатратной к ресурсосберегающей модели экономического роста, удвоение к 2010 г. по сравнению с 2000 г. ВВП на душу населения — выступает как производное от решения конкретных приоритетных задач, среди которых — облагораживание структуры производства, создание гармоничного социалистического общества, углубление реформы, совершенствование внешнеэкономической открытости и т. д. При этом первостепенное

внимание уделяется преодолению наиболее очевидных слабых звеньев социально-экономической жизни КНР. Соответственно, самостоятельные разделы посвящены строительству новой социалистической деревни, обеспечению скоординированного регионального развития, строительству дружественного по отношению к окружающей среде ресурсосберегающего общества, созданию государства инновационного типа. По степени важности сюда же примыкает и комплекс социальных задач: проведение активной политики занятости населения, создание развитой сети социального обеспечения, укрепление социальной стабильности, развитие образования. Сохранены и традиционные для КНР цели: укрепление обороноспособности, политического и культурного строительства.

В Программу включен и самостоятельный раздел, посвященный созданию и совершенствованию механизма ее реализации. В частности, предусмотрена оценка хода выполнения Программы в середине периода ее действия с возможным внесением необходимых корректив. Констатируется, что намеченные в Программе показатели ограничительного характера имеют силу закона и должны быть доведены до соответствующих ведомств и административных единиц провинциального уровня. О значении, придаваемом формированию действенного механизма реализации Программы, свидетельствует и то обстоятельство, что именно задача упрощения, обеспечения единообразия и повышения эффективности системы административного управления поставлена на первое место среди основных направлений институциональных реформ в КНР на ближайшее пятилетие.

Основные количественные ориентиры 11-й пятилетки таковы. Среднегодовой прирост ВВП должен составить 7,5%. Его абсолютную величину предполагается увеличить с 18,2 трлн. юаней в 2005 г. до 26,1 трлн. юаней в 2010 г. При этом среднедушевой прирост ВВП должен составить 6,6% при росте его абсолютного размера с 13985 юаней на человека в 2005 г. до 19270 юаней в 2010 г. Намечено обеспечить среднегодовой пятипроцентный прирост располагаемых доходов населения — с 10493 юаней до 13390 юаней в городах и с 3255 юаней до 4150 юаней на человека в деревне. При увеличении новых рабочих мест в городах на 45 миллионов за пять лет уровень зарегистрированной городской безработицы в 2010 г. не должен превысить 5% (в 2005 г. — 4,2%). Объем внешней торговли товарами намечено довести до 2,3 трлн. долл. (в 2005 г. — 1,42 трлн. долл.), а торговли услугами — до 400 млрд долл. (в 2004 г. — 135 млрд долл.). Предполагается снизить за пятилетие удельные затраты энергии на производство единицы ВВП на 20% и удельные затраты воды на производство единицы добавленной стоимости в промышленности на 30%. Декларированы намерения сохранить прирост населения на уровне менее 8 промилле в год (в этом случае его численность достигнет 1360 млн человек по сравнению с 1307 млн человек на конец 2005 г.) и размер пахотной площади не менее 120 млн га (в 2005 г. — 122 млн га).

В Китае хорошо понимают, что достижение искомых ориентиров одиннадцатой пятилетки является весьма непростым делом. Это связано как с самой по себе масштабностью, а в ряде случаев и с новизной поставленных задач, так и с тем обстоятельством, что реализация курса на смену модели развития, на проведение скоординированной региональной политики, построение гармоничного общества и т. д. сплошь и рядом бросает вызов сформировавшемуся в стране сложному "балансу интересов"³.

Назовем здесь хотя бы лежащие на поверхности застарелые проблемы соперничества различных регионов Китая за инвестиции, кредиты и преференции, традиционное ценовое противостояние сырьевых отраслей и потребляющего их продукцию масштабного комплекса перерабатывающих производств (одни заинтересованы в росте цен на сырье, другие — как минимум, в стабильных ценах на него). Все более жесткой становится и общая конкуренция в корпоративном звене экономики Китая, являющаяся неизбежным результатом утверждения в стране рыночных принципов хозяйствования.

Среди задач, решение которых для Китая представляет особую сложность, можно, на наш взгляд, выделить создание государства инновационного типа и формирование общества, дружественного по отношению к окружающей среде.

В первом случае Китаю, несмотря на очевидные успехи в развитии образования и заимствовании технологий, предстоит в краткие исторические сроки пройти огромную дистанцию и совершить, по сути дела, качественный рывок. Ведь в настоящее время уровень зависимости КНР от импорта техники и технологий чрезвычайно велик — 70% по станкам с числовым программным управлением, 80% — по нефтехимическому и 95% по медицинскому оборудованию³.

Во втором случае предстоит ни много ни мало радикально поменять образ мышления огромной массы хозяйственников, приносивших экологию в жертву односторонне понимаемым интересам развития. Очередной иллюстрацией всей пагубности такого подхода стал массовый мор рыбы в озерной системе Байяндянь (пров. Хэбэй), случившийся в конце марта 2006 г., т. е. уже после сессии ВСНП и ее обьявляющих природоохранных решений. Причем происшествие, привлекающее широкое внимание китайской общественности, явилось результатом не столько какого-либо одного изолированного инцидента, сколько закономерным итогом многолетней деградации Байяндяня, случившего некогда “жемчужиной Северного Китая”, вследствие чрезмерной хозяйственной нагрузки и игнорирования ее экологических последствий⁴.

В то же время, не преуменьшая трудностей в деле выполнения задач 11-й пятилетки в Китае, не стоит их и преувеличивать. Предложенная китайскому обществу среднесрочная программа развития на ряде важных направлений уже подкреплена системой конкретных правительственных решений и других поддерживающих мер.

Упомянем прежде всего обнародованный в феврале 2006 г. документ “Основные положения государственного плана научно-технического развития” на 2006-2020 гг., который предусматривает увеличение расходов страны на НИОКР с 1,3% ВВП в настоящее время до 2,5%, выход Китая в пятерку мировых лидеров по количеству заявок на патенты и изобретения и индексу цитируемости, снижение его зависимости от внешних источников техники и технологии до уровня менее 30%⁵. В этом же ряду следует назвать одобренные ЦК КПК и Госсоветом “Некоторые мнения о продвижении строительства новой социалистической деревни” (31 декабря 2005 г.), “Мнения Госсовета КНР о решении проблем крестьян, занятых в городах” (март 2006 г.), Решение Госсовета КНР об усилении защиты окружающей среды (3 декабря 2005 г.). Заслуживает внимания и заседание Политбюро ЦК КПК 27 марта 2006 г., посвященное изучению проблем содействия подъему Центрального района Китая (включает провинции Шаньси, Хэнань, Хубэй, Хунань, Аньхой, Цзянси).

Несомненно, важную стимулирующую роль в поступательном развитии экономики и общества Китая сыграет и сама по себе Программа 11-й пятилетки. При любых возможных оговорках она свидетельствует, что Китай в настоящее время является одной из немногих стран в мире, обладающих четким концептуальным видением долгосрочных стратегических целей развития, этапов и методов их реализации.

1. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоминь цзинци хэ шэхуй фачжань ди шиигэ унянь гунхуа ганъяо. Жэньминь жибао. 2006. 17 марта. Программа 11-й пятилетки издана в Пекине отдельной брошюрой, а также включена в многочисленные сборники документов 4-й сессии ВСНП 10-го созыва и комментариев к ним. См., например: Шицзюй цюаньго жэньда сыцы хуйи вэньцзянь фудао дубэнь (Пособие по изучению документов 4-й сессии ВСНП 10-го созыва). Пекин. Жэньминь чубаньшэ. 2006. 227 с.
2. Цайцзин (Финансы и экономика). Пекин. 2006. № 7. С. 10.
3. Жэньминь жибао. 2005. 24 августа.
4. См.: Байяндянь цэюэцин (Байяндяньский тупик) — Цайцзин. Пекин. 2006. № 7. С. 27-37.
5. <http://politics.people.com.cn/GB/1026/4089311.html>

Экономическая ситуация в КНР: итоги 2005 года и планы на 2006 год

© 2006

А. Островский

До вступления Китая в ВТО в ноябре 2001 г. многие эксперты делали прогнозы о возможном снижении Китаем объемов экспорта. Они, по-видимому, предполагали, что после вступления в ВТО экономика Китая будет больше открыта для внешнего мира, и это приведет к снижению ее конкурентоспособности на мировом рынке из-за более низкого качества и более высокой себестоимости китайской продукции по сравнению с аналогичной продукцией транснациональных корпораций. Также предполагалось, что это, безусловно, будет оказывать негативное влияние на экспорт и сдерживать его объемы, также как и объемы производства, особенно в первые годы после вступления в ВТО. Однако через 4 года после вступления КНР в ВТО выяснилось, что, наоборот, за это время произошел стремительный рост почти всех макроэкономических показателей внешней торговли страны (см. табл. 1).

Как мы увидим, по итогам развития народного хозяйства КНР за 2005 г., стремительный рост китайской экономики продолжается. Он выражается не только в сохранении высоких темпов валового внутреннего продукта, но и в росте объема внешней торговли, привлечении иностранных инвестиций, в росте накоплений золотовалютных запасов. На наш взгляд, продолжающийся уже более 20 лет рост китайской экономики определяется двумя основными факторами — внутренними и внешними.

Таблица 1.

**Основные показатели экономического развития КНР
до и после вступления в ВТО в 2001 г.**

	1990	2001	2002	2003	2004	2005
Валовой внутренний продукт (млрд юаней)	1854,8	9731,5	10517	11690	13651	18232
Внешняя торговля (млрд ам.долл.)	115,4	509,6	620,8	851,0	1154,8	1422,1
Экспорт	62,1	266,1	325,6	438,2	593,4	762,0
Импорт	53,3	243,5	295,2	412,8	516,4	660,1
Объем иностранных инвестиций (млрд ам.долл.)	10,3	49,7	55,0	56,1	60,6	60,3
Объем золотовалютных запасов (млрд ам. долл.)	11,09	212,2	286,4	403,2	609,9	818,9

Источник: Жэньминь жибао. 2006. 14 марта.

Островский Андрей Владимирович, доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН.

К главному внутреннему фактору развития следует отнести взвешенную социально-экономическую политику, направленную не на ускоренную приватизацию государственных предприятий и тотальную либерализацию цен по всей стране, а на расширение внутреннего спроса и переходу к активной финансовой и умеренной монетарной политике. При выработке экономической политики в последние годы в КНР основное внимание было уделено изменениям совокупного спроса, который был основным фактором формирования тенденций социально-экономического развития страны. В результате такого подхода среднегодовые темпы прироста ВВП в сопоставимых ценах за годы реформ с 1979 по 2005 гг. составили 9,4%, что значительно выше среднегодовых темпов развития мировой экономики — 3,8%. Таким образом, в XXI в.е Китай смог выйти на новые экономические рубежи — 8,940 трлн ю в 2000 г. и 18,230 трлн ю в 2005 г., то есть превысить показатель 1 трлн ам.долл. по текущему валютному курсу юаня к доллару, не говоря уже об этом показателе по паритету покупательной способности. К этому следует добавить успешное осуществление полета пилотируемого космического корабля “Шэньчжоу — 6”, который означает выход Китая на мировой уровень в некоторых наиболее важных областях науки и техники.

В 2005 г. для выполнения поставленной цели строительства общества “малого благоденствия” (*сяокан шэцхуэй*) Китай вел работу по шести основным направлениям развития народного хозяйства. Главным направлением стало *приоритетное развитие энергетики и транспорта*, которое росло опережающими темпами по сравнению с темпами развития всего народного хозяйства в целом. С одной стороны, большое внимание уделялось развитию угольной и нефтяной промышленности, электроэнергетики и транспорта, с другой стороны, сдерживался быстрый рост вложений в основные фонды и недвижимость, сдерживался рост цен на жилье.

Другим важным направлением работы стала более активная политика руководства КНР в деревне, предусматривающая *решение так называемого вопроса “трех сельских” (саньнун) — сельского хозяйства, деревни и крестьянства*. В 2005 г. в 28 провинциях страны (включая автономные районы и города центрального подчинения) был отменен сельскохозяйственный налог, по всей стране отменен налог на животноводство, возросли дотации уездам, производящим большое количество зерна, введена система гарантируемых минимальных закупочных цен на основные сорта зерновых.

Уделяется внимание экономии энергетических ресурсов и охране окружающей среды. В частности, реализовывались программы по предотвращению загрязнения таких важнейших для Китая водных систем как река Хуайхэ и озеро Тайху, по охране природных лесов, борьбе с опустыниванием и др. Тем не менее на многих предприятиях этому вопросу не уделяли должного внимания, о чем свидетельствует авария на нефтехимическом заводе по производству анилина в г.Цзилинь (пров.Цзилинь), которая повлекла за собой сильное загрязнение реки Сунгари в провинциях Цзилинь и Хэйлунцзян и реки Амур, затронувшее не только две китайские провинции, но и находящиеся на берегу Амура части территории Хабаровского края и Еврейской АО.

Третьим направлением стала *институциональная реформа китайской экономики*, связанная с переходом государственных предприятий на акционерную систему. Были переведены на акционерную систему государственные коммерческие банки и сельские кредитные кооперативы. Также происходил

переход государственных предприятий в режим "современных предприятий", означающий их превращение в корпорации (*цзитуань гунсы*), занимающиеся регулированием финансовых потоков, а не материальных. В сфере внешней торговли в результате вступления КНР в ВТО были приведены в соответствие с требованиями ВТО положения о возврате экспортных налогов, таможенных пошлин и давальческой торговли.

Особенно большое внимание было уделено работе в области науки и техники, где была развернута государственная инновационная система, базовые научные исследования, создавалась необходимая инфраструктура для НИОКР. Как было отмечено в докладе премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, "произошли серьезные сдвиги в таких областях науки и техники как самостоятельное проектирование и изготовление чипов с интегральными схемами, разработка мобильной связи третьего поколения, производство высококачественных синтетических материалов, конструирование высококлассных станков с числовым программным управлением"¹.

Следующим направлением работы правительства КНР стала социальная сфера. В западных регионах продолжалась реализация программы всеобщего обязательного 9-летнего образования и ликвидация неграмотности среди молодежи и лиц зрелого возраста. В области здравоохранения большие средства были выделены на развитие системы медицинской помощи в сельской местности, связанной со строительством волостных и поселковых амбулаторий в центральных и западных районах страны и проведение эксперимента с переходом на новую систему сельской кооперативной медицинской помощи, улучшение работы по профилактике СПИДа и высокопатогенного птичьего гриппа.

Не менее острым вопросом для Китая является проблема безработицы и социального обеспечения населения. Для решения проблем безработицы в связи с сокращением персонала государственных предприятий в результате преобразования их в акционерные общества, а также на пособия для "ожидających трудоустройства" из центрального государственного бюджета было выделено 20,9 млрд юаней. Кроме того, из государственного бюджета были выделены специальные суммы для обучения рабочим профессиям крестьян-мигрантов из сельской местности, а также демобилизованных из армии. В сфере социального обеспечения 17 провинций страны (из 31 провинции) перешли к системе страхования по безработице. До этого сокращенному персоналу госпредприятий обеспечивали только прожиточный минимум для данной местности. Увеличились выплаты из госбюджета на борьбу со стихийными бедствиями и борьбу с бедностью.

Большая работа проводилась в сфере совершенствования законодательства КНР. В частности, Госсовет КНР внес проекты поправок к Закону об охране прав и интересов женщин и Закону о личном подоходном налоге. В 2005 г. был разработан и стал проводиться Общий предварительный план срочного реагирования на внезапные общественные события в стране (например, эпидемия атипичной пневмонии в 2003 г.).

Тем не менее в 2005 г. сохранялись серьезные проблемы в китайской экономике, которые оказывали и оказывают сдерживающее влияние на развитие страны. Безусловно, главные проблемы развития китайской экономики связаны с жизнью крестьянства. В настоящее время жизненный уровень сельских жителей значительно ниже жизненного уровня городских жителей. Если

чистые доходы городского населения составляют в среднем на человека 10493 юаня в год, то сельского населения — лишь 3255 юаней, то есть в 3 раза ниже, чем в городе². С одной стороны, низкие доходы крестьян объясняются ножницами цен, связанными с падением цен на зерно и повышением на средства производства, с другой стороны — по разным причинам происходит сокращение площади пахотных земель, вытеснением крестьян с земли.

По-прежнему наиболее проблемной китайской экономики остается завышенный объем капиталовложений в основные производственные фонды, вводится чрезмерно большое количество объектов, образуется большой объем незавершенного капитального строительства. В результате в стране создается большой объем избыточных производственных мощностей, цены на произведенную продукцию падают, происходит затоваривание на складах, прибыль предприятий уменьшается, убытки растут, увеличивается финансовый риск.

Не менее острые проблемы связаны с повседневной жизнью китайского населения. Особенно большие трудности связаны с получением медицинской помощи и образования из-за завышенных цен на эти услуги. Во многих районах ущемляются интересы и права людей во время реквизиции земли при строительстве новых предприятий или жилых зданий, сносе жилых домов и переселении жильцов в отдаленные и неудобные для проживания районы, переводе населения из зоны водохранилищ (в частности, при строительстве гидроэлектростанции Санься на реке Янцзы), переходе госпредприятий на новую систему управления, что влечет за собой сокращение персонала и др. В последние годы в Китае обострилась проблема безопасности на производстве. Особенно много несчастных случаев в угольной промышленности, где владельцы предприятий, заинтересованные в увеличении добычи, часто игнорируют основные правила техники безопасности.

В настоящее время по своей экономической мощи — показатели объема ВВП, внешней торговли, привлеченных иностранных инвестиций, золотовалютных резервов и др. Китай уже представляет силу, с которой вынуждены считаться все страны мира. Дальнейшее усиление Китая будет определяться динамикой его экономического развития. В настоящее время Китай занимает 4-е место по объему ВВП (в пересчете по текущему валютному курсу в долларах). Однако уже в 2030-2040 гг. при выполнении намеченных показателей среднегодовых темпов роста ВВП: 2000-2010 гг. — 8-9%, 2010-2030 гг. — 6-7%, 2030-2050 гг. — 4-5%. Китай выйдет на первое место в мире по этому показателю, а при удержании показателя общей численности населения страны на уровне 1,4 млрд чел. объем ВВП превысит 3000 долл. на душу населения.

Основные внутренние противоречия — растет разрыв между развитыми приморскими районами и отсталыми внутренними районами, между городом и деревней и социальное неравенство различных слоев и групп по уровню дохода, доступу к системе образования и здравоохранения, отношению к средствам производства и др. В настоящее время Китай в своем экономическом развитии все меньше может использовать экстенсивные факторы роста, так как в результате проведения политики однодетной семьи с начала 70-х гг. с начала XXI века происходит снижение численности экономически активного населения и увеличивается доля пожилого населения в возрасте старше 60 лет. В Китае понимают остроту назревших проблем, и на сессии ВСНП (март 2006 г.) были приняты стратегические решения о развитии китайской деревни для решения вопроса “трех сельских” (*саньнун*) — крестьянства, деревни и

сельского хозяйства и о развитии образовании и науки для создания новых технологий и переходе от экстенсивных к интенсивным факторам развития экономики. На наш взгляд, при реализации данной стратегии Китай до 2020 г. выйдет на второе место в мире по объему ВВП, опередив Японию и Германию.

В соответствии с долгосрочными и среднесрочными планами развития народного хозяйства в Китае была составлена программа социально-экономического развития КНР на 2006 год. В соответствии с основными задачами страны на 2006 год валовой внутренний продукт должен вырасти на 8% при понижении энергозатрат на единицу ВВП примерно на 4% (и на 20% за годы 11-й пятилетки в 2006-2010 гг.), общий рост цен на предметы потребления будет оставаться на уровне 3% в год, занятость в городах вырастет на 9 млн человек, а зарегистрированная безработица останется на уровне 4,6%³.

Для реализации намеченных индикативных показателей было намечено 8 основных направлений работы правительства КНР. Главной проблемой экономической политики 2006 года является стабилизация макроэкономических установок, в основу которой положено сокращение долгосрочных строительных государственных займов и уменьшение дефицита государственного бюджета. При этом одним из главных факторов, обеспечивающих высокие показатели экономического роста в начале XXI века, является рыночный спрос, создающий важные экономические стимулы для производства. При решении проблем расширения внутреннего спроса, *Китай не боится расширять денежную массу (M2), которая в 2004 г. выросла на 14,6% и составила 25300 трлн. юаней (или примерно 185% ВВП КНР)*, в то время как в России монетизация экономики составляет 16%⁴. При этом в России ежегодно при постоянном сжатии денежной массы инфляция превышает показатель 10%, а в Китае с 1998 г. наблюдалась дефляция, и только с 2004 г. наблюдался рост цен, который в 2004 г. составил в среднем 3,9%, а в 2005 г. — 1,8%. В 2004 г. это было связано с ростом цен на энергоносители — на 11,4% и на сельскохозяйственную продукцию — на 13,1%, а в 2005 г. — с ростом цен на недвижимость — 5,4%, сырье, топливо и энергоносители — на 8,3%⁵. Для повышения рыночного спроса населения были выдвинуты четыре основные задачи на 2006 год: 1) повышение доходов городского и сельского населения; 2) стабилизация ожидаемых расходов населения и увеличение текущего потребления; 3) расширение сельского потребительского рынка; 4) совершенствование потребительской среды и политики.

Другой важной задачей является развитие китайской деревни, в которой для решения задачи построения «общества малого благоденствия» требуется развивать современное земледелие, стимулировать производство зерна и обеспечивать рост доходов крестьянства. Для реализации этих задач намечено осуществлять и совершенствовать протекционистскую политику минимальных закупочных цен на важнейшие виды зерновых, сдерживать рост цен на средства сельскохозяйственного производства. Предусматривается также отмена имеющего свою 2600-летнюю историю сельскохозяйственного налога на всей территории страны, трех видов сельских отчислений (в фонд накопления, социального обеспечения и административного управления на уровне деревни), пяти видов общеволостных сборов (на просвещение, плановую рождаемость, оказание помощи семьям павших героев и военнослужащих, инвалидам войны, на военное обучение ополчения и прокладку сельских дорог), а также другие виды деревенских сборов.

Следующей задачей является развитие научно-технической политики, направленной на совершенствование производственной структуры, развитие высокотехнологичных производств и современной сферы услуг, развитие инфраструктуры. Но для решения этих вопросов главным является наращивание инновационных возможностей с целью формирования ориентированной на рынок системы технического новаторства, в рамках которого осуществляют сотрудничество производственные организации, вузы и научно-исследовательские институты. Предполагается, что это будет во многом способствовать экономии ресурсов и охране окружающей среды.

Была также подтверждена задача гармоничного развития регионов. В западном регионе намечено дальше развивать его масштабное освоение в ходе завершения таких крупных приоритетных объектов, как Цинхай-Тибетская железная дорога и третья часть гидроузла Санься. На Северо-Востоке — старой промышленной базе Китая — намечено проводить экономические преобразования в городах с истощившимися ресурсами, восстановление районов, в которых закончились ресурсы для угледобычи, вводить механизм компенсации в связи с освоением ресурсов и механизм поддержки старых отраслей и предприятий. В центральных районах, в главных зернопроизводящих районах будут выявляться их преимущества и создаваться базы товарного зерна, будет вестись интенсивное строительство энергетических баз и баз важнейших видов сырья, создание современной системы транспортных перевозок, системы обращения и современной рыночной системы. Обращается внимание и на необходимость опережающего развития восточных районов, которые должны заниматься самостоятельными инновациями, оптимизацией производственной структуры, повышением международной конкурентоспособности. В этом плане была выделена роль особых экономических зон и новой зоны Пудун в Шанхае и работа по освоению новой приморской зоны города Тяньцзиня.

В связи с переходом китайской экономики от экстенсивного к интенсивному типу развития особое внимание уделяется развитию науки, техники и образования. В 2006 г. на нужды развития науки и техники выделено из центрального государственного бюджета 71,6 млрд. юаней (примерно 9 млрд ам.долл.). Остается важной задачей распространение и укрепление всеобщего обязательного 9-летнего образования, в течение двух лет сельские школьники, получающие обязательное образование, будут освобождены от всех школьных расходов. В 2006 г. это положение распространяется только на западные регионы, а в будущем оно будет распространено на центральные и восточные регионы.

Не менее важным направлением развития экономики Китая в 2006 г. являются институциональные преобразования, связанные с переводом крупных государственных предприятий на акционерную систему и в связи с этим с реформой финансовой системы, направленной на перевод государственных коммерческих банков в акционерную систему, на развитие рынка капитала в соответствии с принятым Законом о ценных бумагах и на углубление финансовой реформы в селе, связанной с совершенствованием системы сельских кредитных кооперативов и преобразований Сельскохозяйственного Банка и Банка развития сельского хозяйства. Одновременно намечается углубление финансово-налоговой, инвестиционной и ценовой реформ. При этом особое внимание должно быть уделено реформе по трансформации налога на добавленную стоимость.

Большие задачи на 2006 г. были поставлены в социальной сфере. Одной из основных задач является увеличение занятости людей, уволенных с предприятий в ходе институциональных преобразований, с обанкротившихся или закрытых по тем или иным причинам предприятий. Для трудоустройства были выделены дополнительные средства из центрального бюджета и дана команда местным бюджетам увеличить ассигнования на эти цели. В то же время одной из основных задач является ускорение формирования системы социального обеспечения. Сюда входит как совершенствование системы основного страхования по старости городских рабочих и служащих, так и проведение экспериментов с обеспечением личных банковских счетов рабочих и служащих и постепенным расширением его масштабов. В сельской местности поставлена задача совершенствовать систему материального обеспечения крестьян в сфере "пяти гарантий" (*убао*) — питание, одежда, топливо, средства на обучение детей и средства на похороны, систему помощи особо нуждающимся крестьянам и пострадавшим от стихийных бедствий. При этом ставится вопрос о возможности введения системы обеспечения прожиточного минимума сельским жителям и создания системы социальной помощи особо нуждающемуся населению.

Основным внешним фактором роста китайской экономики становится резкое увеличение экспорта продукции за рубеж в результате вступления КНР в ВТО в 2001 г. Только за прошедшие три года — с 2001 по 2005 г. почти в 3 раза вырос объем внешней торговли. При этом рост экспорта шел опережающими темпами по сравнению с ростом импорта. Все это происходило на фоне постоянного роста валового внутреннего продукта — в среднем по 9,4% в год за последние три года, однако при этом росла и доля внешней торговли в ВВП, которая в 2001 г. составляла 43,3%, а в 2005 г. — уже примерно 62%, при пересчете по валютному курсу — 1:8,0. На этом фоне сохранялась высокая инвестиционная привлекательность страны: 49,7 млрд ам. долл. в 2001 г. и 60,3 млрд ам. долл. в 2005 г., а также стремительный рост золотовалютных запасов: 212,2 млрд ам. долл. в 2001 г. и 818,9 млрд ам. долл. в 2005 г.⁴ Как видим, итоги развития китайской экономики в течение четырех лет после вступления в ВТО оказались намного лучше экономических прогнозов до вступления страны в ВТО.

Одновременно очевидно, что, несмотря на достигнутые успехи в ходе реформы, китайское общество в начале XXI в. столкнулось с тремя серьезными проблемами: растущий разрыв между развивающимся городом и отстающим селом, между развитыми восточными и южными приморскими районами и отсталыми внутренними западными районами, растущая социальная дифференциация населения.

При этом китайская экономика продолжает испытывать определенные трудности, связанные в первую очередь с давлением избыточного населения. В начале 2005 г. численность населения Китая уже составила 1,3 млрд человек, что оказывает сильное давление на экономику страны. По этой причине главной проблемой для Китая остается необходимость избежать демографического кризиса — достижения такой численности населения в стране, которая может вызвать резкое обострение проблем обеспечения продовольствием, жильем, топливом и рабочими местами, исходя из сложившегося уровня развития производительных сил на определенный момент времени. Таким образом, одним из важных сдерживающих факторов развития китайской экономики является численность населения страны, которую надо жестко контролировать.

Однако несмотря на эффективное проведение демографической политики, возникает и целый ряд других вопросов. В обозримом будущем будут нарастать социальные проблемы, связанные с необходимостью пенсионного обеспечения пожилых людей по мере ускорения старения населения, увеличения количества рабочих мест, профессиональной подготовки вступающей в трудовую жизнь молодежи и обеспечения растущего населения жильем. Все это будет тормозить выход Китая на уровень потребления общества "сяокан" (или "малого благоденствия"), основным критерием для которого является ВВП на душу населения не менее 1000 ам. долл. в пересчете по официальному курсу 8,06 юаней за 1 ам. долл. Несоответствие общей численности населения и темпов развития образования, здравоохранения, жилищного строительства и коммунальных услуг в первые десятилетия нового столетия будут сказываться на качественных характеристиках населения.

Не менее острой является проблема, связанная с ростом населения — экологическая. Быстрый рост населения и наращивание промышленного производства оказывают огромное давление на окружающую среду, происходит загрязнение атмосферы, водных ресурсов, почвы. Для решения экологических проблем требуется заметное увеличение инвестиций как в общегосударственные экологические программы, так и при строительстве промышленных предприятий, что ведет к значительному повышению себестоимости производимой продукции. Таким образом, демографические и экологические проблемы — основные факторы, сдерживающие темпы экономического развития Китая.

Анализ китайских реформ показывает, что и Китай, и Россия находятся на пути перехода от плановой к рыночной экономике, но модели перехода были избраны разные. Если Китай взял за основу модель медленного перехода к рынку, рассчитанную на много лет при сохранении прежней политической надстройки, то Россия выбрала модель одномоментного перехода без учета возможности корректировки негативных последствий реформ. Можно по-разному относиться к реформам в Китае, но очевидна одна вещь — в результате проводимой более 20 лет реформы экономической системы Китай добился громадных успехов в развитии народного хозяйства. Итоги выполнения планов экономического развития на 2005 г. и намеченные задачи на 2006 г. показывают, что на пути экономического возвышения Китая стоит множество различных социальных и экономических проблем, однако руководство страны видит, понимает сложность этих проблем, и в настоящее время китайская модель реформ выглядит предпочтительнее российской.

1. Жэньминь жибао. 2006. 14 марта.

2. Там же.

3. Там же.

4. 2004-нянь гоминь цзинци хэ шэуэй фачжань тунци гунбао [Статистическая сводка об итогах развития народного хозяйства и социального развития за 2004 год], ГСУ КНР. Пекин, 2005; Абалкин Л.И. Россия: поиск самоопределения, М.: Наука, 2005. С. 107.

5. Чжунго ван (CHINA.com.cn) 2006. 25 января.

6. Там же.

Усиление социальной ориентации как необходимое условие углубления рыночной реформы в КНР

© 2006

Э. Пивоварова

В на XVI съезде КПК (ноябрь 2002 г.) было объявлено, что с переходом человеческого общества в XXI в. КНР "вступила в новый период развития — всестороннего строительства среднезажиточного общества и ускоренного продвижения социалистической модернизации". Основанием для этого утверждения называлось то, что "в жизни народа произошел стремительный исторический переход от обеспечения одеждой и питанием к среднезажиточному в общем уровню". Период реформ был охарактеризован как "период огромного подъема совокупной мощи страны, давшей народу наибольшие выгоды", как "период длительной социальной стабильности и сплоченности", а также "небывалого повышения национальной спаянности".¹

В то же время на съезде подчеркивалось, что средняя зажиточность, которую в КНР достигли, все еще находится на низком уровне, все еще не всесторонняя и развивается крайне неравномерно, что противоречие между постоянно растущими материально-культурными потребностями народа и отсталым общественным производством по-прежнему остается главным противоречием общества, что производительные силы, наука, техника и образование в стране все еще сравнительно отсталые, путь индустриализации и модернизации все еще долог, тенденция к расширению межрегиональных различий все еще не остановлена, бедного населения все еще немало.

В таких оценках Цзян Цзэминя, обращенных в значительной мере к новому поколению китайского руководства, принимавшего эстафету от прежних лидеров на XVI съезде КПК, ощущается предостережение от попыток поспешности или "забегания вперед", которые неоднократно подводили руководителей КНР в дореформенное время, но с которыми они научились справляться за четверть века строительства "социализма с китайской спецификой".

Следует отметить, что все последующие годы в докладах новых руководителей КНР на важнейших форумах страны при разъяснении задач по дальнейшему углублению рыночных преобразований неизменно присутствует напоминание о том, что делать это надо шаг за шагом, постепенно, через экспериментальное апробирование всех хозяйственных нововведений.

В своих предыдущих исследованиях автор неоднократно высказывал и отстаивал в дискуссиях точку зрения, что КНР стала одной из немногих бывших стран социализма, где вносимая в ходе рыночного реформирования экономики социальная плата, а именно — имущественная дифференциация, не полностью гарантированная занятость, замена прежних бесплатных социальных услуг системой долевого участия государства, предприятия и самих граждан в оплате образования, здравоохранения, жилья и т. п. — оказалась посильной

для населения, качественные параметры жизни которого постепенно, но верно улучшались на протяжении всех лет реформы. Именно это обстоятельство стало главным для поддержания социально-политической стабильности в стране на протяжении уже долгих лет реформы.

По мере углубления реформы, сопровождающегося нарастанием социальных противоречий между городом и деревней, различными регионами страны и слоями населения, китайское руководство одним из главных элементов своей экономической политики по существу сделало макрорегулирование и макроконтроль.

Передавая Вэнь Цзябао эстафету правления на первой сессии ВСНП в марте 2003г., премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи отметил заметное улучшение жизни населения Китая в пятилетии с 1997 по 2002г.: фактический среднегодовой прирост среднедушевых доходов городских семей составил 8,6%, сельских — 3,8%; остаточная сумма сбережений городского и сельского населения увеличилась почти в 2 раза; число бедных в деревне сократилось на 21,4 млн человек; заметно повысился потребительский уровень, городской и сельский рынки находились в состоянии процветания, реальный среднегодовой прирост розничных продаж потребительских товаров составил 10,5%; жилая строительная площадь на душу городского населения возросла с 17,8 почти до 22 кв.м., а на душу сельского — с 22,5 до 26,5 кв.м.; непрерывно улучшались условия здравоохранения и медицинского обслуживания и средняя продолжительность жизни достигла 71,8 года, то есть приблизилась к уровню средне развитых стран мира.²

Внося свои предложения относительно работы правительства нового созыва, Чжу Жунцзи подчеркнул важность продолжения расширения внутреннего спроса, стимулирования развития сельского хозяйства и экономики села, а также масштабного освоения западных регионов страны, более серьезного расширения занятости и социального обеспечения, осуществление стратегии подъема страны силами науки и образования, усиление формирования социалистической демократии и правопорядка, духовной культуры социализма.

Практически все эти рекомендации Чжу Жунцзи, авторитетного специалиста по макрорегулированию и устранению разного рода перекосов в социально-экономическом развитии КНР в предшествующие годы реформы, нашли отражение и в "Постановлении" 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2003г.), и в докладах новых руководителей правительства на второй сессии ВСНП 10-го созыва в марте 2004г., затем на третьей сессии ВСНП в марте 2005г., и, наконец, на четвертой сессии ВСНП в марте 2006г. Характерно, что в документах последних сессий все больший акцент ставится на необходимость не только сбалансированного, но и "гармоничного" развития экономической и социальной сфер, неуклонного следования в своей деятельности принципу "человек превыше всего". В первую очередь внимание политиков и хозяйственников обращается на самые слабые звенья в том или ином дисбалансе и предлагаются меры по их укреплению, причем мотив социальной защиты трудящихся заметно усиливается, особенно в отношении наиболее бедных слоев населения.

Уже в "Постановлении" 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва прямо говорится о необходимости обратить пристальное внимание на разрешение проблемы существенного увеличения разрыва между уровнем доходов различных членов общества и, взяв в качестве стратегической цели достижение всеобщей зажиточности и увеличение доли населения со средними доходами, поднять уровень доходов лиц с низкими доходами, урегулировать сверхвысокие доходы и устранить незаконное получение доходов.

Заслуживает внимания тот факт, что Вэнь Цзябао в докладе на второй сессии ВСНП в 2004г. говорил не только о необходимости "оказывать больше внимания той части городского и сельского населения, которой живется особенно тяжело, на деле помогать крайне нуждающимся семьям в реальных затруднениях с лечением болезней, школьным обучением детей, жильем, зимним

отоплением и т. д.", но и о важности "повышения потребительских возможностей населения среднего и малого достатка", что будет способствовать продолжительному и относительно быстрому росту народного хозяйства, его доброкачественному кругообороту.³

Практическая реализация этих установок отражается в следующих показателях: если в 2002г. дотации на обеспечение прожиточного минимума городского населения составляли 4,6 млрд юаней, то в 2003г. они поднялись до 9,2 млрд юаней, то есть увеличились в 2 раза, благодаря чему прожиточный минимум был обеспечен 22,35млн человек городского населения страны. Более чем на 13% выросли дотации из центрального бюджета на выплату средств пенсионерам и сокращенному персоналу, увеличились дотации центральным и западным регионам и районам центрального подчинения по освоению целины.

В целях стимулирования ускоренного развития социальной сферы центральные финансовые органы в 2003г. отпустили на нужды образования, здравоохранения, науки и техники, культуры, физкультуры и спорта 85,5 млрд юаней, что на 12,4% больше, чем в предыдущем году, а их госзаймовое инвестирование в пользу развития социальной сферы составило 16,3 млрд юаней, увеличившись почти в 3 раза. В целом в госзаймовом инвестировании уже сделан крен в сторону села, социального обеспечения, освоения западных регионов, поддержки северо-восточной и других старых промышленных баз, то есть в те сферы, которые ранее были объявлены отстающими на дороге общего прогресса.⁴

С 2003 г. правительства всех ступеней проводят целый ряд мер по расширению каналов трудоустройства, делая акцент на развитии трудоемких отраслей, средних и малых предприятий, необщественного сектора экономики, сферы услуг. В помощь первичному и новому трудоустройству центральные финансовые органы уже в 2003г. дополнительно выделили 4,7 млрд юаней, что способствовало перевыполнению намеченных планов. Считая всемерное увеличение рабочих мест непреложным долгом правительства, руководство страны предусматривало в 2004г. увеличить занятость в городах на 9 млн человек и вновь трудоустроить 5 млн сокращенного персонала, а фактически, как сообщалось на 3-ей сессии ВСНП в марте 2005г., эти показатели составили 9,8 и 5,1 млн человек. Дотации из центрального бюджета на новое трудоустройство в 2004 г. определялись правительством страны в размере 8,3 млрд юаней, что на 3,6 млрд юаней больше по сравнению с 2003 г. В 2005г. в городах и поселках страны было трудоустроено 9,7 млн человек, а коэффициент зарегистрированной в них безработицы составил 4,2%. В 2006г. намечено увеличение занятости в городах на 9 млн человек, и коэффициент безработицы предполагается удерживать в пределах 4,6%.⁵

Подчеркивая важность продолжения и впредь активной политики трудоустройства, Вэнь Цзябао в 2004г. рекомендовал "с особой тщательностью проводить политику финансово-кредитной поддержки, частичного либо полного освобождения от налогов", указав тем самым на один из достаточно действенных способов возможности самостоятельного создания рабочих мест для постепенного сокращения безработицы и обеспечения занятости населения страны. В это же время уже велся эксперимент по реформированию налогов и денежных сборов на селе. На поддержку этой реформы из центрального бюджета было выделено 30,5 млрд юаней, бюджеты провинций, городов и уездов, имеющих на то условия, также выделили на это средства. Сфера эксперимента расширилась с 20 провинций до масштаба всей страны, уменьшение средней нагрузки на крестьян превысило 30%. А на четвертой сессии ВСНП в 2006г. сообщалось, что в результате успешного продвижения эксперимента с комплексной реформой на селе был отменен налог на скотоводство, количество единиц провинциального уровня, где полностью ликвидирован сельхозналог, увеличилось до 28, и все это принесло выгоду 800 млн крестьян. В ближайшее время планируется полная отмена сельхозналога.⁶

Центральным вопросом состоявшегося в октябре 2005 г. 5-го пленума ЦК КПК шестнадцатого созыва стал вопрос о сокращении растущего имущественного расслоения среди населения страны и предотвращения поляризации китайского общества. Как сообщалось, ВВП на душу населения в самых зажиточных восточных провинциях Китая примерно в 10 раз выше аналогичного показателя самых бедных западных регионов страны; 10% получающих самый высокий доход семей владеют более чем 40% всей личной и частной собственности в стране; реальный разрыв между доходами горожан и сельских жителей достигает 5-6 раз. Понимая, что дальнейший рост имущественного расслоения может серьезно подорвать социальную стабильность в стране, китайское руководство на пленуме обсудило вопрос о корректировке политики распределения и перераспределения доходов, в частности поставило вопрос о необходимости направления дополнительных средств на поддержку крестьянства — самой многочисленной, но наименее защищенной части китайского общества.⁷

В последние годы удалось преодолеть существенное отставание темпов роста доходов сельского населения от темпов роста доходов городских жителей: если в период с 1997 по 2002 год оно в среднем составляло примерно 2,3 раза, то уже в 2004 г. среднедушевые доходы городского населения выросли на 7,7%, а среднедушевые чистые доходы сельского населения увеличились на 6,8%; в 2005г. фактический рост среднедушевых доходов, которые находятся в распоряжении жителей городов и поселков, составил 9,6%, а среднедушевых чистых доходов сельского населения — 6,2%, в 2006г. планируется достичь прироста по данным показателям соответственно 6% и 5%.⁸

Отмечая достижения последнего времени в работе по трудоустройству, сокращению бедности, улучшению жизни народа, китайское руководство в то же время призывает отчетливо видеть, что в деле усиления и совершенствования макрорегулирования и макроконтроля достигнуты лишь промежуточные успехи, что острые противоречия и проблемы в хозяйственной деятельности хотя и несколько смягчены, но коренным образом еще не разрешены.

Ученые Китая в публикациях 2005 г., оценивая наиболее актуальные социальные проблемы страны, выделяют среди них следующие:

- обострение противоречий, связанных с потерей крестьянами земель (бывшие сельхозугодия, принадлежавшие около 40 млн крестьян, используются в иных целях, а размер компенсации оказался низким);

- продолжение увеличения разрыва в доходах населения (по итогам выборочного опроса, проведенного среди 50 тысяч городских семей, у 10% "богатых" семей среднедушевой доход достиг 13,3 тыс. юаней, а у 10% "бедных" семей он составил лишь 1397 юаней, то есть пропорция составляет 9,5:1 против 9, 1:1 в предшествующий год);

- сохранение на длительное время серьезности проблемы трудоустройства (число незанятого городского населения ежегодно увеличивается на 24 млн человек, а Китай в состоянии создавать максимум 9 млн рабочих мест в год);

- необходимость решения в новом столетии задачи ликвидации бедности (за 25 лет проведения политики реформ и открытости бедное население в стране сократилось с 250 млн до 29 млн человек, однако черта бедности для китайских крестьян составляет лишь 625 юаней в год, что ниже установленного ООН уровня в 900 юаней);

- необходимость постепенного продвижения реформы политической системы для большей результативности борьбы с коррупцией;

- дефицит ресурсов и серьезное загрязнение окружающей среды, ограничивающие перспективы развития страны;

- снижение в последние два года (несмотря на высокие темпы роста китайской экономики) удовлетворенности жизнью группы людей с низкими доходами.⁹

По мнению автора, главными проблемами, влияющими на поддержание социально-политической стабильности в КНР, являются проблемы занятости и имущественной дифференциации в китайском обществе, причем проблема занятости стоит на первом месте. В конце 2005 г. во время научной командиров-

ки в КНР автор имел возможность обсуждать эти вопросы с ведущими учеными в Пекине и Шанхае. Китайские ученые признают, что проблема занятости занимает первое место по важности среди социальных проблем, так как при решении ее возможно и постепенное решение проблемы бедности, существенной социальной дифференциации и даже ограничение коррупции в китайском обществе. Что касается имущественного расслоения, то хотя здесь разрыв и достигает значительных величин (в десятки и даже сотни раз), если вести сравнение по отдельным показателям (например, в Шанхае это 150 раз — по затратам на жилье, 30-40 раз — по затратам на транспорт, 50 раз — по затратам на культурные развлечения), но по такому важнейшему показателю, как затраты на питание, различие составляет, в подавляющем большинстве, немногим более 2-х раз. То есть, сегодня доход у простого населения позволяет относительно прилично жить и питаться, а это сдерживает проявление недовольства своим положением при наличии большого социального расслоения в стране. Даже наименее обеспеченные слои населения, которыми, как правило, являются приезжие из деревень в города, выполняющие черную или просто случайную работу, в любом случае имеют доходы больше, чем они имели в деревне, а потому относительно удовлетворены своим положением (согласно социальным опросам, в Шанхае таких 80%). Плюс к этому, как отмечают китайские ученые, у многих людей из низших слоев общества есть надежда тем или иным путем (например посредством обучения) перебраться на более высокую ступень социальной лестницы (миграция между слоями идет довольно активно), и эта надежда дает народу терпение и сдерживает проявление им недовольства. Но, конечно, в разных регионах страны ситуация различная.¹⁰

Определяя задачи и меры в области социально-экономического развития на 2006 г., китайское руководство вновь подчеркивает важнейшую роль макрорегулирования и макроконтроля для увеличения доходов городских и сельских жителей, особенно людей со средними и низкими доходами, регулирования чрезмерно высоких доходов, активного проведения политики трудоустройства и расширения занятости, усиления работы по защите прав и интересов трудящихся, совершенствования системы социального обеспечения и ускорения создания системы социальной помощи крайне нуждающимся в городе и на селе.¹¹

Можно сказать, что китайское руководство реально оценивает стоящие перед страной трудности и продолжает прилагать все усилия для их преодоления, в первую очередь, делая шаги в сторону наиболее обездоленных слоев населения.

1. Жэньминь жибао. 2002. 18 ноября.
2. Жэньминь жибао. 2003. 20 марта.
3. Жэньминь жибао. 2004. 19 марта.
4. Жэньминь жибао. 2004. 19 марта.
5. Жэньминь жибао. 2004. 19 марта; 2005. 15, 16 марта; 2006. 7 марта.
6. Жэньминь жибао. 2004. 19 марта; 2006. 7 марта.
7. Жэньминь жибао. 2005. 12, 19, 20 октября.
8. Жэньминь жибао. 2003. 20 марта; 2004. 19 марта; 2005. 15, 16 марта; 2006. 7 марта.
9. 2005 нянь: Чжунго шэжуй синьши фэньси юй юйцэ. Шэжуй ланьпишу [2005 год: анализ и прогноз социальной обстановки в Китае. Синяя книга по социальным вопросам]. Пекин: Шэжуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2005. С. 5-10.
10. Фактические данные по Шанхаю получены в Институте социологии Шанхайской АОН во время беседы с заместителем директора Института Пань Давзем и профессором Лу Сяовэнем.
11. Жэньминь жибао. 2006. 7 марта.

Предварительные итоги выполнения 10-го государственного пятилетнего плана КНР по охране окружающей среды

© 2006

Е. Бирюлин

Очень быстрое развитие Китая по пути рыночных реформ выдвинуло, казалось бы, логичную схему свертывания плановых начал в деятельности по охране окружающей среды и замены их рыночными механизмами. Некоторые страны приняли эту схему, и результаты оказались резко отрицательными. Руководство КНР поступило по-иному: приоритеты государственной экологической политики предусматривают максимальное внедрение рыночных механизмов в работу по охране окружающей среды и одновременно — укрепление плановых начал. Всестороннее расширение прав и обязанностей местных народных правительств в экологической сфере жестко согласуется с ростом задач общегосударственного долгосрочного экологического планирования и повышением ответственности за его исполнение.

С 90-х годов истекшего столетия в Китае принималось довольно большое число государственных экологических планов, программ и общенациональных проектов. Отметим такие проекты, как "Программы сохранения природных лесов", проект "Великая зеленая стена", "Программа озеленения до 2000 г. — 2010 г.", проект "Зеленый город", проект переброски вод "Юг-Север", "Программа по предотвращению и сдерживанию истощения почв в западных районах Китая" и другие. Среди них выделяется 10-й государственный план КНР охраны окружающей среды, принятый 26 декабря 2001 г. В связи с его принятием Государственный совет КНР обязал региональные и местные органы власти усилить работу по охране окружающей среды, более тесно связывая ее с процессом экономического развития, увеличить финансирование мероприятий экологического характера, создать новый, более совершенный механизм охраны окружающей среды, оптимально сочетающий в себе сохранение главенствующей роли государства, рыночные стимулы и широкое участие общественности.¹

В документе дана характеристика общей экологической ситуации на момент его принятия. Отмечается, что в результате многолетних упорных усилий экологическая ситуация в целом по стране вышла из нестабильного положения, а в некоторых областях и городах достигнуто заметное улучшение. Тем не менее, общая картина с загрязнением окружающей среды продолжает вызывать серьезную тревогу, объемы загрязняющих выбросов до сих пор очень велики, а качество окружающей среды оставляет желать лучшего. Механизм экологического контроля недостаточно эффективен, и материальный ущерб от

Бирюлин Евгений Васильевич — старший научный сотрудник ИДВ РАН, кандидат экономических наук.

загрязнения в ряде районов продолжает увеличиваться. Интенсивная работа по охране окружающей среды должна вестись по всей стране, при этом особое внимание должно быть обращено на выполнение программы "Три реки — три озера — две зоны — один город — одно море". (Об этом — ниже).

Была поставлена основная цель к 2005 г. — значительно уменьшить уровень экологического загрязнения в целом по стране, улучшить качество окружающей среды в городской и сельской местности, особенно в крупных и средних городах, осуществить дальнейшее развитие и улучшение системы природоохранного законодательства, государственной экологической политики и практического механизма охраны окружающей среды в соответствии с потребностями социалистической рыночной экономики и общества.

Основные показатели 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды предусматривают существенное снижение количеств вредных и загрязняющих веществ.

Таблица 1

Плановое снижение некоторых загрязняющих выбросов

Виды загрязняющих выбросов	2000 г. тыс. т	2005 г. тыс. т	Динамика, %
1. Двуокись серы (SO ₂)	19950,0	17960,0	-10,0
промышл.	16125,0	14500,0	-10,1
бытовые	3825,0	3460,0	-9,5
2. Дымовые выбросы	11650,0	10603,0	-9,0
промышл.	9533,0	8500,0	-10,8
бытовые	2117,0	2103,0	-0,7
3. Выбросы промышленных пылевидных частиц	10920,0	8987,1	-17,7
4. Выбросы по COD	14450,0	13000,0	-10,0
промышл.	7045,4	6467,8	-8,2
бытовые	7404,6	6532,2	-11,8
5. Азотистые соединения	1835,0	1650,0	-10,1
промышл.	778,4	708,9	-8,9
бытовые	1056,6	941,1	-10,9
7. Твердые отходы промышленных предприятий	31860,9	28600,0	-10,2

Как видно из приведенных данных, масштабы предполагаемого за пятилетие снижения уровней выбросов загрязняющих веществ очень велики, особенно по выбросам промышленных пылевидных частиц. Кстати, наметки по снижению бытовых выбросов пылевидных частиц предусматривали снижение лишь на 0,7%, а ведь это близкие по сложности задачи.

В отношении городов были поставлены семь дополнительных важных целей:

1. Добиться улучшения состояния воздушного бассейна городов так, чтобы в более чем половине их общего количества качество атмосферного воздуха соответствовало 2-й категории государственного стандарта.

2. Довести качество поверхностных вод более чем в 60% городов крупнее уездного значения до уровней, сопоставимых со стандартами водоохраных территорий.

3. Добиться снижения уровня транспортных шумов в более чем 50% городов крупнее уездного уровня до уровня требований государственного стандарта.

4. Добиться канализации не менее чем 45% городских бытовых стоков.

5. Довести уровень газификации квартир жителей городов до 92%.

6. Поднять уровень мощностей по санитарной переработке городского бытового мусора, содержащего пищевые отходы, бумагу и прочую органику, до 150 тыс. т в день.

7. Увеличить долю озелененных территорий в городах до 35%.

Впечатляющие цели были поставлены в важнейшей для густонаселенного Китая сфере сохранения естественной природной среды. Выдвинута задача ни в коем случае не допустить ухудшения качества естественных, спелых и особо спелых лесов и — более того — добиться даже некоторого улучшения. Поставлена трудновыполнимая задача — снизить по сравнению с 2000 г. темпы прироста эродирования земель сельскохозяйственного назначения, вырождения пастбищ и опустынивания земель на 60%. При этом надо иметь в виду, что тенденция вырождения таких земель все-таки сохранится. Больше, чем раньше, внимание уделено проблеме охраны окружающей среды сельских местностей.

В 10-м пятилетнем плане охраны окружающей среды были указаны несколько объектов особого экологического внимания. Это — “три реки” (Хуайхэ, Хайхэ и Ляохэ); “три озера” (Тайху, Чаоху и Дяньху); “две зоны” (два типа зон повышенного экологического контроля — а) за содержанием двуоксида серы, б) за кислотными дождями); “один город” (Пекин); “одно море” (Бохайский залив); водные объекты интенсивного гидротехнического строительства и сосредоточения промышленности — водохранилище гидроузла Санься, каналы переброски вод по проекту “Юг-Север”, среднее течение Хуанхэ и весь бассейн р. Сунхуацзян.

Таблица 2

Плановые показатели по некоторым объектам
особого экологического контроля за водными ресурсами (тыс. т)

Объекты	COD		Соединения фосфора		Азотистые соединения	
	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.	2000 г.	2005 г.
р. Хуайхэ	1059	643			151	113
р. Хайхэ	1584	1065			262	205
р. Ляохэ	583,3	325,8			74,3	52,1
оз. Тайху	491,5	378,1	14,4	12,4	130	99,1
оз. Чаоху	63,8	59,1	1,5	1,1	12,3 (только азот)	11,4 (только азот)
Оз. Дяоху	43,9	35,2	1,3	1,1	10,9 (только азот)	8,8 (только азот)
Проект переброски “Юг-Север”	972	547			139	70
Гидроузел Санься	1355,5	1028			113,6	83
Бохайский залив	1140	1026	13	10	165	132
Пекин	186,0	130,0			38,0	31,0
Две зоны экоконтроля	SO₂					
	2000 г.			2005 г.		
	13160			10530		

В отношении выбросов промышленных предприятий ставится задача их существенного сокращения и устранения к 2005 г. всех случаев длительного превышения норм государственных стандартов. Особо строгий контроль вводится за деятельностью новых предприятий. Новым является то, что контроль

за выбросами сочетается с контролем экологического качества продукции. Особое внимание уделяется восьми отраслям промышленности: добыче угля, черной металлургии, цветной металлургии, добыче нефти, химической промышленности, строительству и легкой промышленности.

Радикально улучшен подход к малопривлекательной с точки зрения узкого понимания рыночной экономики проблеме создания высокоэкологичной среды обитания. Центр работы в этом направлении должен быть перемещен в западные районы страны. Планировалось дополнительно учредить 55 охраняемых природных территорий, из них — пятнадцать охраняемых природных территорий общегосударственного значения и сорок охраняемых природных территорий провинциального значения. Общая доля земель, отведенных под заповедники, должна превысить 13% территории страны, площадь акваторий, отведенная под морские природные охраняемые акватории (морские заповедники) — превысить 40 тыс. кв. км. Не менее 60% берегов озер и морского побережья следует поставить под специальный экологический контроль.²

Финансирование экологической сферы на пятилетие до 2005 г. значительно увеличивается. Общий объем государственных ассигнований на охрану окружающей среды в этот период должен составить 700 млрд юаней, то есть примерно 1,3% ВВП Китая или почти 3,6% всех централизованных плановых капиталовложений. Основную долю (почти 80%) занимают ассигнования на охрану воздушной и водной среды.

Важно, что 10-й пятилетний план охраны окружающей среды является не вполне самодостаточным, а некоторым образом входит в схему “9-го государственного пятилетнего плана КНР охраны окружающей среды и долгосрочных экологических целей до 2010 г.”. Согласно этому документу до 2010 г. планировалось прежде всего реализовать в полной мере стратегию “устойчивого развития”, а это означает преодоление всех тенденций необратимого ухудшения качества окружающей среды, сохранение в полной мере всех возобновляемых природных ресурсов и естественной среды обитания, стабилизацию состояния сельскохозяйственных угодий и земель, неиспользуемых в активной форме.³ В 10-м пятилетнем плане целей такой сложности уже не просматривается.

Прилагались значительные усилия также для укрепления, развития плановых начал и их адаптации к условиям рыночной экономики по отдельным направлениям охраны окружающей среды. Согласно второй редакции Водного кодекса КНР, принятой 29 августа 2002 г., государство осуществляет стратегическое планирование водных ресурсов в масштабах всей страны. Освоение, использование, экономия, охрана водных ресурсов и предотвращение наводнений и иных бедствий, связанных с водной сферой, должны соответствовать положениям планов по речным бассейнам и регионам. Впервые в практике водного и в значительной степени всего природоохранного законодательства вводится принцип жесткой увязки планирования с наиважнейшими хозяйственными параметрами. Общие и некоторые специализированные планы речных бассейнов и районов должны быть скоординированы с государственными планами экономического и социального развития.⁴

Весьма строгие требования подчиненности законодательно оформленным установлениям, подтверждающим главенствующую роль плановых начал, предусмотрены в принятом 31 августа 2001 г. Законе КНР о противодействии и контроле над опустыниванием.

Чрезвычайно сложной задачей является практическое претворение в жизнь наметок государственных пятилетних экологических планов в степных районах, особенно в национально-автономных образованиях, так как зачастую воспринимаются как помеха сложившейся долголетней практике хозяйст

ния. Плановые начала в степных районах опираются на "Закон о степях", принятый 18 июня 1985 г. и пересмотренный 28 декабря 2002 г.

Согласно этому документу, государство осуществляет курс на единое планирование степных территорий, включающий их охрану, обустройство и использование, после обсуждения и одобрения в Государственном совете план вводится в действие. Низовые органы разрабатывают и проводят в жизнь местные планы охраны степных территорий. План охраны, обустройства и использования степных территорий должен быть скоординирован с комплексным планом использования земель и с планом охраны окружающей среды⁵.

Очень важным является законодательное обеспечение плановых начал в противодействии загрязнению атмосферного воздуха, которое опирается на Закон 2000 г. об охране воздушного бассейна от загрязнения. В нем выдвинуто требование о том, что Государственный совет и местные народные правительств в обязательном порядке должны включать работу по сохранению воздушной среды в перспективные планы экономического и социального развития, а также рационально планировать размещение предприятий. Государственный совет определяет важнейшие направления политики противодействия загрязнению городского воздушного бассейна в соответствии с комплексным планом развития города и целями перспективного плана охраны окружающей среды.⁶

Хотя окончательные официальные данные о реализации основных программ 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды будут опубликованы не ранее 2007 г., можно составить предварительное представление о ходе реализации этого важнейшего документа.

По комплексным направлениям и отдельным секторам экологической политики предварительные итоги выполнения плановых задач таковы.

1. Основная цель к 2005 г. — значительно уменьшить уровень экологического загрязнения в целом по стране и улучшить качество окружающей среды в городской и сельской местности

Эта фундаментальная задача решена не полностью. В официальных данных компетентных органов, в частности, ГГУООС ежегодно говорится о стабилизации уровня промышленного и других видов загрязнения и лишь о небольшом улучшении по отдельным направлениям. Так, в отчете SEPA за 2004 г. отмечается, что, несмотря на значительный рост промышленного производства, серьезные экологические проблемы в некоторых городах, усиление агрессивности кислотных дождей в отдельных районах и трудности с водоснабжением, в целом экологическая обстановка в стране характеризуется тенденцией к устойчивому развитию и некоторому прогрессу в ряде важных секторов.⁷

2. Улучшение системы природоохранного законодательства

Это направление развивалось вполне успешно. Выше уже фиксировалось большое значение принятых в период действия 10-го пятилетнего плана Водного кодекса, Закона о противодействии и контроле над опустыниванием, Закона о степях. На 3-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 10-го созыва 28 июня 2003 г. был утвержден и Указом № 6 Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао с 1 октября 2003 г. введен в действие важнейший документ — Закон о предотвращении радиоактивного загрязнения. Кроме того, были приняты и другие законы, близкие к экологической сфере (в частности, Закон о содействии развитию альтернативной энергетики) и многие подзаконные акты, постановления и указы, совершенствующие уже весьма мощный механизм правового регулирования природоохранной сферы КНР.

3. Совершенствование государственной экологической политики и практического механизма охраны окружающей среды в соответствии с потребностями социалистической рыночной экономики и общества

Комплекс этих задач решался в основном успешно и плодотворно. Многие устаревшие, формальные или излишне централизованные методы сохранения природной окружающей среды и естественных ресурсов были заменены современными рыночными и приближенными к объекту управления формами. В отношении лесных и пастбищных ресурсов активно внедрялись экологически контролируемые арендные отношения, лимиты на безвозмездные выбросы загрязняющих веществ в атмосферу существенно сокращены, система бесплатного водоснабжения свертывается и вытесняется схемой водообеспечения по довольно высоким ценам, быстро развивается не затратная, как ранее, а приносящая прибыль экологическая индустрия. В создании системы платного водоснабжения лидирует Пекин. Летом 2004 г. в китайской столице были проведены специальные слушания по этой проблеме, на которых было заявлено, что в городе будет введена гибкая система цен на воду в соответствии с фактическим объемом ее потребления жителями. Согласно предварительному проекту норма расхода воды для одного жителя определяется в пределах 2 — 3,5 кубометра в месяц. Если месячный объем расхода семьи окажется в пределах минимальной нормы, можно будет платить по общему тарифу. В случае превышения нормы расхода воды, придется платить по высокому тарифу, при этом тариф увеличится в 3-5 раз.⁸

4. Сохранение среды обитания для естественной фауны и флоры

К концу 2004 года природные заповедники Китая занимали седьмую часть территории страны; общая площадь 2194 заповедников достигла 148 млн га.

В настоящее время в Китае насчитывается 226 заповедников государственной категории, 14 заповедных территорий международного значения (14,4% территории страны против 13% по плану). Число заказников, где запрещена охота на диких животных, увеличилось до 2553. Усилился контроль за соблюдением законодательства об охране диких животных. Главное государственное управление КНР по охране окружающей среды проводило по этому вопросу специальную проверку в двенадцати провинциях и других административно-территориальных образованиях страны.⁹

Таким образом, можно говорить о досрочном полном выполнении 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды в важнейшей сфере сохранения среды обитания для естественной фауны и флоры.

Однако даже в довольно благополучной сфере защиты природных ареалов фауны и флоры и поддержания естественных биоконплексов есть свои непростые проблемы. В частности, в последнее время в Китае обострилась ситуация с насекомыми-вредителями, наносящими существенный экологический, экономический и моральный вред. С начала мая 2005 года в Автономном районе Внутренняя Монголия наблюдается нашествие саранчи, гусениц-огневок, злаковой тли и других насекомых-вредителей. Площадь угодий и пастбищ, пострадавших от этой напасти, достигла 49,16 млн му (более 3 млн га).¹⁰ В 2004 г. в пров. Хэйлуцзян (то есть по соседству с российским Дальним Востоком) произошло нашествие луговых мотыльков, уничтожающих зерновые. Общая площадь пострадавших сельскохозяйственных угодий превышает 60 млн му (4 млн га).¹¹ Эти же крайне прожорливые и чрезвычайно быстро распространяющиеся чешуекрылые появились и в других районах Китая, даже в пригородах Пекина. В нынешнем году площадь пострадавших от мотыльков сельскохозяйственных угодий в Китае может превысить 60 млн му.¹²

5. Борьба с опустыниванием

Процессы опустынивания в Китае в последние десятилетия постоянно усугублялись и стали подрывать основы существования значительной части населения страны. Положение было настолько серьезным, что в наметках 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды даже не ставилась цель полно-

го устранения опустынивания, а лишь значительного сокращения площади ежегодного прироста вновь опустыниваемых земель. Однако была проведена беспрецедентно объемная работа в этой сфере, и в середине июня 2005 г. Государственное управление лесного хозяйства Китая сообщило, что впервые с момента образования КНР ценой многолетних усилий удалось обуздать тенденцию деградации земель. По последним итогам 3-го общенационального мониторинга зарегистрировано сокращение площади опустынивания и опесчанивания почв.¹³ В результате цели, поставленные 10-м пятилетним планом охраны окружающей среды, не только достигнуты, но и превзойдены.

6. Водные ресурсы для хозяйственных и бытовых целей

Динамика состояния водных ресурсов КНР для хозяйственных и бытовых целей за истекшие несколько лет была сложной и неоднозначной. Вот ее краткая характеристика за 2002-2004 гг. на базе официальных годовых отчетов ГГУООС.

В 2002 г. из 741-го наблюдаемого участка семи наиболее крупных речных бассейнов 29,1% соответствовали по качеству вод удовлетворительным 1-й, 2-й и 3-й категориям (А), 30% — неудовлетворительным 4-й и 5-й категории (В). Крайне плохое качество вод (хуже 5-й категории) было зафиксировано на 40,9% участков (С). На реках Ляохэ и Хайхэ на 60% их протяжения качество вод (D) было хуже наихудшей 5-й категории.¹⁴

В 2003 г. на 407 наблюдаемых участках семи речных бассейнов показатели (А, В, С) составили соответственно 38,1%, 32,2% и 29,7%; на 118 участках, находящихся под специальным государственным контролем — 53,4%, 37,3% и 9,3%. Предыдущий показатель (D) по реке Хайхэ улучшился до 53,9%, а по реке Ляохэ — даже до 40,6%.¹⁵

В 2004 г. положение по этой системе показателей еще заметно улучшилось, соответственно (А, В, С) — до 41,8%, 30,3%, 27,9%, и приблизилось к запланированному уровню. Тенденция по реке Хайхэ была менее благоприятной: показатель крайнего загрязнения (D) составил 56,7%, зато по реке Ляохэ снизился до 37,9%.¹⁶

Таким образом, выявляется тенденция к выполнению в целом наметок 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды по сбережению базовых водных ресурсов, но при стагнации и даже ухудшении по некоторым сегментам. При обращении к обычным показателям, не связанным с вышеупомянутой системой категорий качества “5+1”, выявляется довольно тревожная картина: дефицит воды в Китае составляет 40 млрд кубометров в год, более 400 из 669 городов Китая испытывают нехватку воды, общий объем сточных вод достиг 68 млрд тонн, что более чем в 3 раза превышает показатель 1980 года, при этом примерно треть промышленных и две трети бытовых стоков попадают в реки без предварительной очистки.¹⁷ Правительство КНР признало, что сложность задачи исключительно велика и ее решение усилиями одного центра невозможно. В начале 2004 г. заместитель министра водного хозяйства КНР Е Цзинпин официально заявил, что в дальнейшем ответственность за реализацию большей части водных и водохозяйственных проектов будет возложена на региональные структуры и местные органы власти.¹⁸

7. Ресурсы питьевой воды

Хотя, как правило, ресурсы питьевой воды определяются базовым водным потенциалом, в Китае ситуация несколько иная, и проблема обеспечения населения питьевой водой стоит очень остро. 22 декабря 2004 г. министр водного хозяйства КНР Ван Шучэн на проходящем в городе Сучжоу Всекитайском совещании с участием начальников управлений водного хозяйства заявил о том, что более 300 млн жителей Китая пьют небезопасную для здоровья воду.¹⁹ Всекитайская экологическая федерация (АСЕФ) под патронажем ГГУООС про-

вела в апреле-мае 2005 г. специальное массовое обследование, охватившее 4 млн человек в 31 территориальном образовании, включая провинции и автономные районы страны. 96% всех опрошенных заявили о том, что сталкиваются с проблемой нехватки чистой питьевой воды. В результате обеспеченность питьевой водой официально признана “проблемой № 1 в экологической сфере”.²⁰

С другой стороны, правительство Китая прилагает очень большие усилия для решения проблемы питьевой воды. Так, на всекитайском совещании по вопросам ирригации заместитель министра сельского хозяйства Чжай Хаохуэй сообщил, что с сентября 2003 г. по май 2004 г. вопрос надлежащего обеспечения питьевой водой был решен в отношении 20 млн сельских жителей. К концу года должна быть досрочно выполнена поставленная в 10-м пятилетнем плане задача обеспечения питьевой водой 50 млн жителей сельских районов страны. На указанные цели с 2000 по 2003 годы было выделено 8,5 млрд юаней²¹.

8. Состояние воздушного бассейна

В отношении воздушного бассейна, не затрагивая особую проблему кислотных дождей, складывается условно благоприятная, хотя и неоднозначная, картина. В целом по стране наблюдается, как и требовалось по 10-му экологическому плану заметное улучшение качества атмосферы в городах. В 2002 г. в двух третях от всего количества китайских городов этот показатель был хуже основополагающей 2-й категории, а в 2003 г. он улучшился на 7,9%.²² В 2004 г. число городов, где не удалось выдержать требуемые стандарты качества, составило 132, что на 3,2% ниже показателей предшествующего года, число городов, где отмечалось превышение максимальной 3-й категории качества, составило 69, то есть снизилось на 6,6%.²³ К началу августа 2005 г. в китайской столице наблюдался 141 день, когда качество воздуха оценивалось как “хорошее” или “отличное”; эта цифра составляет 66,5% всех дней за первые семь месяцев года, что на 11 дней больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. В июле жители Пекина 23 дня видели над головой “голубое небо”, что составило 77,4% всех июльских дней. Меры по предотвращению загрязнения атмосферы принимаются в Пекине с 1998 г., что позволило значительно улучшить качество воздуха в столице.²⁴ В то же время наметилась тенденция к росту числа городов, состояние атмосферного воздуха в которых относится к максимальной 3-й категории качества, кроме того, нет достоверных сведений о среднем качестве воздуха производственных и бытовых помещений, но очевидно, что оно не улучшается.

Не удастся существенно исправить ситуацию с таким опасным явлением как кислотные дожди. Китай является мировым рекордсменом по объему сжигаемого минерального топлива, преимущественно угля, что создает условия для возникновения высококонцентрированных зон закисленной, реже щелочесодержащей атмосферной влаги. В декабре 2004 г. агентство Синьхуа под заголовком “Китай стоит перед угрозой “кислотных дождей” опубликовал тревожную информацию о том, что “кислотные дожди” стали регулярно выпадать в районах 250 китайских городов, и это наносит экономический ущерб на сумму 110 млрд юаней в год (13,3 млрд долл. США). Несмотря на все усилия и жесткие требования 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды, совокупный объем выбросов двуокиси серы в Китае не только не снизился, но возрос в 2003 г. на 12% до 21,6 млрд т.²⁵ Судя по отчету ГГУООС в 2004 г. ситуация с выбросами двуокиси серы в разбивке по трем категориям улучшилась, однако совокупный объем выбросов увеличился еще на 4,5% до 22,5 млрд т. Ситуация с кислотными дождями заметно не изменилась, а доля городов, где не удалось достичь требуемой 2-й категории качества (то есть удержать содержание двуокиси серы на уровне не более 0,06 mg/m³) практически не снизилась — в 2003 г. этот показатель составлял 74,4%, в 2004 — 74,3%. Число городов, в ко-

торых не отмечалось выпадение кислотных дождей, даже уменьшилось.²⁶ Районы, интенсивно подверженные выпадению кислотных дождей с показателем рН менее 5,0, то есть существенно закисленные, сосредоточены на юго-востоке страны.

9. Твердые отходы

В 2004 г. общий объем произведенных твердых отходов увеличился на 20% до 1,2 млрд т. В 2003 г. увеличение составило 6,3%. Таким образом, поскольку проектировалось, как и в случае с выбросами двуокиси серы, 10%-е снижение за пятилетие, приходится констатировать крупную неудачу выполнения наметок 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды.²⁷

10. Лесные и степные ресурсы, пахотные земли

Последовательная политика восстановления (за последние 7 лет Китай выделил 45 млрд юаней на охрану естественных лесов) лесов и массовых лесопосадок дала хорошие результаты. В 2004 г. общая площадь лесов возросла до 174,91 млн га и достигла 18,21% всей территории страны.²⁸ Успехи курса на лесовосстановление открыли перспективу увеличить за последующие 10-15 лет долю территорий, занятых лесами, до 23%, и таким образом вывести Китай в ранг среднеобеспеченных лесом стран.

Площадь сплошных степей, составляющая 41,7% территории Китая — 393 млн га, мало изменилась после 2000 г., что с учетом больших достижений в борьбе с опустыниванием является существенным успехом экологической политики КНР.²⁹

Менее благополучно обстоит дело с пахотными землями, поскольку продолжается процесс сокращения их площади. В 2003 г. сокращение составило внушительную цифру в 2,5 млн га. Тем не менее, в 2004 г. пахотные земли занимали 122,4 млн га, что с учетом высокой урожайности достаточно для обеспечения населения зерновыми.

Компенсирующим моментом является также заметный рост площадей под сады и парки. В 2004 г. площадь фруктовых садов достигла рекордной величины — 11287,8 тыс. га.³⁰

В итоге, по земельному блоку предварительно можно придти к выводу, что, несмотря на чрезвычайно большие трудности, удалось добиться выполнения с некоторыми оговорками целей и задач 10-го пятилетнего плана охраны окружающей среды по лесам и землям сельскохозяйственного назначения, а для такой страны как Китай это залог решения в дальнейшем экологических задач и в других секторах.

11. Важнейшие конкретные экологические показатели

1) Жидкие промышленные стоки

Предполагалось сохранение объема этих стоков до 2005 г. на уровне 2001 г. или небольшое превышение. Превышение к 2004 г. составило 1,85 млрд т или 9,1% при абсолютном объеме 22,1 млрд т. Таким образом, поскольку в 2005 г. не прогнозируется существенного роста, и с учетом того, что объем промышленного производства за эти годы увеличился более, чем на одну треть, можно говорить об условном выполнении целей 10-го Плана охраны окружающей среды по этому наиважнейшему показателю.³¹

2) Жидкие бытовые стоки

С учетом роста населения и активно развивающегося процесса урбанизации рост объема жидких бытовых стоков с начала действия 10-го Плана на 3,1 млрд т можно считать нормальным, — с 23,0 млрд т в 2001 г. до 26,1 млрд т в 2004 г., то есть на 13,5%.³²

3) Промышленные выбросы двуокиси серы

Объем промышленных выбросов двуокиси серы вместо уменьшения на 10% заметно увеличился — на 3,2 млн т — с 15,7 млн т в 2001 г. до 18,9 млн т в 2004 г., то есть на 20,4%. Поскольку за 2005 г. радикально улучшить ситуа-

цию невозможно, можно утверждать, что по этому направлению наметки 10-го плана не выполняются.³³

4) Выбросы промышленных пылевидных частиц

По этому направлению поставленные задачи в целом выполняются. На 2005 г. было запланировано снижение объема выбросов на 17,7% до 8,99 млн т по сравнению с 10,9 млн т в 2000 г. К 2004 г. уже удалось довести этот показатель до 9,05 млн т.³⁴

В целом надо констатировать, что принятие 10-го пятилетнего плана КНР охраны окружающей среды было крупным шагом вперед в деле претворения в жизнь главных задач государственной экологической политики: сохранения среды обитания, природы и естественных ресурсов, переход экономики на рельсы "устойчивого развития", обеспечения здоровья и достойной жизни населения страны. Практическое выполнение 10-го плана сопряжено со значительными трудностями, но главное, чтобы важность планового подхода к сфере охраны окружающей среды не умалялась, поскольку такого рода отход от принципов планового регулирования может привести Китай к экологической катастрофе.

1. www.zhb.gov.cn/plan/Tenth.htm
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань гунбао. 2003. № 2 (1073). С. 42-43.
3. <http://www.chinagate.com.cn/english/536.htm>
4. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань гунбао. 2002. № 28. С. 10-17.
5. Чжунхуа жэньминь гунхэго гоюань гунбао. 2003. № 2. (1073). С. 19-25.
6. Жэньминь жибао. 2000. 30 апреля.
7. Хуаньцзин баоху. 2005. № 6. С. 11-28.
8. <http://russian1.people.com.cn/31521/2550530.html>
9. Хуаньцзин баоху. 2004. № 7. С. 12-14; <http://russian.people.com.cn/31516/3436573.html>
10. Жэньминь жибао. 2004. 22 июня.
11. Ibid.
12. Ibid.
13. Xinhua. 2005. 15 июня.
14. www.zhb.gov.cn/SOE/soechina2002/water.htm
15. Хуаньцзин баоху. 2004. № 7. С. 3.
16. Хуаньцзин баоху. 2005. № 6. С. 11-12.
17. <http://russian1.people.com.cn/31518/3084700.html>
18. Интернет-сообщение SEPA от 2004. 25 февраля.
19. <http://russian.people.com.cn/31516/3075066.html>
20. Xinhua. 2005. 28 июля.
21. <http://russian.people.com.cn/31521/2929980.html>
22. <http://www.zhb.gov.cn/SOE/soechina2002/air.htm>; Хуаньцзин баоху. 2004. № 7. С. 7.
23. Хуаньцзин баоху. 2005. № 6. С. 17-19.
24. Xinhua. 2005. 4 августа.
25. Xinhua. 2004. 1 декабря; Хуаньцзин баоху. 2004. № 7. С. 8.
26. Хуаньцзин баоху. 2005. № 6. С. 19.
27. Ibid. P. 20.
28. Ibid. P. 23.
29. Ibid. P. 24.
30. Ibid. P. 22.
31. Ibid. P. 15.
32. Ibid. P. 15.
33. Ibid. P. 19.
34. Ibid. P. 19.

Некоторые итоги внешнеполитической активности КНР в 2005 году

© 2006

С. Лузянин, Е. Сафронова, А. Свешников

Внешиполитические приоритеты КНР и китайско-американские отношения. В 2005 г. КНР продолжала строить свою внешнюю политику в соответствии с новым стратегическим приоритетом "мирного возвышения страны", предполагающим выдвижение Китая на роль главной державы Восточной Азии и постепенное, рассчитанное на годы вперед, достижение паритетных позиций с США по основным направлениям глобальной политики.

Исходя из цели "мирного возвышения" сформировались главные направления и методы китайской стратегии, которые в полной мере проявили себя в рассматриваемый период.

Во-первых, это создание в Восточной Азии зоны преобладающего влияния КНР с вытеснением возможных конкурентов, прежде всего, американцев. Превращение этого района, с опорой на ряд субрегиональных организаций, в которых роль Китая не подвергалась бы сомнению, в плацдарм для расширения своего влияния на другие регионы, имеющие приоритетное значение для постоянно растущих интересов КНР.

Во-вторых, сохранение, по мере возможностей, нормальных отношений с США путем уступок на менее важных направлениях, но, в тоже время, при неуступчивости и даже осторожной наступательности в приоритетных для Китая сферах. Иными словами, сотрудничая с американцами по выгодным или второстепенным для себя вопросам, в тоже время не доводя дело для открытой конфронтации, перераспределять в свою пользу благоприятные условия и факторы в зоне пересечения китайских и американских стратегических интересов.

В-третьих, переход от простого давления к более тонкой дифференцированной политике в отношении главных политических сил на Тайване. Провоцирование там раскола по проблеме отношений с материком, подготовка общественного мнения на острове к осознанию неизбежности создания единого государства со столицей в Пекине. Изоляция негативного, с точки зрения Пекина, внешнего вмешательства в объединительные процессы и обнадеживающего сепаратистов влияния на внутривнутриполитическую обстановку на острове, материализующегося, среди прочего, в форме все более крупных поставок современного оружия и активизации политических контактов.

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН, профессор МГИМО.

Сафронова Елена Ильинична, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Свешников Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ. Исследовательский проект № 06-03-02080а.

В четвертых, диверсификация сырьевой, прежде всего, энергетической политики. Основные (но отнюдь не исчерпывающие всего комплекса задач) усилия здесь сосредоточены на разработке северного направления как "наиболее надежного и безопасного", то есть на укреплении сотрудничества в энергетической сфере с Россией и странами Центральной Азии.

В пятых, поиск точек стратегического соприкосновения со странами ЕС, равно как с множеством развивающихся стран, апробирование форм и методов оптимального сотрудничества в каждом конкретном случае. В этом ключе следует рассматривать и провозглашение в сентябре 2005 г. стратегического сотрудничества с Канадой.

Применительно к методологическим особенностям международной политики Пекина следует указать на последовательную тенденцию укрепления ее эгоцентричности и прагматичности. При всей многосторонности внешней деятельности четкий водораздел проходит между актуальными и приоритетными для КНР проблемами и задачами возможно даже большего международного значения, от которых Пекин способен отстраниться без ущерба для собственных интересов. Даже если вмешательство Китая в их решение способно создать трудности для США как потенциального соперника. В Пекине постоянно подчеркивают, что борьба против гегемонистских проявлений в американской политике, если они не затрагивают интересы КНР на нынешнем этапе, не входит в число ее первоочередных задач, так как это может привести к истощению сил Китая, как было в прошлом с СССР. Китай, напротив, предпочитает подчеркнуть определенную лояльность своему конкуренту и партнеру, поэтому далеко не каждый призыв к антиамериканскому единению способен найти отзыв в Пекине.

Тем не менее, шаги, сделанные Пекином по каждому из указанных направлений, хотя и не привели к революционному изменению позиций Китая в мире, тем не менее, проявили его умение расчетливо и осторожно продвигаться к определенной им ранее цели без особых реверансов в сторону "мирового гегемона".

Так, в создании обширного восточноазиатского сообщества Пекин стремится использовать субрегиональные организации и иные формы объединения заинтересованных стран, созданные для решения общих проблем. Круг задач, равно как методы их решения в данном случае самые разнообразные. Где-то преобладают экономические интересы, где-то интересы безопасности, существуют различия по зрелости и темпам развития объединений, по близости и степени доверительности участников, но главное сближающее начало, согласно интеграционной концепции Пекина, должно заключаться в собственной незаменимости и цементирующей роли, способности выступать главной движущей силой масштабных региональных процессов. Наибольшее внимание в данном контексте уделяется группе АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Южная Корея) в ЮВА, Шанхайской организации сотрудничества на Северо-Западе (в обоих случаях американцы остаются вне указанных групп при довлеющей роли КНР), шестерке по корейской проблеме на Северо-Востоке (влияние США ограничено положением одной из сторон конфликта, в то время как КНР отошла от былой ангажированности в пользу статуса востребованного обеими сторонами посредника). Существуют и другие, находящиеся в стадии формирования группы, как например, тройка крупнейших держав Евразии — Россия, Китай и Индия, способные при определенных условиях реализовать свой богатый потенциал. В других организациях, как например, АТЭС или на южной периферии АТР, где американцы исторически занимают устойчивые позиции, китайцы стремятся предложить прочим участникам заведомо более выгодные условия сотрудничества, чем главный конкурент. В течение 2005 г. Китай достиг определенных успехов на большинстве направлений сотрудничества, прежде

всего, в группе АСЕАН+3, где перспективы создания в ближайшие годы новой торговой структуры, основанной на соглашениях о свободной торговле между участниками, может оставить США в роли очевидного аутсайдера.

Аналогично по возможным результатам, хотя и со своей спецификой по форме, развивается сотрудничество в рамках ШОС, притягивающей все большее число внешних государств континентальной и Южной Азии.

Что касается перспектив развития сотрудничества в рамках упомянутой выше “шестерки по денуклеаризации Корейского полуострова”, то эта первоначально переговорная структура, ориентированная на урегулирование конкретной конфликтной ситуации, может вырасти в организацию, занятую позитивным политическим и экономическим региональным строительством. Естественно, при участии Пекина и с учетом его режиссуры по определенным вопросам, что также подтвердили реалии 2005 года.

Зримый прогресс имеется и в политике в отношении Тайваня. Минувший год продемонстрировал укрепление здесь роли той части населения, представители которой чувствуют себя прежде всего китайцами, в отличие от сепаратистски настроенных соседей по острову. Разногласия между этими двумя группами жителей Тайваня зачастую порождают впечатление о последовательном сближении сторонников единого Китая на материке и острове, о том, что в сфере мировоззрения и интересов между ними становится все больше общего по контрасту с симптомами внутреннего раскола на острове. Хотя и не со стопроцентной уверенностью, но можно предположить, что дальнейшее развитие этой тенденции способно привести в перспективе к появлению на Тайване мощного пропекинского лобби, которому будет отведена решающая роль в драматические минуты развития отношений острова и материка. Подобный ход событий благоприятствует Пекину. В условиях, когда время и развитие социально-экономической ситуации в КНР играют на сторонников объединения, требуется лишь проявлять сдержанность и расчетливость, не поддаваться на провокации, направленные на срыв объективного процесса мирного объединения.

В сфере диверсификации и расширения поставок в Китай энергоносителей не все усилия китайской стороны за последний год увенчались успехом, некоторые масштабные планы были сорваны внешним вмешательством, прежде всего, со стороны США. Тем не менее, была продемонстрирована беспрецедентная активность с привлечением значительных ресурсов, и столь ожидаемые Пекином подвижки в данной приоритетной области не заставили себя долго ждать. Прежде всего, на северном направлении, в сотрудничестве с Россией и странами Центральной Азии. Это, как отмечено выше, имело для Пекина особый вес в силу успешности и стабильности его отношений с указанной группой стран и, соответственно, надежности и безопасности поставок стратегического сырья, вне зависимости от любых перипетий в отношениях с Вашингтоном. Особняком для Китая стояла задача оптимизации своих связей с “единственной сверхдержавой современного мира” — США. И китайские, и все большее число американских аналитиков выделяют двусторонние отношения Пекина и Вашингтона, считая их главными как в иерархии внешних отношений собственных стран, так и в целом, во всей массе двусторонних отношений на международной арене XXI века. Причем вычленение китайско-американских отношений из общего комплекса связей находится сегодня лишь на начальной стадии и, вероятно, станет одной из главных тенденций мировой политики в последующие десятилетия. Причем стороны, прежде всего американцы, к настоящему моменту еще не определились до конца с политикой в отношении друг друга, что порождало в предшествующие годы значительную амплитуду перепадов в двусторонних контактах.

2005 г. стал в определенной степени типичным в отношениях КНР и США. Лишь незначительной корректировке подвергся обширный комплекс пронизывающих всю их структуру противоречий, разногласий и претензий, удерживаемых от трансформации в открытое противостояние огромными цифрами двусторонней торговли и обоюдной заинтересованностью в сотрудничестве по ряду ключевых проблем безопасности. Пока и Вашингтон и Пекин убеждены в “несвоевременности” актуализации в своих контактах проблем, по которым достижение согласия сегодня представляется маловероятным. Упор делается на сближающих их аспектах, представляющих взаимный интерес, как например, на борьбе против “новых угроз” или за разрядку на Корейском полуострове.

В тоже время следует понимать, что именно противоречия между “старым” лидером, десятилетия определявшим реалии мировой политики, и “новым”, поднимающимся конкурентом, стремящимся к перераспределению регионального и глобального влияния, плюс их цивилизационное несоответствие, временно скрытое текущими потребностями, являются фундаментальными условиями, определяющими общую тенденцию развития отношений в XXI веке, а также пределы взаимного сближения. Прочие же проблемы, условия и события, устойчивые или сиюминутные, разделяющие или сближающие две страны, будь то тайваньская проблема или совместная антитеррористическая борьба, текстильная война или огромные капиталовложения, волна шпиономании в США или неожиданно открывшийся канал сотрудничества по проблеме расширения Совета Безопасности ООН, носят более конъюнктурный, переходящий характер.

Именно противоречия, упомянутые здесь первыми и основанные на фундаментальных условиях, выделяют китайско-американские отношения из общей массы двусторонних связей, определяют их специфичность и являются источниками, провоцирующими появление многих других, “текущих” разногласий КНР и США. Есть основания полагать, что по мере дальнейшего роста Китая, усвоения им навыков эффективной конкуренции с Соединенными Штатами, приглушенные ныне фундаментальные противоречия получат новое звучание в двусторонних отношениях, что вполне вписывается в главный внешний приоритет США — не допустить появления регионального или глобального соперника, способного бросить вызов Вашингтону. При существующих реалиях — что было наглядно продемонстрировано в 2005 г. — стороны еще имеют пространство для маневра и ухода от нежелательного лобового столкновения, а потенциал фундаментальных разногласий остается пока преимущественно невостребованным. В силу этого и содержание двусторонних связей в основном не выходило за рамки присущих большинству стран “нормальных” отношений, совмещающих элементы сотрудничества и конкуренции.

Китайские политологи, характеризуя *отношения КНР с Евросоюзом*, подчеркивают, что они, по сравнению с диалогом Китая с США, Японией и Россией, отягощены гораздо меньшим грузом исторических или существующих на сей день споров и посему отличаются “устойчивостью, прагматизмом, зрелостью и всесторонним развитием”¹. В Пекине отмечают сходство целей и задач Китая и ЕС, а также “взаимодополняемость” их экономик² (что стало традиционным приемом внешнеполитической риторики КНР не только в отношениях с ЕС, но и с любым другим регионом мира), приветствуют активный рост товарооборота, достигшего в 2005 г. 217 млрд долл.³. Однако Пекин сетует на “слабость” политических связей между КНР и ЕС по сравнению с масштабом их экономических контактов и ратует за развитие отношений стратегического партнерства, основанного “на взаимном доверии, равноправии, уважении и учете интересов друг друга и взаимной зависимости в международных делах”⁴. Стремление Китая заручиться симпатиями Брюсселя, очевидно, нацеле-

но на формирование осторожного партнерства с неамериканским Западом для создания ненавязчивого противовеса США. Усилия Пекина в Европе подстегиваются и тем, что в последнее время попытки по сближению с ЕС активизирует другой азиатский гигант — Индия.

Стоит отметить, что политическое взаимодействие Китая с ЕС отнюдь не находится в состоянии стагнации. Основное его направление — совместная профилактика террористических акций, борьба с нелегальной миграцией и организованной транснациональной преступностью. На двустороннем уровне Китаем начато формирование механизмов антитеррористического взаимодействия с Великобританией и Германией⁵. В рамках соглашения между ЕС и Китаем по проекту “Галилей” — европейской сети навигационных спутников — поддерживается сотрудничество в таких областях, как собственно спутниковая навигация, производство спутников, обмен технологиями, рыночные исследования и организационные аспекты, вроде расписания и сертифицикации запусков. Для Китая наибольший интерес представляют те элементы проекта, которые могли бы использоваться спецслужбами, что вызывает беспокойство у США⁶. Китай и ЕС также совместно работают в области ядерных исследований.

Китаем констатируется совпадение позиций Пекина и ЕС по многим международным вопросам, но Евросоюз, тем не менее, не спешит с отменой эмбарго на военные поставки в Китай⁷. И это расценивается в Пекине как одно из основных препятствий на пути дальнейшего сотрудничества КНР с ЕС⁸.

В отношениях “Китай-ЕС” существуют и сложности экономического свойства. Позиция Евросоюза по вопросу квотирования китайского импорта текстиля, одежды и обуви не отличается постоянством. Квоты то вводятся, то отменяются, и подобная неопределенность условий торговли несомненно не благоприятствует оптимизации двусторонних экономических связей. Продолжается практика возбуждения Евросоюзом антидемпинговых расследований против Китая.

В качестве меры активизации торгового сотрудничества и стимула к развитию двустороннего стратегического партнерства Китай в 2005 г. призвал Евросоюз как можно скорее признать полностью рыночной экономику КНР. (В 1998 г. ЕС вывел Китай из списка стран с нерыночной экономикой и до настоящего времени считает, что экономика страны является “переходной”).

“Цветные революции” и КНР. Центральная и Северо-Восточная Азия в китайской внешней политике 2005-2006 гг. “Цветные революции” в Грузии и на Украине многими экспертами в России и на Западе расценивались как начало системного процесса обновления правящих элит большей части постсоветских государств, включая сопредельные Китаю Киргизию, Казахстан, Таджикистан. В Пекине и Москве, оценивая смену власти в Тбилиси и Киеве, отмечали, во-первых, влияние Запада и его неправительственных организаций (НПО) на ход этих революций и, во-вторых, перспективу вероятного ухудшения отношений Грузии и Украины как с государствами СНГ, прежде всего с Россией, так и с Китаем. Предположения экспертов частично оправдались, однако резкого ухудшения китайско-грузинских и китайско-украинских отношений не произошло. В Пекине констатировали смену власти, а так же, с сожалением, произошедшую корректировку внешнеполитического курса Киева и Тбилиси в сторону США и Запада в целом, однако на конфликтный уровень это недовольство не вышло. Более того, 10-11 апреля 2006 г. состоялся официальный визит президента Грузии М.Саакашвили в Китай, в ходе которого главы обеих стран подписали Совместное заявление КНР и Грузии о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества. Характерно, что накануне подписания Ху Цзиньтао заявил, что “мы уважаем социальный строй и путь развития, выбранные другой стороной, не вмешиваемся во внутренние дела друг друга и уделяем повышенное внимание развитию здоровых и стабильных отношений дружбы и со-

трудничества, характеризующихся равноправием и взаимной выгодой"⁹. Он также отметил необходимость интенсификации китайско-грузинских отношений по всему спектру (международное сотрудничество, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, трансграничной преступностью)¹⁰. М.Саакашвили, со своей стороны, выразил восхищение успехами Китая в процессе открытости, реформ и модернизации, а также его ролью в международных делах. "Грузия всемерно развивает государственное строительство и готова учиться и заимствовать у Китая опыт в процессе открытости и реформ"¹¹.

Резюмируя итоги визита М.Саакашвили, следует подчеркнуть три момента. 1) Для Китая российско-грузинская конфронтация — хорошая возможность, с одной стороны, выступить неофициальным посредником в деле сглаживания противоречий Москвы и Тбилиси, а с другой, — усилить собственные позиции в Грузии — важном стратегическом районе Южного Кавказа. 2) Китай, наращивая грузинское направление внешней политики, объективно создаст определенные трудности для США на данном пространстве. Понятно, что Пекин не является (и вряд ли станет) реальной альтернативой США в Грузии, но выраженные в ходе визита дружественные настроения КНР и Грузии в любом случае не улучшают американо-грузинские отношения. 3) Логика М.Саакашвили также достаточно ясна — получить дополнительный китайский экономический (и отчасти политический) ресурс для выхода из кризиса и, одновременно, сыграть на китайском "поле" против России. Для Москвы, видимо, самым болезненным станет осмысление тезиса Ху Цзиньтао о том, что Китай "понимает и поддерживает Грузию в важных вопросах, затрагивающих государственную независимость, суверенитет, территориальную целостность"¹². Это означает, что Пекин вряд ли поймет Россию по сложным и деликатным абхазскому и южно-осетинскому вопросам.

Реализация "цветного сценария" произошла также в Киргизии, вызвав неоднозначную реакцию Китая. Как известно, 24 марта 2005 г. в Бишкеке оппозиция¹³ организовала массовые выступления, в ходе которых в столице произошел государственный переворот ("тюльпановая революция"). Официальная оценка событий Китаем на тот момент укладывалась в четкую формулировку: несмотря на произошедшее, необходимо сохранить мир, стабильность и статус-кво как в рамках двусторонних отношений с Кыргызстаном, так и в многостороннем формате — в рамках ШОС. Вместе с тем, в Пекине были (и сохраняются) опасения относительно дальнейших внешнеполитических шагов Бишкека. Если суммировать китайские экспертные оценки 2005 г., то можно выделить следующие их ключевые пункты: возможное влияние киргизской революции на активизацию трансграничного уйгурского сепаратизма; опасения Пекина относительно смены внешнеполитического курса Бишкека и его участия в ШОС; возможности США по использованию своего военного присутствия на базе Манас для развертывания масштабной разведывательной деятельности против Китая; угроза для китайской торговли; опасность инициирования новым руководством пересмотра ратифицированных при А.Акаеве кыргызским парламентом соглашений о кыргызско-китайской границе.

Большинство опасений оказались напрасными. Двусторонняя торговля не уменьшилась, а даже возросла. Уровень политических отношений Пекина и Бишкека остался достаточно высоким. Единственная серьезная проблема, которая сохранилась и напрямую затрагивала (и затрагивает) безопасность Китая, — это вопрос об американской авиабазе в Манасе. Как известно, в резолюции саммита ШОС (Астана, 2005 г.) было прописано положение о необходимости вывода американских баз с территории Киргизии (Манас) и Узбекистана (Ханабад). Руководство Узбекистана в конце 2005 — начале 2006 гг., оказывая постоянное давление на американцев, сумело побудить их покинуть тер-

риторию Узбекистана. Что касается киргизского руководства, то оно, ссылаясь на финансовые трудности, сохраняет американскую базу как один из выгодных источников пополнения бюджета и в принципе не ставит перед Вашингтонском вопросом о ее выводе. Понятно, что американцы, кроме официальных целей (поддержка антитеррористической коалиции в Афганистане, предполагают использовать данную базу для “сдерживания” Китая и России.

Киргизское руководство, несмотря на неоднократные обращения американских официальных представителей в Бишкеке относительно возможности расширения авиационных мощностей на базе Манас, подтвердило запрет на использование американцами самолетов-разведчиков типа “Авакс” и других. В настоящее время, в связи с обострением ядерного кризиса вокруг Ирана, американцы вновь будут поднимать в Бишкеке вопрос о возможности использования самолетов различных типов.

В апреле 2005 г. некоторые китайские эксперты в контексте киргизской “революции” отмечали слабость России, которая, по их мнению, сознательно дистанцировалась от известных событий и тем допустила непростительную ошибку. Один из ведущих китайских экспертов Цзи Чжитао считает, что Россия должна была использовать организацию ОДКБ для помощи А.Акаеву, выполнив таким образом условия договора 1992 г. В частности, он пишет: “свержение А. Акаева для нее (России. — С.Л.) станет большой потерей. Политический переворот в Кыргызстане — это новый показатель снижения влияния России в странах бывшего Союза, который последовал за Грузией и Украиной, где были дружелюбные режимы, входившие в российскую традиционную сферу влияния. Серия “цветных провокаций” была предназначена для ослабления влияния России. Российский президент Владимир Путин должен был предвидеть ситуацию или хотя бы извлечь уроки из предыдущих революций. Москва же продолжает проявлять вялую реакцию в отношении революции в Кыргызстане, в отличие от ситуации в Украине, где В. Путин четко выступил в поддержку кандидатуры Януковича и его пророссийского правительства”¹⁴.

Китайское руководство очень волновало исход выборов президента Киргизии 10 июля 2005 г. Многие ведущие эксперты не исключали, что К.Бакиев при определенных условиях будет проводить проамериканскую линию после своей победы, что было бы очень опасно для Китая и ШОС в целом. Так, Цзи Чжитао в этой связи пишет: “Если проамериканские политики выиграют на выборах в июле, то встанет под сомнение вопрос дальнейшего участия Кыргызстана в ШОС и размещения региональной антитеррористической структуры в Кыргызстане. Такая возможность бросит большой вызов будущему ШОС, может негативно отразиться на строительстве железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан. Предполагалось, что железная дорога длиной в 600 км станет кратчайшей из Синьцзяна на Средний Восток и в район Персидского залива, простирающейся далее в Европу. Новый Шелковый путь XXI века запланирован с тем, чтобы соединить Пекин с Парижем, но может, однако, быть отложен в ближайшем времени”¹⁵.

Данные публикации отражали больше эмоциональный, а не прагматический настрой китайских экспертов и политиков на период апрель — июль 2005 г. К концу 2005 г. страсти улеглись, и отношения Пекина и Бишкека вернулись в нормальное русло. В Пекине оценивают произошедшее в Бишкеке как ошибку А.Акаева, отдавшего власть без борьбы. Однако нынешнее руководство Киргизии проводит, в принципе, тот же курс на стратегическое партнерство с Китаем и Россией, что является главным для китайского руководства на сегодняшний день.

Китайско-узбекские отношения развивались на фоне трагических событий в Андижане 12-15 мая 2005. Россия и Китай поддержали действия узбек-

ских властей по подавлению бунта в Андижане, организованного исламским радикальным движением “Акрамийя”. Позицию Китая по поддержке И.Каримова эксперты объясняли двумя обстоятельствами: стремлением перехватить у США влияние в Узбекистане, а также внутривластическими причинами: у Китая есть проблема с уйгурским национал-сепаратизмом, который так же имеет цвета исламского экстремизма. После вывода американской базы из Ханабада отношения Ташкента и Пекина получили дополнительный импульс для развития. Радикальный шаг президента И.Каримова прямым образом сказался на дальнейшем росте политического доверия и углубления стратегического сотрудничества Пекина и Ташкента как в рамках ШОС, так и на двустороннем уровне. Принципиально важным в этой связи стал официальный визит 21 — 24 мая 2005 г. президента Узбекистана в Китай. Итогом переговоров стало подписание договора о китайских инвестициях в разработку узбекских нефтяных месторождений, расширение торговли, китайских инвестиций, активизация совместной борьбы против терроризма, экстремизма и сепаратизма как на двустороннем уровне, так и в рамках ШОС.

Китай имеет и экономические интересы в Узбекистане, связанные с двумя проблемами — собственной нехваткой энергетических источников и продуктов питания для растущего населения. До последнего времени имидж Китая в Узбекистане был скорее нейтральным. Деятельность Поднебесной больше ассоциировалась с поставками дешевого и некачественного ширпотреба на местные вещевые базары. Крупный бизнес Республики Узбекистан был ориентирован в основном на Запад. Однако в 2005 г. ситуация в этом плане стала быстро меняться — акценты и общая риторика в узбекских СМИ относительно Китая приобрели ярко выраженный позитивный характер.

Другим ключевым вектором центрально-азиатской стратегии КНР является Казахстан. Объем торговли Китая с Казахстаном — самый высокий в регионе Центральной Азии (в 2005 г. около 7 млрд долл.)¹⁶. Ключевой приоритет Китая в Казахстане — энергетический — связан с импортом казахстанской нефти. В конце 2005 г. вступил в строй китайско-казахстанский нефтепровод “Атасу — Алашанькоу”, который будет ежегодно наращивать свои мощности и в среднесрочной перспективе давать Китаю по 25-30 млн тонн нефти в год. Важным для Пекина в его стратегическом казахстанском “раскладе” является политическая стабильность власти Н.Назарбаева. После проведения в декабре 2005 г. президентских выборов в Казахстане стало окончательно ясно, что перспектив “цветных революций” в этой стране нет.

Таким образом, политика Китая в Центральной Азии в 2005 — 2006 гг. прошла через определенные испытания. Главным из них стал “тест” на “цветные революции”, который Пекином был успешно решен, причем, причем в свою пользу (визит М.Саакашвили в КНР свидетельствует этому). Пекин сохранил и увеличил экономическое и политическое присутствие в регионе как на уровне двусторонних отношений, так и уровне ШОС, которая остается одним из важнейших стратегических приоритетов Китая. Одновременно КНР активно развивала контакты и с нейтральным Туркменистаном, особенно по линии газового бизнеса, что вписывалось в общую линию на развитие и диверсификацию отношений Китая со всеми странами региона.

В плане реализации своей общей стратегии в *Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии* Китай в 2005 — 2006 гг. исходил из известной доктрины “мирного возвышения”. В течение 2005 г. роль Китая в СВА и ЮВА качественно возросла на двустороннем уровне отношений¹⁷.

Из проблемного (двустороннего) спектра отношений в 2005 г. продолжали оставаться достаточно сложными китайско-японские отношения. Известная китайская схема “холодная политика — горячая экономика”, полностью сохра-

нила свою актуальность для данного случая. Китай и Япония продолжают наращивать годовые обороты взаимной торговли, которая превысила 120 млрд долл. в 2005 г., но сохраняют нерешенными политические вопросы, взаимные претензии и общий неудовлетворительный фон восприятия друг друга как на уровне элит, так и на массовом уровне. Симптоматичны антияпонские выступления китайской молодежи в 2005 г. на юге КНР по поводу выхода в Японии исторических книг и учебников, иначе трактующих роль Японии в годы Второй мировой войны. Одновременно в Китае (как и на Корейском полуострове) вызывают протесты ежегодное посещение японским премьер-министром храма Ясукуни, где захоронены японские солдаты и офицеры, погибшие в годы войны. Причем результаты этих визитов самым прямым образом сказываются на уровне и тональности контактов первых лиц Китая и Японии в рамках ключевых международных мероприятий. Так, премьер-министр Японии Д. Коидзуми в декабре 2005 на саммите АСЕАН в Малайзии высказал публичное сожаление о том, что премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао демонстративно отказался от встречи с ним в ходе серии мероприятий на высшем уровне, проходивших в Куала-Лумпуре¹⁸. Несмотря на то, что между двумя странами в конце 2005 г. состоялись переговоры по нормализации отношений и Япония приняла пять известных условий этой нормализации, политическое напряжение сохранилось. И формула “холодная политика” будет сохранять актуальность в ближайшей и среднесрочной перспективе. Видимо, причины китайско-японских разногласий лежат не только (и не столько) в исторических “обидях”. Базовым мотивом недовольства Токио является стремительное экономическое и политическое усиление Китая в регионе СВА при том, что Япония в среднесрочной перспективе это соревнование, очевидно, проигрывает.

Для Китая причиной разногласий является и стремление Японии войти в постоянные члены СБ ООН, что лоббируется США и их союзниками. Одновременно Китай внимательно отслеживает внутренние процессы — возможные изменения в японской Конституции (ст. 9) и связанное с этим желание части военной и политической элиты Японии пересмотреть военно-политический, а возможно, в случае провала северокорейских шестисторонних переговоров, и ядерный статус Японии. Существует и энергетический фактор обострения китайско-японских отношений. Япония все больше становится конкурентом Китая в борьбе за сибирскую нефть. Преобразование “Дацинского проекта” (ориентированного на Китай) в “Тихоокеанский проект” (ориентированный на Японию) — яркий тому пример.

Итак, если суммировать особенности курса КНР в СВА в 2005-2006 гг., то можно сказать, что он строился с учетом концепции многополярности и был направлен на поиск дополнительных политических и экономических ресурсов для усиления позиций КНР в двусторонних и многосторонних форматах. Приоритетными задачами были и остаются решение проблемы объединения Китая, выход из северокорейского кризиса, сохранение высокого уровня отношений с Южной Кореей, КНДР, государствами АСЕАН.

Поскольку за последние пять лет внимание мировой общественности было отвлечено борьбой с мировым терроризмом и перипетиями внутри “большой восьмерки”, существенный рост китайского влияния по всему “третьему миру” — от Африки до Латинской Америки — остался практически незамеченным. Политика позиционирования себя в качестве “самой крупной развивающейся страны”¹⁹, видящей “основой”²⁰ своей внешней политики развитию отношений с государствами мирового “Юга”, продолжала приносить Китаю реальные плоды.

На саммите стран Азии и Африки и торжествах, посвященных 50-летию Бандунгской конференции (Джакарта, 2005 г.), Председателем КНР Ху

Цзиньтао были выдвинуто предложение по формированию между этими двумя континентами стратегического партнерства "нового типа"²¹.

Готовность содействовать стратегическому партнерству межконтинентального уровня — это, несомненно, новый момент в дипломатической риторике Пекина, поскольку до сих пор статус стратегического партнерства заявлялся КНР применительно к отношениям межстранового формата или же формата "Китай-регион". (В "третьем мире" Китай установил или стремится развивать отношения "стратегического партнерства" с Бразилией, Аргентиной, Индией, Нигерией, Вьетнамом, странами Центральной Азии, с африканским континентом как таковым).

Обычно в двухсторонних документах понятие стратегического партнерства подробно не раскрывается, поэтому примечательна попытка его конкретизации в важном правительственном документе КНР "Политика Китая в Африке" (январь 2006 г.), где китайско-африканское "стратегическое партнерство нового типа" характеризуется как "отношения политического равенства и взаимного доверия, взаимовыгодного экономического сотрудничества и культурных обменов"²².

Несмотря на всю незатейливость этой дефиниции, документ обладает тем достоинством, что содержит подробное изложение направлений и механизмов реализации задач стратегического партнерства. В число последних включены укрепление политических контактов на высшем уровне, межпарламентские и межпартийные обмены, межмидовские консультации, развитие комитетов по вопросам торгово-экономического и научно-технического сотрудничества; сотрудничество на мировой арене в рамках ООН и других многосторонних организаций; многоплановое взаимодействие в экономической сфере, в области разрешения проблемы задолженности африканских стран, во многих областях гуманитарного сотрудничества; консульские контакты и ряд других²³.

В 2005 г. Пекин продолжил свои усилия по приданию отношениям Китая — "третий мир" консолидированной коллективной основы. В ноябре было проведено совещание министров просвещения 17 стран-участниц форума "Китай-Африка" (основан в 2000 г.). Состоялось экономическое совещание в рамках форума китайско-арабского сотрудничества (основанного в 2004 г.), была достигнута договоренность о создании Форума сотрудничества между Китаем и Латинской Америкой²⁴. В 2005 г. КНР стала участником целого ряда других международных встреч, на которых рассматривалось положение стран "мирового Юга."

Экономическая дипломатия Пекина в "третьем мире" также увенчалась рядом успехов: к 2005 г. статус Китая как страны с полностью рыночной экономикой был признан большинством развивающихся стран.

За счет усиления своих внешнеполитических позиций в Африке и Латинской Америке Пекин преуспел и на пути вытеснения Тайваня с мировой дипломатической арены: в начале 2005 г. возобновились дипломатические отношения КНР с Сенегалом и Гренадой²⁵. Официальные связи с островом пока поддерживают около 20 небольших государств "третьего мира", соблазненных тайбэйской финансовой поддержкой. Пекин не оставляет своим вниманием и эти страны, не отказываясь при этом от методов "долларовой дипломатии".

Специфика политико-экономических усилий Пекина в отношении мирового "Юга" заключается в том, что Китай не ждет урегулирования внутреннего положения в беспокойных странах — потенциальных партнерах, а стремится (и умеет) работать в условиях нестабильности, часто добиваясь успеха, ибо высокие риски, как правило, окупаются высокой прибылью. Внутренние перевороты в Африке и выборы в Латинской Америке практически не сопровождаются там сменой внешнеполитических и экономических установок, что

благоприятствует стабильности связей Китая с этими группами государств. Во имя обеспечения широкой поддержки своих интересов Китай выстраивает особые, "индивидуальные" дипломатические, военные и торгово-экономические отношения с каждым партнером из "третьего мира"²⁶.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на "проблемность" многих стран "Юга", Китай искусно извлекает из сотрудничества с ними реальные политические дивиденды. В Комитете ООН по вопросам прав человека Китай пользуется поддержкой тех африканских стран, которые сами имеют трудности в этой сфере. Выбор Пекина местом проведения Олимпийских игр 2008 г. в немалой степени стал возможен благодаря "африканским голосам". Китай, противодействующий принятию Японии в число постоянных членов СБ ООН, при голосовании этого вопроса получил поддержку многих африканских государств, несмотря на то, что Япония оказывает последним помощь на протяжении многих десятилетий²⁷. КНР в свою очередь подтверждает свою готовность поддерживать требования африканских стран в ВТО и других международных организациях: "Юг" видит в Китае противовес США.

Несмотря на возрастающий оптимизм именно политических деклараций, интересы Китая в "третьем мире", несомненно, лежат в сфере экономического взаимодействия. Африка, беднейшие страны Латинской Америки и Азии — это те регионы мира, где КНР может выступать с позиций "ведущего", обладающего ценным опытом экономических преобразований и материальными ресурсами, вплоть до новых технологий.

На долю *Африки* приходится около трети (т.е. более 40 млн тонн в 2005 г.) китайского импорта столь нужной КНР нефти²⁸. Пекин заключил соглашения об импорте и/или добыче нефти не менее, чем с сорока африканскими государствами²⁹. Благоприятствует экономическому сотрудничеству и специфика африканской ресурсной базы, заключающаяся в низкой себестоимости добычи не столько из-за дешевизны рабочей силы (присущей и самому Китаю), сколько благодаря особой геологической доступности полезных ископаемых на континенте³⁰.

Экономический "мотив" в сотрудничестве КНР с регионами "третьего мира" (в сочетании с политической установкой на "невмешательство во внутренние дела") настолько значим, что побуждает Пекин поддерживать даже репрессивные режимы. Сила "нефтяных" интересов преодолевает соображения гуманитарного, а также идеологического свойства. Так, несмотря на массовые этнические чистки в суданской провинции Дарфур, Китай вложил в экономику Судана (основного африканского экспортера нефти в КНР) 4 млрд долл.³¹, оказал и военно-техническую поддержку Хартуму, содействуя также смягчению резолюций СБ ООН по дарфурским событиям³².

Зачастую Китай является гораздо более удобным коммерческим партнером для стран "третьего мира", чем традиционные контрагенты из США и Европы. Китайцы не проявляют интереса к положению с коррупцией и соблюдением прав человека, к вопросам экологической безопасности. Китайские дипломаты всячески (и успешно) стараются поддержать то мнение, что более дешевая китайская продукция вносит вклад в борьбу с бедностью в странах "Юга". Китайские корпорации способны идти — и идут — на сотрудничество практически со всеми государствами "третьего мира", в то время, как западные фирмы отказываются от инвестиций в проблемных странах³³.

Расширение торгово-экономических отношений с КНР с Африкой расценивается некоторыми западными кругами как реальная угроза их политико-экономическому влиянию на континенте. Так, в Экваториальной Гвинее (малой стране, но крупнейшем производителе нефти) только на долю одной американской компании *Еххон Mobil* уже приходится 70% нефтедобычи страны. Ос-

тальные 30% добываются другими иностранными компаниями. Властями этой страны было заявлено о разочаровании в сотрудничестве с компаниями “некоторых” государств и о предоставлении в этой связи китайским фирмам эксклюзивно благоприятных условий для работы³⁴.

США реально обеспокоены растущим влиянием КНР и в *Латинской Америке*, рассматриваемой Вашингтоном в качестве своей “базовой периферии”. Пекин, по мнению американских политологов, уже контролирует морские порты в Центральной Америке³⁵, а также судоходство по Панамскому каналу (право на аренду инфраструктуры канала приобрела гонконгская компания Hutchison Whampoa Ltd., тесно связанная с руководством КНР). Китай поддерживает тесные связи с идеологически близкой ему Кубой; четко прослеживается тенденция сближения Пекина с президентом Венесуэлы Уго Чавесом, ищущим партнеров по “анти-американской коалиции”³⁶. Бразилия, Куба и Венесуэла, как члены множественных объединений развивающихся стран, регулярно высказываются за необходимость “более справедливого мирового порядка”. Китай, являясь активным пропагандистом этого тезиса, не упускает возможности и в этой связи поддержать свой имидж главного защитника интересов стран “третьего мира” в их противостоянии “гегемонизму”³⁷.

Относительно своих латиноамериканских партнеров Китай проявляет четко выраженный дифференцированный подход. Мексика привлекает внимание Китая как член НАФТА (North American Free Trade Agreement), поскольку инвестиции в нее позволяют торговать с США без импортных пошлин. Чили — важный экспортер в Китай меди и леса, промышленно динамичный партнер, с которым в 2005 г. Китаем были начаты официальные переговоры о создании зоны свободной торговли³⁸, Перу и Венесуэла — одни из крупнейших мировых экспортеров нефти. Бразилия — важный партнер Китая по многочисленным экономическим и научно-практическим проектам. Эти государства составляют группу стран континента, наиболее зависимых от колебания мировых цен на сырье и, следовательно, заинтересованных в долгосрочном партнерстве с таким “оптовиком”, как Китай³⁹. Китаем на высшем уровне объявлено о намерении в ближайшие десять лет инвестировать 100 млрд долл. в Латинскую Америку⁴⁰.

В 2005 г. китайско-латиноамериканский товарооборот достиг почти 50,5 млрд долл., а китайско-африканский приблизился к 40 млрд долл.⁴¹. За последние пять лет среднегодовые темпы роста соответствующих товарооборотов к 2005 г. достигали 100% в год и значительно превышали аналогичный показатель в отношениях КНР с другими регионами мира⁴².

Несмотря на взаимную заинтересованность в политико-экономическом взаимодействии, страны Африки и Латинской Америки в контактах с Китаем сталкиваются с определенными трудностями.

На обоих континентах есть силы, усматривающие в сотрудничестве с КНР угрозу отечественной промышленности. В ЮАР и Мексике импорт дешевых промышленных товаров из Китая, в основном текстиля, одежды и бытовой техники, привел за последние десять лет к значительному дефициту их баланса в торговле с КНР, а в Центральной Америке в целом — к крупным финансовым потерям местных производителей. Китайский импорт нарушает стабильность региональных производств, особенно в трудоемких отраслях обрабатывающей промышленности, которым все сложнее выдерживать конкуренцию. Поэтому в Африке и Центральной Америке — регионах хронической безработицы — основным вопросом становится обеспечение занятости в будущем.

Существует также вероятность того, что интерес КНР к получению большего доступа на рынки развивающихся стран войдет в противоречие с интересами некоторых стран Африки — членов “Группы 90”, противостоящих

быстротечной либерализации внешнеторговых правил в рамках ВТО. При этом сам Китай не спешит оправдывать надежды друзей по "третьему миру" и широко открыть им свой рынок с миллиардом потребителей.

Иногда картину сотрудничества "Юг-Юг" заметно омрачает "ненасытность" Пекина в отношении кредитов и займов от МВФ, поскольку она обостряет конкуренцию между КНР и развивающимися странами на мировом рынке финансов и инвестиций.

В 2005 г. в комплексе *китайско-арабских отношений* приоритетным направлением также стало экономическое взаимодействие. Это было недвусмысленно подтверждено председателем ВК НПКСК Цзя Цинлинем на проходившем в Пекине совещании представителей китайских и арабских деловых кругов, организованном в рамках Форума китайско-арабского сотрудничества⁴³. Основной интерес КНР в арабском мире — это, конечно же, нефть. Товарооборот КНР с 20 арабскими странами достиг в 2005 г. порядка 47,5 млрд долл.⁴⁴ Крупнейшими поставщиками нефти в Китай здесь являются Саудовская Аравия, ОАЭ и Оман. По прогнозам, одним из главных поставщиков углеводородов в Китай вскоре станет Алжир. Уже существует несколько крупномасштабных проектов по разработке и добыче китайскими компаниями нефти.⁴⁵

Позиция КНР по *палестинско-израильскому конфликту* осталась практически неизменной: Китай подтверждает необходимость активного международного участия в урегулировании конфликта, декларирует свою готовность способствовать продвижению мирного процесса в регионе и признает право палестинского народа на самоопределение⁴⁶.

В мае 2005 г. состоялся официальный визит в КНР главы Палестинской национальной администрации М. Аббаса, во время которого обе стороны декларировали важность мирных политических переговоров для урегулирования израильско-палестинского конфликта⁴⁷.

"Недвижность" позиции прагматичного Пекина по палестинско-израильскому конфликту можно объяснить длительным застоём в экономических связях между КНР и соответствующими странами. К тому же, исторически эта часть Ближнего Востока никогда не была сферой больших политических интересов Китая по причине "оккупации" ее другими мощными геополитическими факторами. Не способствует динамике соответствующих китайских подходов и крайне малая (в обозримом будущем) достижимость ближневосточного урегулирования в принципе, ибо даже умеренные, готовые к компромиссам лидеры в Палестине и Израиле ограничены в действиях радикальными силами своих стран и поэтому неспособны на кардинальные прорывы в мирных переговорах. США, продолжая политику поддержки своего союзника — Израиля, не смогут в ближайшее время сконцентрироваться на ближневосточном урегулировании из-за проблем в Ираке. Россия, ЕС и некоторые круги на самом Ближнем Востоке, хотя и предпринимают шаги по разрешению ближневосточной проблемы, но их сил, влияния и/или старания сейчас явно недостаточно. Арабские же страны разобщены и поэтому неспособны выступить в качестве консолидированной силы — движителя урегулирования⁴⁸.

Центральной темой переговоров министра иностранных дел *Ирана* Манучехра Моттаки с главой МИД КНР Ли Чжаосином во время его визита в Пекин (2005 г.) стала иранская ядерная программа. В начале 2006 г. в ответ на намерение представителей ЕС все-таки направить иранское "ядерное досье" в СБ ООН в случае возобновления Тегераном работ по программе обогащения урана, Китай вновь призвал к сдержанности и терпению, дабы решить иранский ядерный вопрос мирными средствами⁴⁹.

В ответ на поддержку Пекина, Иран приглашает китайские компании принять участие в его ядерных проектах и надеется на приток китайских инвестиций в свою экономику, особенно в нефтегазовый сектор⁵⁰.

Между Китаем и Ираном в 2004 г. уже заключен договор, названный в СМИ “договором века”, по которому Иран в течение предстоящих 25 лет будет поставлять в Китай природный газ на сумму 100 млрд долл.

В КНР также дают понять, что именно от масштабов участия китайского бизнеса в послевоенном восстановлении *Ирака* будет зависеть размер списания Китаем иракской задолженности, которая, по некоторым данным, составляет порядка 4 млрд долл.⁵¹

В 2005 г., во время визита в *Пакистан* премьера Госсовета КНР Вэнь Цзябао, посетившего также и Индию, сторонами был подписан Договор о дружбе и сотрудничестве, по сути декларирующий отсутствие направленности их союза против какой-либо третьей стороны, будь то Индия или США⁵². Это, как думается, было позитивно воспринято в Индии, но никак не в США, надеющихся на более тесное вовлечение Пакистана в орбиту своего влияния.

Во время визита Вэнь Цзябао в *Индию* стороны подписали 12 двусторонних соглашений. В принятой совместной декларации было провозглашено “стратегическое партнерство” двух государств. Стороны также заключили соглашение об основополагающих политических принципах решения пограничной проблемы⁵³. Индия официально подтвердила, что считает Тибет неотъемлемой частью территории КНР, Китай же обещал не оспаривать индийскую принадлежность Сиккима. Принимая во внимание статус Индии как второго бурно развивающегося азиатского гиганта и своего “стратегического партнера”, Пекин поддержал намерения Индии добиться постоянного членства в СБ ООН⁵⁴. Подписанная во время визита пятилетняя программа по двустороннему торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству предусматривает увеличение к 2010 г. двустороннего товарооборота до 30 млрд долл. К 2015 г. предполагается устранить все таможенные барьеры и создать зоны свободной торговли⁵⁵. За последние 15 лет китайско-индийский товарооборот вырос более, чем в сорок раз — с нескольких сотен миллионов долл. в 1990 г. до 13 млрд долл. в 2004 г.⁵⁶. Несомненно, что стратегическое партнерство Пекина и Дели в наступившем веке способно внести серьезные коррективы в расстановку сил на мировой арене, что уже беспокоит США.

1. Huo Zhengde. On China-EU Strategic Relationship // International Studies. 2005. Vol.2. March 2005. P.1.
2. Zhang Linchu, Zhuang Yixiang. The review and prospect of the Sino-EU relations // International Strategic Studies. 2005. No 2. Pp.28-31; International Studies. 2005. Vol. 2. P. 5-6.
3. Данные Министерства коммерции КНР. <http://russia.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200603/20060301613896.html>
4. International Studies. 2005. Vol.2, March 2005. P.15.
5. International Strategic Studies. 2005. No 2. P.28.
6. http://emigration.russie.ru/news/3/2296_1.html.
7. International Strategic Studies. 2005. No 2. P.28.
8. International Strategic Studies. 2004. Special Issue. P.7.
9. Материалы Агентства Синьхуа. 12/04/2006 /<http://www.russian.china.org.cn/russian/231102.htm>
10. Там же.
11. Там же.
12. <http://www.russian.china.org.cn/russian/231102.htm>.
13. В лидеры оппозиции на тот период входили Р.И.Отунбаева, К.Бекназаров, нынешний президент К.Бакиев и другие.

14. Beijing Review. 2005. April 17.
15. Ibid.
16. Статистические отчеты. Торговля, инвестиции. Комментарии, аналитика 10/ 12/ 2005 // <http://www.fergana.ru>.
17. Из ключевых двусторонних отношений следует выделить отношения КНР с КНДР, РК, Японией, Монголией, Индонезией, Малайзией, Сингапуром, Филиппинами, Вьетнамом, Мьянмой и другими.
18. <http://www.strana.ru> (13.12.05. 08:12)
19. China's African Policy. January 2006. Документ правительства КНР. http://english.people.com.cn/200601/12/print20060112_234894.html.
20. Сайт Торппредства КНР в Кыргызстане. <http://kg2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/200510/20051000523699.html>.
21. <http://kz.china-embassy.org/rus/contact/t234730.htm>.
22. China's African Policy. January 2006.
23. Ibid.
24. <http://kg2.mofcom.gov.cn/aarticle/chinanews/200510/20051000523699.html>.
25. <http://kz.china-embassy.org/rus/contact/t234730.htm>.
26. <http://www.africana.ru/lands/Russia/russia-africa.htm>.
27. Канада Хидеаки. Китайский вопрос. <http://www.project-syndicate.org/commentary/kaneda8/Russian>
28. Подсчитано на основе: <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1137059460> \t "_top
29. French Howard W. China Wages a Campaign to Win Friends in Africa // The New-York Times. November 28, 2005.
30. <http://www.africana.ru/lands/Russia/russia-africa.htm>.
31. <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st=1137059460> \t "_top
32. <http://www.hrw.org/russian/reports/2006/world/intro.html>
33. <http://www.telegraf.by/world/2006/02/15/exspand>.
34. ИТАР-ТАСС. 2005. 2 ноября, из Рабата.
35. Scarborough Rowan. China role in West worries Pentagon // The Washington Times. <http://www.washtimes.com/national/20050406-114055-9788r.htm>
36. <http://www.washtimes.com/national/20050406-114055-9788r.htm>.
37. См. http://www.chinadata.ru/china_lat.htm.
38. <http://russian.peopledaily.com.cn/31521/4234115.html>.
39. http://www.chinadata.ru/china_lat.htm.
40. Петер Франсен. Выигрывает или проигрывает третий мир от перемен в Китае? . <http://www.left.ru/2005/10/franssen127.phtml?print>.
41. Хайгуань тунци [Таможенная статистика КНР]. 2005. № 12. С. 3,5.
42. Подсчитано автором, в частности, на основе: <http://www.telegraf.by/world/2006/02/15/exspand/> и <http://www.left.ru/2005/10/franssen127.phtml?print>.
43. ИТАР-ТАСС. 2005. 15 апреля, из Пекина.
44. Подсчитано на основании данных Министерства коммерции КНР <http://russia.mofcom.gov.cn/aarticle/statistic/ie/200603/20060301613896.html>.
45. ИТАР-ТАСС. 2005. 15 апреля, из Пекина.
46. ИТАР-ТАСС. 2005. 18 мая, из Пекина и 2005. 22 июня, из Каира.
47. ИТАР-ТАСС. 2005. 19 мая, из Пекина.
48. См. Xu Ling. The Developing Prospects of the Israeli-Palestinian Situation in the Post-Arafat Times // International Strategic Studies. 2005. No 1. P.71.
49. ИТАР-ТАСС. 2006. 19 января, из Пекина.
50. ИТАР-ТАСС. 2005. 13 октября, из Тегерана.
51. ИТАР-ТАСС. 2005. 1 апреля и 8 сентября, из Пекина.
52. <http://www.left.ru/2005/10/franssen127.phtml?print>
53. <http://www.kackad.com/article.asp?article=905>.
54. <http://www.left.ru/2005/10/franssen127.phtml?print>
55. Вербицкий С. Стратегическое партнерство Китая и Индии — угроза западному миру? — <http://www.kackad.com/article.asp?article=905>.
56. <http://www.left.ru/2005/10/franssen127.phtml?prin>.

Российско-китайские отношения в 2005 году

© 2006

В. Кашин

В 2005 году сохранялась высокая динамика российско-китайского сотрудничества в политической, торгово-экономической и военной сферах. Страны активизировали взаимодействие в рамках Шанхайской организации сотрудничества, продемонстрировав готовность оказать поддержку своим центральноазиатским партнерам по ШОС перед лицом угрозы политической дестабилизации ("цветных революций"). В то же время, сохранились старые проблемы двусторонних торгово-экономических отношений, связанные с окончательным укреплением сырьевого характера российского экспорта в КНР.

В 2005 году Россия и КНР продолжили практику проведения регулярных встреч высших руководителей двух стран. Председатель КНР Ху Цзиньтао дважды за тот год посетил Россию. Он принял участие в праздновании 50-летней годовщины победы СССР в Великой Отечественной войне 8-9 мая и нанес официальный визит в РФ 1-3 июля. Итогом официального визита Ху Цзиньтао в Россию стало подписание лидерами РФ и КНР Совместной декларации о международном порядке в XXI веке. В документе зафиксированы основные принципы российско-китайского взаимодействия на международной арене, в частности, приверженность сторон идее формирования нового справедливого миропорядка, основанного на верховенстве международного права, многосторонних подходах, равенстве, взаимном уважении, сохранении высокой роли ООН в мировых делах. Во время визита были также подписаны соглашения о сотрудничестве между российскими "Внешторгбанком" и ОАО "Акционерный коммерческий сберегательный банк" с Китайской корпорацией страхования экспортных кредитов, а также протокол о создании китайской нефтяной компанией Sinopet СП с "Роснефтью" для геологоразведки Венинского блока в рамках нефтяного проекта "Сахалин-3" и соглашение "Роснефти" с Китайской национальной нефтяной корпорацией о долгосрочном сотрудничестве.¹

В рамках прошедшей 3-4 ноября 2005 года в Пекине 10-й регулярной встречи глав правительств России и Китая были подписаны соглашения между российским Центробанком и Государственным комитетом КНР по контролю за банковской деятельностью, меморандум о взаимопонимании между Минприроды РФ и Государственным главным управлением КНР по охране окружающей среды, между российским министерством экономического развития и министерством торговли КНР. В рамках подготовки к переговорам Россия и Китай окончательно согласовали сроки поставки в КНР 5 заказанных китайцами в 2001 году авиалайнеров Ту-204-120-С, согласованы меры по увеличению объемов поставок нефти в Китай железнодорожным транспортом. РАО ЕЭС России и Китайской государственной электросетевой корпорацией было приня-

Кашин Василий Борисович, научный сотрудник ИДВ РАН.

Подготовлено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 06-03-02080а.

то решение ускорить работу над соглашением о сотрудничестве в области поставок электроэнергии в Китай.² В ходе встречи российского премьера М.Е. Фрадкова с премьером Госсовета КНР Вэнь Цзябао было заявлено о намерении КНР довести общий объем инвестиций в российскую экономику до 12 млрд долларов США к 2020 году.³

На начало 2006 г общая сумма накопленных прямых инвестиций КНР в экономику России достигла 977 млн долларов США. Из них 320 млн было привлечено в 2005 г. Приоритетными сферами приложения китайского капитала являлись связь, сборка бытовой электротехники, переработка древесины, коммерческая недвижимость, сельское хозяйство, производство одежды, общественное питание.⁴ На проведенном в июне 2005 г. Втором российско-китайском инвестиционном форуме в Санкт-Петербурге были достигнуты принципиальные договоренности об осуществлении семи крупных инвестиционных проектов общей стоимостью 1,5 млрд долларов.⁵

Российско-китайское сотрудничество в природоохранной сфере подверглось серьезному испытанию в середине ноября 2005 г. когда в результате взрыва на химическом предприятии в китайском городе Цзилинь в реку Сунгари попали более 100 тонн токсичных веществ, содержащих бензол. Однако китайской стороной были принесены извинения России за последовавшее загрязнение Амура, приняты меры для локализации экологических последствий катастрофы, выражена готовность компенсировать понесенный Россией ущерб.

Объем российско-китайской торговли в 2005 году продолжал быстро расти, но при этом ее структура становилась все более неблагоприятной для России. В 2005 г. товарооборот между двумя странами вырос на 37,1% и достиг 29,1 млрд долларов США. При этом российский экспорт в КНР вырос на 31% до 15,89 млрд долларов США, импорт из Китая — на 45,2% до 13,21 млрд долларов. Положительное сальдо России в торговле с КНР составило 2,68 млрд долларов США (в 2004 г. — 3,03 млрд). Россия в 2005 г. была 8-м по значению торговым партнером Китая, Китай — вторым по значимости торговым партнером России после Германии. При этом по темпам роста как экспорта, так и импорта, Россия занимала первое место среди основных торговых партнеров Китая.⁶ Объем российско-китайской пограничной торговли превысил в 2005 г. 5 млрд долларов США.⁷

В структуре российского экспорта наибольшим (40%) был удельный вес минерального сырья (в 2001 г. — 10%, в 2004 — 34,5%). Ряд составляющих российского экспорта в физическом выражении показали сравнительно скромный рост или даже падение, в то время как в стоимостном резко увеличились, что повлияло на общие показатели товарооборота. Так, 50% стоимостного прироста товарооборота между двумя странами приходилось на поставки в Китай сырой нефти (около 12 млн тонн). В стоимостном выражении ее поставки выросли на 62% в то время как физический объем поставок увеличился на 13,2%. При этом на экспорт нефти пришлось 50% стоимостного прироста товарооборота между двумя странами. Физические объемы поставок нефтепродуктов в Китай упали на 4%, стоимостные — увеличились на 36,6%. Экспорт хлорида калия в стоимостном выражении вырос на 30,8% при увеличении физических объемов лишь на 0,4%.⁸

Российский экспорт гражданской высокотехнологичной продукции в КНР вновь резко упал. Удельный вес машинотехнической продукции в российском экспорте снизился по сравнению с 2004 г. более чем вдвое (с 4,8% до 2,2%). В то же время именно высокотехнологичный сегмент китайского экспорта в Россию демонстрировал в 2005 г. наиболее динамичный рост. Экспорт в Россию китайских машин и оборудования вырос в 2005 г. на 70% в сравнении с уровнем 2004 г.⁹

В сфере российско-китайского военно-технического сотрудничества в 2005 г. по-прежнему не удалось решить проблему возобновления поставок и лицензионного производства в КНР российских истребителей Су-27 и Су-30. Постав-

ки комплектов для сборки Су-27 СК и самолетов Су-30МК2, производившихся российским ОАО КНААПО, завершились в 2004 г. и более не возобновлялись, что поставило российское предприятие в тяжелое финансовое положение.¹⁰

Тем не менее, по данным российских СМИ в течение 2005 г были осуществлены крупные поставки оружия и военной техники из России в Китай и заключен ряд новых контрактов. В частности, в КНР были поставлены 100 авиадвигателей АЛ-31Ф (стоимость контракта оценивается в 300 млн долларов США, используется в поставленных ранее истребителях Су-27), 2 эсминца проекта 956ЭМ (1,4 млрд долларов), 8 дизель-электрических подводных лодок проекта 636 (2 млрд долларов). Заключены контракты на поставку в КНР 34 транспортных самолетов Ил-76, 4 заправщиков Ил-78 (общая стоимость контракта оценивается в 1,2 млрд долларов США, включая стоимость 240 двигателей Д-30КП-2), 150 авиадвигателей АЛ-31Ф (550 млн), 100 авиадвигателей АЛ-31 ФН для китайских истребителей J-10 (350 млн долларов США) и 100 двигателей РД-93 для китайских истребителей FC-1 (общая стоимость сделки 267 млн долларов).¹¹

Крупнейшим событием в сфере двустороннего военного сотрудничества стало проведение в провинции Шаньдун в августе 2005 г первых совместных российско-китайских военных маневров "Мирная миссия — 2005". В учениях приняли участие в общей сложности более 10 тыс. военнослужащих, с российской стороны к ним были привлечены корабли Тихоокеанского флота, стратегические бомбардировщики Ту-95 и Ту-22М3, транспортная авиация и подразделения воздушно-десантных войск. Учения получили высокую оценку со стороны политического руководства двух стран. Была достигнута договоренность о проведении следующих совместных учений в 2006 г на российской территории, а в октябре российский министр обороны Сергей Иванов заявил, что не исключает возможности проведения в будущем трехсторонних российско-китайско-индийских военных учений. Индия участвовала в "Мирной миссии - 2005" в качестве наблюдателя.¹²

Проведение в 2006 г. Года России в Китае дало новый импульс всестороннему развитию и углублению российско-китайских отношений.

1. Председатель КНР завершил визит в Москву и отбыл в Новосибирск. РИА "Новости". 2005. 2 июля.
2. В Пекине открывается 10-я встреча глав правительств России и Китая. РИА "Новости". 2005. 3 ноября.
3. Воробьев М. Политическая необходимость // Время новостей. 2005. 7 ноября.
4. Интервью М.Камынина по российско-китайским отношениям. РИА "Новости". 2006. 16 марта.
5. "Мы можем гордиться успехами российско-китайской торговли, — считает Греф". РИА "Новости". 2006. 16 марта.
6. Национальное Бюро статистики КНР. Статистическое коммюнике об итогах социально-экономического развития КНР в 2005 г. <http://www.stats.gov.cn/was40/detail?record=1&channelid=9528&presearchword=russia>
7. "Товарооборот между Россией и Китаем вырос в 2005 г. на 37%". Прайм-ТАСС. 2006. 24 января.
8. Сергей Цыплаков: "Китай стал для России вторым по значению внешнеторговым партнером". Интерфакс. 2006. 19 января.
9. Там же.
10. Никольский А. ВПК на голодном пайке // Ведомости. 2005. 9 июня.
11. Васильев Д. Предварительные итоги военно-технического сотрудничества России с иностранными государствами в 2005 году // Экспорт вооружений. № 6. 2005.
12. Сергей Иванов: "Возможно проведение трехсторонних военных учений". РИА "Новости". 2005. 16 октября.

Изменения во внешнеполитических концепциях КНР (взгляды китайских политологов)

© 2006

А. Волохова

В последние годы в работах китайских политологов-международников все больше внимания уделяется новым задачам китайской внешней политики и дипломатии, связанным с изменением роли и места КНР в современном мире.

Китайские исследователи считают необходимой интенсификацию "процесса урегулирования и эволюции" китайской внешней политики и дипломатии: прежняя политика и дипломатия "ответа на вызовы" не соответствуют современному этапу и требуют перестройки, поскольку Китай теперь должен более активно участвовать в решении глобальных и региональных проблем, и ему нужна "дипломатия активного действия"¹.

Необходимость корректировки китайской внешней политики и дипломатии обосновывается двумя основными причинами.

Во-первых, это изменения в современной международной обстановке. Повторяя оценку Дэн Сяопина, что мир и развитие остаются главными характеристными чертами современной эпохи, китайские политологи делают упор на то, что современная система международных отношений продолжает претерпевать "глубокие и сложные изменения": все более отчетливо проявляются тенденции к многополюсности и экономической глобализации, а тенденции к гегемонизму и однополюсному миру приобретают новое содержание, поскольку обостряется борьба за стратегические позиции, стратегические ресурсы и стратегическое доминирование, а также меняется соотношение сил между ведущими державами. Отмечается также, что новый мировой экономический и политический порядок пока не создан, дисбаланс в мировой экономической системе увеличивается, равно как и разрыв в уровне развития между Севером и Югом, а экономическая и политическая безопасность мира стоит перед новыми вызовами, в частности, в связи с "революционными изменениями" в военной технике и технологии и нетрадиционными угрозами.

При преобладании мнений, что международная обстановка в общем имеет тенденцию к стабилизации и "благоприятна для Китая", некоторые эксперты указывают на рост факторов "нестабильности и неопределенности" в современном мире, прежде всего, вследствие усиления конкуренции за финансовые рынки, рабочую силу и особенно за ресурсы, а также вследствие усиления нетрадиционных угроз безопасности, таких, как международный терроризм.

Во-вторых, изменилась роль Китая в мировой экономической и политической системе: КНР стала великой державой.

Волохова Алена Алексеевна, главный научный сотрудник Центра АТР Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, кандидат исторических наук.

Китайские политологи считают, что Китай или уже стал великой державой, или этот процесс — становления Китая в центре всей системы международных отношений и мировой экономики — завершается.

Китай “постепенно выходит на передовую линию на международной арене и в мировой экономике” и “превратился из политической державы в экономическую, из региональной державы в глобальную”. Теперь и Китай, и Америка “являются великими державами, имеющими стратегические интересы в сохранении мировой стабильности и порядка”².

Изменение места и роли КНР в мире напрямую связывается с ростом совокупной мощи страны. Десять лет назад Китай был объектом экономических санкций США и Запада; ВВП КНР составлял 1/10 японского, 1/20 ВВП США и только немного превышал южнокорейский. К 2005 г. ВВП КНР — в 3 раза больше южнокорейского, составляет 1/7 ВВП США и 1/3 японского. Китай стал важным торговым партнером Америки, Японии и Южной Кореи. Америка нуждается в сотрудничестве с Китаем и его участии в борьбе с терроризмом, рассматривая Китай как “стратегического партнера” в этой борьбе.

Изменились для КНР и экономические приоритеты: если раньше были первостепенными капиталы и технологии, то сейчас на первое место выходят рынки и ресурсы: земля, вода, нефть, минеральные ресурсы³.

Говоря о превращении Китая в великую державу, китайские авторы одновременно делают упор на то, что КНР идет здесь по “особому пути, отличному от пути традиционных великих держав”.

Китай символизирует собой первое восточное государство (или развивающееся, маргинальное государство, находившееся вне “основного течения”), которое поднимается на ведущее место в современной мировой системе, где доминирует Запад. Китай делает упор на “мирное возвышение” которое базируется на внутреннем экономическом росте и традициях, дипломатии консенсуса, и, таким образом, вносит новые элементы в современные международные отношения. В Китае имеется ясное понимание путей и средств осуществления этого “мирного возвышения”: через экономическое развитие и мирную дипломатию Китай намерен уменьшить потрясение для мировой системы, связанное с изменением его места в мире. Китай нельзя сравнивать с Россией, Германией и США, так как он не руководствуется идеологией империализма, колониализма, милитаризма, территориального расширения и не претендует на цивилизаторскую миссию⁴.

В связи с этим необходимо создавать новый образ (имидж) Китая в мировом сообществе, который будет способствовать и реализации национальных интересов Китая, и решению текущих и долгосрочных задач его политики, о чем, в частности, говорил министр иностранных дел Ли Чжаосин как об одной из задач китайской дипломатии⁵.

Перемены в мире и особенно изменение статуса Китая порождают настоятельную потребность в новых геополитических концепциях и новых концепциях в китайской внешней политике и дипломатии.

Наряду с новой концепцией безопасности и внедрением ее в практику международных отношений, китайские политологи считают первостепенной проблемой формирование новых географических и геополитических концепций, касающихся отношений Китая с внешним миром.

Они акцентируют внимание на “новом мышлении в дипломатии”, “тихой революции в мышлении и практике китайской дипломатии”, ядром которой становится активное содействие решению глобальных и региональных проблем. Один из экспертов, Су Чанхэ, полагает, что практика новой китайской дипломатии ведет к появлению на мировой арене “либерального Китая”: это связано с новым пониманием концепций национального суверенитета и уп-

равления мировыми проблемами, базирующихся на институтах многополюсности, и будет иметь огромное значение для Азии и для всего мира⁶.

Важным представляется также создание в Китае общей теории (модели) международных отношений, которая адекватно отражала бы и положение в современном мире, и закономерности эволюции мировой политики, и внутреннюю ситуацию в Китае, включая китайскую национальную специфику. Такая теория может стать очень важным компонентом утверждения КНР в качестве великой державы, поскольку вполне логично, чтобы великая держава формировала теоретические, идеологические основы окружающего мира⁷.

Среди обсуждаемых новых концепций обращает на себя внимание концепция “обширной периферии” или “более обширной периферии”, согласно которой существенно меняется подход к соседним государствам.

В “обширной периферии” выделяются три уровня: 1) регионы, примыкающие к Китаю; 2) АТР; 3) евразийский континент и прибрежные зоны Тихого и Индийского океанов. База китайской “периферии” соотносится с регионами, граничащими с Китаем географически, и может включать страны СВА, ЮВА, ЮА, ЦА, Россию, Монголию и США — мировую державу, имеющую интересы во всех соседних с Китаем регионах. Таким образом, и те страны, которые не граничат с Китаем, могут считаться соседями Китая⁸.

Обосновывая концепцию “обширной периферии”, китайские политологи обращаются к мировой истории, подчеркивая, что Англия, Япония, Германия, прежний СССР и США имели достаточное “периферийное пространство” и из опыта истории следует, что любая крупная держава “должна иметь буферную зону и рассчитывать на нее в деле поддержания мира, безопасности и развития”. Если для США базовой периферией являются Северная и Южная Америка, для России — СНГ, то для КНР “базовой периферией и жизненно важной зоной” является АТР. Китай должен создавать такую зону не империалистическими, но мирными методами, делая акцент на взаимную пользу и выгоду, общее процветание и развитие с США и другими соседними странами⁹.

Согласно концепции “обширной периферии”, требуется внесение изменений в концепцию национальной безопасности и в концепцию национальных интересов.

Поскольку все страны мира рассматриваются как соседи Китая, для современного Китая границы национальной безопасности более не совпадают с территориальными, как это было в прошлом, расширилась также сфера национальных интересов КНР¹⁰.

С концепцией “обширной периферии” связана концепция глобального управления или глобального соуправления, также интенсивно разрабатываемая китайскими политологами. По их мнению, переход от прежней международной политики к глобальной политике требует создания новой глобальной теории соуправления, учитывающей такие факторы, как тенденцию к многополюсности и действия в новых условиях на мировой арене государств и международных организаций. Глобальное соуправление должно строиться на основе многостороннего сотрудничества, в рамках которого власть, ранее монополизированная государствами, может все в большей мере переходить к “гармоническому обществу”.¹¹

Именно глобальное соуправление призвано выполнять важнейшие функции при решении международных проблем, которые не под силу решать правительствам отдельных стран и отдельным международным институтам; оно может также способствовать совершенствованию международного права и продвижению демократии в международных отношениях.

При этом Ли Иху, профессор Школы международных отношений Пекинского университета, твердо убежден в том, что концепция глобального со-

управления самым тесным образом связана с китайской концепцией пяти принципов мирного сосуществования, которые он определяет как “фундамент нового международного порядка”, тогда как глобальное управление — важный принцип такого порядка. “Наша миссия, — пишет он, — состоит в том, чтобы использовать их взаимосвязь и показать их логическую необходимость на теоретическом уровне международных отношений”.¹²

Китай также начинает активно продвигать концепцию народно-ориентированной дипломатии, призванной, как сказал министр иностранных дел КНР Ли Чжаосин, служить не только китайскому народу, но и народам других стран. От “дипломатии для государства” Китай переходит “к дипломатии для народа”.

Китайские эксперты по международным отношениям считают, что эта концепция дает важный импульс китайской дипломатии и позволяет более полно учитывать интересы китайской нации, усиливая чувство собственного достоинства у китайцев, живущих за рубежом, поддерживать развитие высокотехнологичных отраслей китайской экономики и способствовать решению спорных проблем с другими странами.¹³

Идеология, проблемы идеологического влияния Китая на внешний мир также считаются весьма существенным компонентом в превращении Китая в великую державу.

При обсуждении тенденций мирового развития в 2005 г. в Китайском институте современных международных отношений (КИСМО) один из его участников профессор Фу Мэнцзи заявил: “Если мы не хотим пассивно принимать идеи или порядки из внешнего мира, нам нужно быть в большей степени готовыми психологически формировать их или, по меньшей мере, влиять на внешний мир своими более активными и ответственными действиями”.¹⁴

В рамках набирающего обороты процесса формирования новых концепций и стремления к более интенсивному влиянию Китая на мировые дела нельзя не обратить внимания на появление в отдельных китайских публикациях взглядов относительно преимуществ восточной и, в частности, китайской культуры перед западной. Так, профессор Пекинского университета, крупный специалист по культурологии Цзи Сяньлинь убежден, что восточная культура должна больше цениться, потому что она содержит многие философские и этические компоненты, “которые могут оказаться более эффективными в излечении современных социальных проблем, стоящих перед человечеством”.¹⁵

Высказывались и более “жесткие” мнения, в частности, о том, что для “восточных знаний” пришло время сыграть ведущую роль в мире и что XXI век должен стать новой эрой — эрой преобладания “восточных знаний”. В противовес “вестернизации” в прошлом для XXI века предлагается “истернизация” как процесс трансформации всех аспектов жизни человечества и прогнозируется, что этот век станет веком восточной культуры, которая сменит западную, чтобы доминировать в мире. Это не будет означать ликвидации западной культуры, но она будет приходить в упадок, уступая восточной культуре, получающей все более широкое распространение. Подобные рассуждения о “процессе истернизации” сопровождаются ссылками на историю Китая, в частности, на период династии Хань, когда Китай был “экономическим и культурным мировым центром”.¹⁶

Вообще начинает просматриваться тенденция утвердить приоритет Китая в выдвижении важнейших концепций мироустройства, значимых для современного мира. Уже упоминавшийся профессор Фу Мэнцзи из КИСМО склонен приписывать китайцам первенство в выдвижении концепции глобализации. Она, по его мнению, появилась еще в древнем Китае, намного раньше, чем в какой-либо другой стране.¹⁷ Китайские специалисты отмечают также, что

именно Китай стоял у истоков представлений о многополярности и способствовал началу процесса формирования многополярного мира и основ нового мирового экономического и политического порядка.¹⁸

Идеология становится одной из сфер китайско-американского соперничества, так как Китай начинает проявлять себя в отношениях с США на международной арене как “крупнейший идеологический соперник, который к тому же вызывает опасения в связи с быстрым ростом его экономики”.¹⁹

Превращаясь в глобальную великую державу, КНР собирается соответствующим образом строить и свою региональную политику. Китай, как заявляет эксперт из Китайской национальной академии управления Ю Жунь, “хочет играть роль ответственной региональной державы”, прежде всего в АТР, в который в широком смысле включаются Южная Азия, Центральная Азия, Австралия.²⁰

Отношения со странами АСЕАН рассматриваются как приоритетное направление в региональной китайской политике и определяются как “стратегическое партнерство”. Задача консолидации с АСЕАН и углубления всестороннего сотрудничества между КНР и АСЕАН “остаётся базовой задачей внешней политики Китая в долгосрочной перспективе”.²¹

Китайские политологи, отмечая успешное развитие отношений КНР с АСЕАН, делают акцент на “постепенное принятие” странами АСЕАН основных положений новой концепции безопасности, выдвинутой Китаем, и “постоянное расширение” восточноазиатского механизма сотрудничества, ядром которого раньше было, прежде всего, экономическое сотрудничество, за счет проблематики и политики, и безопасности. Как считает Линь Лиминь (КИСМО), “Китай находится в центре Азиатско-Тихоокеанской геополитики. Равным образом, как единственная сверхдержава, США имеют свои очевидные интересы в АТР. Мирное сосуществование Китая и США в регионе будет фундаментальным испытанием для китайско-американских отношений и окажет ключевое влияние на мир, безопасность и развитие в АТР”²². Пока Китай устраивает политика балансирования стран АСЕАН между КНР и США, но этот баланс ни в коем случае не должен нарушаться в пользу США.

В СВА Китай намерен действовать примерно так же, как и в ЮВА. Китайские политологи подчеркивают, что государства этого региона стоят перед серьезными вызовами, связанными с проблемами энергетики, обеспечения ресурсами и защиты окружающей среды, решение которых возможно только в рамках интенсификации сотрудничества в экономике, торговле, развитии новых технологий. Более тесные связи между Китаем, Японией и Южной Кореей — странами, являющимися ядром СВА, будут способствовать созданию основ “восточноазиатского сообщества” и механизма безопасности в СВА”.²³

Китай готов активно строить такой механизм сотрудничества в сфере безопасности, который способен обеспечить длительный мир и стабильность в СВА и продвигать его формирование, в частности, способствуя урегулированию корейского ядерного кризиса и проявляя себя в разрешении корейской проблемы в качестве великой державы.

Выполнению задач китайской региональной политики в Центральной Азии наиболее полно отвечает развитие Шанхайской организации сотрудничества, которая все больше становится примером эффективного механизма регионального сотрудничества и практического осуществления новой концепции безопасности.²⁴

Концепция “обширной периферии” реализуется и за счет активизации КНР в Южной Азии, улучшения китайско-индийских отношений, о чем свидетельствуют материалы визита китайского премьера Вэнь Цзябао в Индию весной 2005 г. Эти отношения, также как и отношения со странами АСЕАН, стали определяться как “стратегическое партнерство”.

Китайские эксперты в своих комментариях, посвященных новому этапу развития китайско-индийских отношений, подчеркивают, что успешное развитие Китая и Индии "меняет роль Азии в мировых делах", утверждая, что без такого развития невозможна экономическая глобализация и что сотрудничество Китая и Индии дает Азии возможность более активно выступать на мировой арене по проблемам мировой экономики и международных отношений.²⁵ Китайских политологов стали привлекать идеи общего "азиатского сознания", в основе которого исторически лежит успешная борьба за национальную независимость против империализма. Препятствием на пути формирования "азиатской идентичности" является национализм, но "азиатский регион должен найти баланс между консервативным патриотизмом и азиатской интеграцией", так что XXI век вполне может стать "веком Азии".²⁶

Естественно, что при превращении Китая в великую державу его отношения с другой великой державой или сверхдержавой — США остаются главными для китайской внешней политики и дипломатии.

Преобладающей оценкой китайско-американских отношений является их оценка как отношений сотрудничества и соперничества. В то же время часть китайских политологов склонна подчеркивать большие различия между Китаем и США, которые могут привести к серьезным спорам, и на первое место в характеристике китайско-американских связей ставить соперничество, поскольку в американской стратегии Китай считается "ни врагом, ни другом, но потенциальным соперником".²⁷

Пока, в краткосрочной перспективе, как полагают китайские эксперты, у США и КНР больше общих интересов (борьба с терроризмом и экстремизмом, достижение относительной стабильности в международных отношениях, безопасное получение энергоресурсов), но эти общие интересы имеют "временную природу", особенно в дуге нестабильности (Центральная Азия, Ближний Восток, Южная Азия). Нынешняя стратегия США обеспечивает Китаю некоторое геополитическое пространство, но в долгосрочной перспективе "стратегическое" давление на Китай может существенно возрасти. Как считает Ван Ивэй из Института международных исследований Фуданьского университета, "если Пекин не сумеет воспользоваться периодом "стратегических возможностей" для более полного развития, баланс сил сложится в пользу США". Профессор-исследователь Института безопасности и стратегических исследований при КИСМО Гао Чжигуй склонен рассматривать китайско-американские стратегические отношения с использованием военной терминологии. Нынешнее взаимодействие КНР и США ограничивается, по его мнению, "восточным фронтом" (Восточная Азия) по проблемам Тайваня и Северной Кореи, а на "западном фронте" (Центральная Азия, Ближний Восток, Южная Азия), где США проявляют большую активность, имеет место и взаимодействие, и соперничество, причем последнее может нарастать, нанося ущерб и двусторонним отношениям, и ситуации в мире в целом. "Стратегическим фронтом США" некоторые китайские эксперты считают и всю китайскую периферию.²⁸

Еще одним "фронтом" в китайско-американском соперничестве может стать "идеологический фронт". Поскольку важным компонентом глобальной стратегии США является стремление воспрепятствовать появлению на мировой арене другой великой державы, которая способна бросить вызов гегемонистскому статусу США, Америка может увидеть угрозу в модели развития Китая и в его концепциях переустройства мира. Согласно господствующим в США представлениям, развитие возможно только по западной модели, поскольку демократическая система и рыночная экономика — это лучшее, что выработало человечество в своей истории, и все страны мира должны придерживаться именно этой модели. Однако развитие Китая идет по пути, явно от-

личающемуся от американской модели, и китайская модель начинает вызывать все больший интерес в мире, особенно среди развивающихся стран. Распространение этой модели будет способствовать формированию новой структуры мироустройства и таким образом ставить под вопрос лидерство США.²⁹

Отношения Китая с Японией характеризуются китайскими политологами как "достаточно сложные", не враждебные, но и не дружеские. Япония, по их мнению, опасается быстрого роста Китая, превращения его в великую державу, играющую доминирующую роль в Восточной Азии, и это существенно влияет на состояние китайско-японских отношений, которые осложняются территориальными проблемами из-за островов Дяюйдао, японским подходом к историческим событиям, связанным с японской агрессией против Китая в XX веке, тайваньской проблемой и конкуренцией в странах ЮВА и в Индии.

Со своей стороны, Китай испытывает опасения относительно усиления позиций Японии в Азии в результате изменений в японской стратегии безопасности, прокламируемого расширения сферы японских интересов, наращивания военной мощи, перестройки системы национальной обороны, отхода от пацифизма и укрепления интеграции с США, особенно в военной сфере. Хотя "упорядочение японской стратегии безопасности" будет длительным процессом, но поскольку в этом "упорядочении" Китай и Северо-Восточная Азия рассматриваются как "объекты обороны", оно может привести к более интенсивному соперничеству в регионе в области наращивания вооружений, а, следовательно, к уменьшению взаимного доверия и стабильности в США.³⁰

Оценивая китайско-японские отношения на данном этапе как отношения "координации и соперничества", китайские эксперты прогнозируют неизбежность усиления соперничества и конкуренции между двумя странами за ресурсы, за нефть и газ в дальневосточном регионе. Решение этой проблемы видится в создании механизма кооперации в области энергетики между Китаем, Японией и Россией.³¹

Россия в публикациях китайских политологов последних лет не включается в категории великих держав и региональных держав и называется "крупной страной" или "большой развивающейся страной". Встречаются и еще более резкие оценки: "Россия стала одним из тех рядовых государств, которые политически являются державами второго, а экономически и третьего сорта".³²

Довольно негативно также оцениваются экономическое положение РФ (невысокие темпы роста, продолжающееся сокращение численности населения, дефекты в механизме становления рыночной экономики), внутренняя, социальная и внешняя политика страны, особенно отношения России со странами Запада, которые отнюдь не стремятся способствовать интеграции России в западный мир.³³

Большинство китайских политологов отмечают, что Запад во главе с США не заинтересован в ускорении развития России, склонен тормозить это развитие и проводить политику ее "ослабления" и "сдерживания". В этой ситуации Россия нуждается в сотрудничестве с незападными "сильными" или "усиливающимися" странами, такими как Китай, Индия, Бразилия. В настоящее время, как полагает китайский профессор из Гонконга Чжэн Юйшо, "силы России невелики, и она абсолютно не может реализовать свои стратегические цели без отношений стратегического партнерства с Китаем", а ориентация России на Запад может рассматриваться "как фактор, который способен неблагоприятно отражаться на развитии стратегического партнерства между Китаем и Россией".³⁴

Некоторые китайские эксперты утверждают также, что сотрудничество с Китаем имеет более важное значение для России, чем для Китая, и что Ки-

тай является партнером, "обеспечивающим безопасность ее периферийных районов".³⁵

Публикации китайских политологов последнего времени свидетельствуют о том, что в КНР, как в теории и идеологии, так и в практической политике и дипломатии, идет интенсивный процесс выработки подходов, нацеленных на закрепление Китая в роли великой мировой державы.

Существенно меняются основные компоненты китайской внешней политики и дипломатии, которые призваны обеспечивать новую роль Китая в мировых делах:

- Китай готов взять на себя инициативу в мировых делах и усилить свою активность в ходе экономической глобализации и создания многополюсного мира;

- Внешняя политика и дипломатия Китая, которые в предыдущее десятилетие строились по модели "вызов — ответ", теперь будут строиться по модели "действие — результат", где результатом и будет реализация китайских интересов как великой державы.

В этой ситуации предлагаемые китайскими политиками и политологами концепции (народно-ориентированная дипломатия, глобальное соуправление, создание гармонического мирового сообщества) в словесной форме выглядят достаточно привлекательно. Однако конкретное их содержание, а главное — методы, механизмы их реализации в современном мире представляются более чем неопределенными. Нельзя также не учитывать и следующее обстоятельство. Многовековые традиции китайской политической культуры и, в частности, китаецентристские взгляды на окружающий мир и на место Китая в этом мире могут оказать воздействие на новые внешнеполитические концепции и геополитические взгляды в КНР, что трудно отнести к позитивной тенденции в развитии современной системы международных отношений.

1. Ма Чжэнан. Растущая важность Китая в мировой структуре // Гоцзи вэньти яньцзю (ГВЯ). Пекин, 2005. № 3. С. 1-4; "The Security Mechanism of Northeast Asia: Reality and Prospect // Contemporary International Relations (CIR). Beijing. 2004. № 5. P. 59-60; Prospect on the World Trend 2005(II)//CIR. 2005. № 2. P. 14.
2. CIR. 2004. № 5 P. 60-61; CIR. 2005. № 2. P. 13, 16; CIR. 2004. № 11. P. 10.
3. China's National Defense in 2004 // Beijing Review (BR). 2005 № 1. Suppl. Hu Angang. Seizing Opportunities // BR. 2005. № 6. P. 16-17.
4. CIR. 2004. № 6. P. 49.
5. BR. 2005. № 4. P. 10; Жуань Цзунцзе. Теоретически исследуя путь эволюции мирного роста Китая // ГВЯ. 2004. № 4. С. 28-33; Тан Гуанхун. Об имидже нации // ГВЯ. 2004. № 4. С. 18-23.
6. Су Чанхэ. Исследуя вновь китайскую внешнюю политику: многосторонние международные институты и новое китайское мышление в дипломатии // Шицзе цзинцзи юй чжэньчжи (ШЦЮЧ). Пекин, 2005. № 4. С. 16.
7. Лян Шоудэ. Исследования по созданию международной политической теории в Китае // ШЦЮЧ. 2005. № 2. С. 16-21; Ли Шаоцзюнь. Основные теории международных отношений и модель синтезированного толкования // Там же. С. 22-29.
8. CIR. 2005. № 1. P. 33-34.
9. Ibid. P. 37-40.
10. CIR. 2005. № 2. P.15-16.
11. Люй Сяоли. Глобальное управление: сравнение структуры и реалистический выбор // Сяньдай гоцзи гуаньси (СГГ). Пекин, 2005. № 1. С.8-13; Ю Чжэнлянь, Чэнь Юган. Первоначальное исследование теории глобального соуправления // ШЦЮЧ. 2005. № 2. С. 8-15; Li Yihu // Five Principles and Global Governance // BR. 2004. № 26. P. 16; Xiao Zhuoji. Project of Harmonious Society //BR. 2005. № 11. P. 18-22.
12. BR. 2004. № 26. P. 16.

13. BR. 2005. № 4. P. 12; BR. 2005. № 5. P. 16-17; BR. 2005. № 11. P. 10-11.
14. CIR. 2005. № 1. P. 61.
15. Li Haibo. Will Eastern Culture dominate? // BR. 2005. № 5. P. 48.
16. BR. 2005. № 5. P. 48; Ю Ситянь. Китайская внешнеполитическая стратегия с точки зрения культурной перспективы // СГГ. 2004. № 12. С. 20-26.
17. CIR. 2005. № 2. P. 15.
18. Дух Бандунга и азиатско-африканское сотрудничество в новый период // СГГ. 2005. № 3, 46-55; Инь Чэндэ. Бандунг в современных международных отношениях // ГВЯ. 2005. № 3. С. 25-29; Ni Yanshuo. A principled approach // BR. 2005. № 15. P. 10-15.
19. Китайские исследователи России о китайско-российских отношениях и развитии внутренней обстановки в Российской Федерации // Экспресс-информация ИДВ РАН. М. 2005. № 1. С. 21.
20. BR. 2004. № 49. P. 17; CIR. 2005. № 1. P. 34-35, 37.
21. BR. 2005. № 1. Suppl.; BR. 2004. № 49. P. 14; CIR. 2005. № 3. P. 6-7, 27-30.
22. CIR. 2005. № 1. P. 37.
23. The Security Mechanism of Northeast Asia: Reality and Prospect // CIR. 2004. № 5. P. 27-63; CIR. 2005. № 1. P. 59, 62-63; CIR. 2005. № 2. P. 19.
24. CIR. 2005. № 1. С. 35, 40; BR. 2005. № 3. С. 28. Lu Jianren. Is This Asia's Century? // BR. 2005. № 16. P. 19.
25. Lu Jianren. Is This Asia's Century? // BR. 2005. № 16. P. 19.
26. Zan Yifan. Outline for Asia BR. 2004. № 37. P. 11; BR. 2005. № 16. P. 18-19.
27. ГВЯ. 2005. № 5. P. 28-32; ШЦЮЧ. 2005. № 2. P. 36; CIR. 2004. № 11. P. 11-12, 40.
28. Gao Zugui. China — US Strategic Relations on the "West Front" // CIR. 2005. № 2. P. 21; CIR. 2005. № 1. P. 33.
29. CIR. 2004. № 11. P. 5, 12.
30. Hu Yiping. Observations on Japan New Security Strategy // CIR. 2005. № 2. P. 51.
31. CIR. 2005. № 1. P. 42-43.
32. An Analysis of the BRICs Phenomenon // CIR. 2004. № 9. P. 11; Проблемы Дальнего Востока. М. 2005. № 2. С. 19.
33. Zhang Zunguo, Ma Zhijie. The 2004 Russian Diplomacy in Retrospect // International Strategic Studies. Beijing. 2005. № 1. P. 49-50; Feng Yujun. Russia's Social Transformation: Contradictions and Problems // CIR. 2005. № 3. P. 46-47; Trends in US-Russia Ties // CIR. 2004. № 5. P. 24-26.
34. Проблемы Дальнего Востока. 2005. № 2. С. 14; Китайские исследователи России... С. 13.
35. Китайские исследователи России ... С. 14.

Сянган в 2005 году

© 2006

А. Козлов

2005 год был благоприятным для китайского Специального административного района Сянган (САРС): политическая обстановка оставалась стабильной, проводились крупные международные форумы, продолжалось оживление экономики.

Важным событием внутривластной жизни Сянгана стала смена высшего должностного лица САРС. В марте руководитель администрации с 1997 г., когда территория была возвращена Китаю, Дун Цзяньхуа по состоянию здоровья досрочно ушел в отставку — за два с небольшим года до окончания своих полномочий. Его сменил 61-летний Дональд Цзэн, политик с большим управленческим опытом, в течение многих лет курировавший в администрации вопросы финансов и торговли. Дун Цзяньхуа был назначен руководством КНР на должность заместителя председателя Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК).

Из событий международного характера следует выделить проведение в Сянгане 13-18 декабря 6-ой министерской конференции Всемирной торговой организации (ВТО), в работе которой приняли участие более 5800 делегатов 149 членов организации и свыше 2000 делегатов неправительственных организаций. В отличие от встречи в Канкуне (Мексика, 2003 г.) Сянганская конференция ВТО добилась определенных результатов. Министр коммерции КНР Бо Силай высоко оценил вклад Сянгана в успешное проведение встречи.

Признанием роли, которую играют в экономическом развитии Азиатско-Тихоокеанского региона Китай и САРС, явилось проведение 13-14 июня в Сянгане 38-ой генеральной сессии Тихоокеанского экономического совета (ТЭС), штаб-квартира которого с 1967 г. находится на этой китайской территории. На форуме, где обсуждались вопросы развития мировой экономики и интеграционные процессы в регионе, присутствовало свыше 500 политиков, крупных бизнесменов, банкиров и руководителей государств АТР.

В 2005 г. экономика САРС вышла на новые рубежи. Темпы роста хотя и несколько замедлились по сравнению с предыдущим годом, но оставались достаточно высокими, 7,3%. Объем валового внутреннего продукта (ВВП) достиг 177 млрд долл. США. Угроза дефляция миновала и, реагируя на экономический подъем, потребительские цены, падавшие с 1998 г., снова стали расти; за год их рост составил 1,1%. Экономика Сянгана полностью преодолела негативные последствия азиатского валютно-финансового кризиса 1997-98 гг.

Запасы иностранной валюты Сянгана превысили 124,3 млрд долл. США и по этому показателю территория заняла седьмое место в мире после Японии, материкового Китая, Тайваня, Южной Кореи, России и Индии. По объему резервов в шесть раз превышал количество валюты, находящейся в обращении.

Источниками роста экономики Сянгана стали увеличение объема экспорта товаров и услуг, инвестиций, потребительского спроса и туристический бум.

В 2005 г. внешняя торговля Сянгана росла быстрыми темпами и территория заняла 11-е место (после США, ФРГ, КНР, Японии, Франции, Нидерландов, Великобритании, Италии, Канады и Бельгии) в мире по объему товарооборота, который равнялся 592,9 млрд долл. США, что в 3,3 раза выше ее ВВП. Она также заняла 10-е место по экспорту услуг. В 2005 г. объем ее экспорта увеличился на 2%, реэкспорта — на 11, импорта — на 10,3%.¹ Это стало возможным благодаря динамичному развитию экономики материкового Китая, восстановлению экономики в странах Восточной Азии, устойчивому росту в США и Европе. На чистый экспорт пришлось 5,5% роста ВВП в 2005 г.

Основными экспортными рынками Сянгана были внутренние районы Китая, США, страны Европейского Союза и Япония, на которые соответственно приходилось 45, 16, 15 и 5% всего сянганского вывоза товаров и услуг в 2005 г. В этот период темпы объемов экспорта в материковый Китай, Европейский Союз и Японию выражались двузначными цифрами: 14, 15,8 и 10,3% соответственно.

Благодаря использованию конкурентоспособной производственной базы во внутренних районах Китая, Сянган продолжал оставаться крупнейшим мировым экспортером игрушек, часов, электроники.

С ростом торговли увеличивался объем контейнерных перевозок. По данным Управления портового развития САРС, в 2005 г. через Сянган прошло 22,42 млн стандартных контейнеров, что на 2% больше, чем в 2004 г.²

Туризм является одной из ведущих отраслей экономики САРС. В 2005 г. число туристов, посетивших Сянган, достигло рекордного уровня — 23 млн человек, что на 7,1% больше показателя 2004 г. Как показывает статистика Сянганского департамента по развитию туризма, в минувшем году этот специальный административный район Китая посетили 10,8 млн иностранных и 12,5 млн отечественных туристов. Эти два показателя увеличились, соответственно, на 13,1 и 2,4% по сравнению с 2004 г.³ Расходы туристов в Сягане возросли на 14,1% и составили 105,6 млрд сянг. долл. (13,5 млрд долл. США).⁴

В производственной сфере услуги, на которые приходится 87% ВВП, выросли на 8%. Основной вклад в рост ВВП внесли такие отрасли, как торговля, финансовые услуги и страхование, транспорт и складское хозяйство. Увеличение объемов услуг и изменения в списке торговых партнеров свидетельствуют о том, что экономика Сянгана все больше ориентируется на финансовое и другое обслуживание компаний из КНР.

В названный период валовое накопление основного капитала увеличилось на 3,9%. Инвестиции большей частью направлялись в производство машин, оборудования и программное обеспечение. В сфере строительства наблюдался отток капитала.

По данным статистического ведомства Сянгана, в 2004 г. внутренние районы Китая были основным источником прямых инвестиций в Сянган, их общие прямые капиталовложения составили 62 млрд сянганских долларов, что на 63% больше, чем в 2003 г. В 2005 году 253 предприятия внутренних районов Китая инвестировали капитал в экономику Сянгана, что на 58% больше, чем в 2004 г., когда их число составило 160. Администрация САР Сянган намерена в 2006 г. содействовать реализации 250 инвестиционных проектов с участием капитала из-за пределов района, в том числе 50 проектов с участием капитала из материкового Китая.⁵

После нескольких лет застоя наблюдалось улучшение условий местного рынка труда. За последние два года динамичного роста экономики Специального административного района Сянган здесь дополнительно созданы 240 тыс. рабочих мест, в том числе 85 тыс. новых рабочих мест в 2005 г. Общее число занятых при этом достигло рекордного уровня — 3,43 млн человек. Коэффициент безработицы в Сягане понизился с 8,6% в 2003 г. до 5,2%, достигнув самого низкого уровня за последние 4 года, численность безработных сократилось с 300 тыс. до 180 тыс. человек. Число представителей работоспособного населения, которые долго не могут найти работу, снизилось с 93 тыс. до 57 тыс. человек.⁶

Помимо расширения экспорта экономический рост Сянгана был вызван и восстановлением внутреннего потребления. Личное потребление увеличилось на 3,7%. Имел место рост благосостояния общества. К концу 2005 г. 790 тыс. местных жителей ежемесячно зарабатывали более 15 тыс. сянганских долларов (свыше 2 тыс. долларов США). С 1,12 млн до 930 тыс. сократилось количество тех, кто имеет доход менее 9 тыс. сянганских долларов (1155 долл. США). На 6% уменьшилось число работников с заработком до 640 долл. США (порог бедности).

В сфере налогово-бюджетной политики потребление органов государственного управления сократилось на 3,0%. На конец 2005 г. профицит бюджета Сянгана составил 19,6 млрд сянганских долларов. Расходы и доходы администрации района достигли 191,2 и 210,8 млрд сянганских долларов соответственно. Рост профицита был обусловлен ростом налогов на прибыль и по зарплате.⁷

Активную роль в содействии развитию экономических отношений между внутренними районами Китая и Сянганом играет "Программа по установлению более тесных торгово-экономических связей между внутренними районами страны и САР Сянган" (Дэ юй сянган гуаньюй цзяньли гэн цзиньми цзинмао гуаньсидэ аньпай). Она была принята 29 июня 2003 г. и начала осуществляться в 2004 г. С января 2005 г. 1087 видов товаров сянганского производства освобождены от таможенной пошлины при ввозе во внутренние районы страны. Третий этап претворения в жизнь упомянутой Программы, который начался в 2006 г., предоставит еще большие коммерческие возможности сянганским предприятиям. Благодаря ее реализации за истекшие два года в САР Сянган, по оценкам, были созданы 29 тыс. новых рабочих мест.⁸

В 2005 г. проводилась работа по реализации "Рамочного соглашения о расширении сотрудничества и развития в районе большой дельты реки Чжуцзян" (Фань чжу саньцзяо цюйской хэцзо куанцяя сеи). Официальный старт этой самой крупномасштабной программы регионального сотрудничества районов Китая был дан в 2004 г. Участниками программы сотрудничества стали 9 провинций и автономных районов внутренних регионов Китая (пров. Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Гуандун, Хайнань, Сычуань, Гуйчжоу, Юньнань и Гуанси-Чжуанский автономный район) и 2 специальных административных района КНР — САР Сянган и САР Аомэнь. На "большую дельту" реки Чжуцзян приходится 40% всего промышленного производства КНР. ВВП региона в 2003 г. равнялся 630 млрд долл. США. В области сотрудничества включены: развитие инфраструктуры, информатика, рынок труда, инвестиции, торговля, туризм, сельское хозяйство, наука, образование, культура, охрана окружающей среды и здравоохранение.

Сянган всегда был самым крупным инвестором в регионе. На конец 2003 г. здесь насчитывалось около 120 тыс. предприятий с сянганским капиталом на сумму около 150 млрд долл. США. В 2005 г. на этих предприятиях было занято 11 млн человек, что в три раза больше, чем вся рабочая сила самого Сянгана. Сянганские бизнесмены заинтересованы в расширении сферы своей деятельности на широких просторах внутренних районов Китая.

1. Press Release WTO. *World Trade 2005, Prospects for 2006*. Press/437. 11 April 2006. P. 15. — http://www.wto.org/english/news_e/pres06_e/pr437_e.pdf.
2. Синьхуа. 2006. 17 февраля.
3. Синьхуа. 2006. 21 января.
4. Синьхуа. 2006. 24 марта.
5. Там же.
6. Синьхуа. 2006. 23 февраля.
7. Синьхуа. 2006. 2 марта.
8. Синьхуа. 2006. 22 февраля.

Тайвань в 2005 г.

© 2006

А. Ларин

В 2005 г. отношения между сторонами Тайваньского пролива оставались напряженными и временами серьезным образом обострялись. Последовательно проводившаяся тайваньским президентом Чэнь Шуйбянем сепаратистская политика неоднократно вызывала резкую реакцию со стороны правительства КНР.

С особой тревогой в КНР воспринимали планы Чэнь Шуйбяня в 2006 — 2008 годах через референдум ввести на острове новую конституцию, которая "должна сделать Тайвань "нормальным и полноценным государством"¹. Правда, президент пообещал не включать в проект конституционной реформы неприемлемые для Пекина вопросы национального суверенитета, государственной территории, объединения или провозглашения независимости. По его словам, разработка проекта новой Конституции будет сосредоточена на вопросе о том, иметь ли Тайваню три или, как сейчас, пять ветвей власти, предпочтеть президентскую или правительственную модель управления². Однако на материке восприняли самоограничительные высказывания тайваньского президента с явным недоверием. Пекин обвинил его в том, что его сепаратистская политика усиливает нестабильность на Тайване, ухудшает условия развития острова, вводит в заблуждение народ и наносит большой ущерб отношениям между двумя берегами Тайваньского пролива³.

14 марта 2005 г. на сессии ВСНП был принят закон о противодействии расколу государства. "За" проголосовали 2896 депутатов, двое воздержались. В срочном порядке закон был издан отдельной брошюрой.

Закон излагает базовые положения китайского правительства по тайваньской проблеме и, далее, в развитие положений конституции КНР укрепляет юридическую и политическую основу для применения силовых средств с целью решения проблемы. Статья 8 закона гласит:

"Если раскольнические силы — сторонники "независимости Тайваня" под тем или иным названием, тем или иным способом добьются фактического отторжения Тайваня от Китая; или произойдут крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня; или возможности мирного воссоединения будут полностью исчерпаны — государство прибегнет к немирным и другим необходимым мерам для защиты своего суверенитета и территориальной целостности"⁴.

В статье 9 государство обещает, что в случае применения указанных мер оно "приложит максимум усилий, чтобы защитить жизни, имущество и другие законные права и интересы тайваньских граждан и граждан других государств на Тайване и свести к минимуму потери".

Текст Закона тщательно продуман, сделано многое, чтобы обеспечить как можно более благоприятную реакцию на него на Тайване и в мире. В ряде стран китайскими посольствами были проведены разъяснительные беседы. Китайские специалисты пояснили: "немирные средства" не обязательно означают

боевые действия, это могут быть “экономические санкции, военное сдерживание, крупные военные учения, частичная блокада” коммуникаций Тайваня. В силу чего Закон о противодействии расколу “ни в коем случае не является ни законом о войне, ни приказом о военной мобилизации, ни объявлением войны”.

“Крупные события, влекущие за собой отторжение Тайваня” — это как раз то, от чего Чэнь Шуйбянь неоднократно обещал воздержаться и не включать в новую конституцию: проведение на острове референдума по вопросу, быть ли Тайваню независимым или объединиться с материком; попытки изменить флаг, гимн или название непризнанного государства (переименовать “Китайскую Республику” в “Тайваньскую Республику”); изменить, в соответствии с реальностью, формально никем еще не отмененные границы Китайской Республики, ставшие анахронизмом с тех пор, как на территории, очерченной этими границами, появилась КНР. Разумеется, все эти изменения имеют чисто символическое значение, но каждое из них перерезает ту или иную историческую нить, связывающую Тайвань с Китаем.

Необходимо подчеркнуть, что содержание Закона не сводится к перечислению базовых положений и фиксации силовых аспектов позиции Пекина по тайваньской проблеме. В статье 6 Закона — и это очень важно — намечены направления, по которым правительство КНР готово развивать связи с тайваньской стороной. Сюда входят: обмен персоналом в интересах лучшего взаимопонимания и укрепления доверия; экономическое сотрудничество, включая налаживание прямых связей через пролив; обмены в области образования, науки, культуры, здравоохранения, спорта и т.д.; совместная работа во имя развития славных традиций китайской культуры. Правительство обязуется защищать права и интересы тайваньских соотечественников.

Сразу после принятия Закона премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао конкретизировал и дополнил эти установки. Он предложил организовать на регулярной основе прямые чартерные рейсы между материком и островом, принять меры для продвижения тайваньской сельскохозяйственной продукции на рынки южного Китая, наладить сотрудничество в сфере трудовых услуг, а также решить проблему рыбаков с материка, работающих на тайваньской стороне. Премьер пообещал “разработать льготную политику и целый комплекс мер в интересах тайваньских соотечественников”.

Закон о противодействии расколу вызвал неоднозначную реакцию в международном сообществе. Администрация США выразила “сожаление” по этому поводу и отметила, что данный шаг “не служит укреплению мира и стабильности в Тайваньском проливе”, что он “противоречит прогрессу, достигнутому за последнее время в отношениях между разделенными этим проливом сторонами”. К Соединенным Штатам присоединились Япония, Австралия. ЕС выразил “несогласие с любым использованием силы в отношениях между Китаем и Тайванем”.

Россия, связанная с КНР узлами теснейшего стратегического партнерства, заявила, что “рассматривает тайваньский вопрос как внутреннее дело Китая”, “с пониманием относится к мотивам” принятия Закона о противодействии расколу и подчеркнула: “очень важно, что в нем закреплена главная установка правительства КНР — безусловный приоритет мирных методов объединения, готовности пролить для этого максимум доброй воли”⁹. Начальник Генштаба вооруженных сил России Ю. Балухевский заявил: “Я однозначно утвердился в мысли, что это будут в первую очередь мирные, политические, дипломатические средства”. Российский военачальник назвал “вымыслами и домыслами” предположения некоторых СМИ о том, что намечавшиеся на осень 2005 г. российско-китайские маневры будут каким-то образом увязаны с тайваньским вопросом.

Одни государства выступили с критическими оценками закона, другие (среди них Белоруссия, Туркменистан, Таджикистан), наоборот, поддержали его, но фактически вся международная общественность так или иначе выразила заинтересованность в сохранении мира в Тайваньском проливе, в мирном решении тайваньской проблемы.

Тайваньская сторона встретила Закон о противодействии расколу в штыхы. Власти острова призвали население выйти на массовые демонстрации протеста. В ответ Пекин обвинил Тайбэй в попытках извратить смысл закона и ввести в заблуждение жителей острова. Прошедшие на острове уличные акции (Гоминьдан в них не участвовал) были названы "пустой демонстрацией силы".

Вскоре после принятия Закона о противодействии расколу, в апреле 2005 г. руководители КНР совершили сенсационный шаг, пригласив в Пекин лидера Гоминьдана Лянь Чжаня. Напомним, что Гоминьдан, ныне главная оппозиционная партия Тайваня, до 1949 г. был правящей партией Китая и вел непримиримую гражданскую войну с коммунистами. Встреча Председателя КНР Ху Цзиньтао с Лянь Чжанем продемонстрировала их общее стремление кардинально расширить сотрудничество "через пролив", создав атмосферу доверия и равноправия. Стороны договорились сотрудничать "в целях заключения мирного договора", заложить основу "укрепления доверия в военной сфере", согласились создать "механизм экономического сотрудничества и единого рынка" и т.д. Единственное условие Пекина — признание "принципа одного Китая", пусть даже в разных интерпретациях, в виде "консенсуса 1992 г.". Позиция Гоминьдана отвечает этому условию.

Вслед за Лянь Чжанем Пекин посетил лидер второй крупнейшей оппозиционной партии Тайваня — Сун Чуюй. Обе стороны проявили согласие относительно возобновления диалога между берегами Тайваньского пролива при том же условии признания "принципа одного Китая". В качестве шага доброй воли Пекин объявил, что облегчит процедуру выдачи тайваньцам разрешений для посещения материка, упростит для них правила трудоустройства, снизит для тайваньских студентов плату за обучение.

Посредством этих нестандартных шагов руководство КНР имело в виду оказать поддержку тем силам, которые выступают против независимости острова. В ответ президент Чэнь Шуйбянь заявил, что все договоренности оппозиции с Пекином являются незаконными, вести официальные переговоры с руководителями КНР имеет право только уполномоченный на то Совет по делам материка.

Продолжая заочный диалог с Тайбэем, Пекин подтвердил, что готов обсуждать со всеми политическими партиями Тайваня, признающими "принцип одного Китая", любые проблемы, от установления прямого сообщения через пролив до размещения ракет¹⁰. Со своей стороны, Чэнь Шуйбянь (в мае) предложил Пекину в любое время начать переговоры "на принципах мира, демократии и равноправия". Месяцем позже он выразил готовность встретиться с Председателем КНР Ху Цзиньтао без всяких предварительных условий в любом месте, кроме материкового Китая и Тайваня, для "продвижения мирных переговоров между двумя берегами"¹¹. Все эти предложения каждой из сторон были оставлены без внимания противоположной стороной.

В мае 2005 г. на Тайване состоялись выборы в Национальное собрание — орган, главная задача которого состояла в утверждении поправок в конституцию. При чрезвычайно низкой явке избирателей (23%) победу одержала правящая Демократическая прогрессивная партия (42,5%), Гоминьдан получил 38,8%. Нацсобрание подавляющим большинством голосов (249 против 48) одобрило пакет поправок к конституции, принятых ранее Законодательной палатой. В него вошли: сокращение почти вдвое числа депутатов Законодательной палаты — с 225 до 113, увеличение срока их полномочий с трех до четырех

лет, упрощение процедуры выборов в палату, наконец, ликвидация самого Национального собрания. Последняя поправка, наиболее важная, предполагает в будущем вынесение всех вопросов, связанных с изменением конституции, на общенациональный референдум. Именно это положение вызывает озабоченность Пекина, который опасается, что на референдум могут быть вынесены вопросы, касающиеся статуса острова. Поэтому Чэнь Шуйбянь заявил, что на референдуме не будут ставиться вопросы, относящиеся к самоопределению Тайваня или к его государственной символике¹².

26 февраля 2006 г. Чэнь Шуйбянь объявил о прекращении деятельности Совета по национальному объединению и о лишении силы Программы национального объединения, существовавших с начала 1990-х годов, тем самым нарушив собственные инаугурационные обещания 2000 г. и 2004 г. Оба эти политических инструмента не имели реального значения и выполняли чисто символическую роль. Чэнь пояснил, что делает этот шаг из-за упорного нежелания Пекина откатиться от применения силы против острова.

Руководители КНР резко осудили решение президента, предупредив: «Эскалация раскольнической деятельности Чэнь Шуйбяня неизбежно приведет к серьезному кризису в районе Тайваньского пролива в ущерб миру и стабильности в АТР...Мы хотели бы со всей серьезностью предостеречь Чэнь Шуйбяня, чтобы он незамедлительно прекратил следовать зловредным путем, губящим интересы мира и взаимовыгодного сотрудничества между берегами пролива»¹³.

Оппозиция на самом острове также осудила поступок Чэня и организовала массовые митинги протеста против его опасного курса. В ответ сторонники Чэня провели собственную контр-демонстрацию. США постарались сгладить остроту момента: президент не отменяет, а только «замораживает» действие названных инструментов, и при необходимости оно может быть возобновлено. Российский МИД сделал официальное заявление, в котором подверг критике решение Чэнь Шуйбяня и категорически выступил против независимости Тайваня. Китайская сторона заявила, что она высоко оценивает поддержку со стороны правительства России в тайваньском вопросе¹⁴.

В условиях острой военно-политической конфронтации с материком тайваньские лидеры предпринимали серьезные меры для укрепления своих вооруженных сил. По сообщениям прессы, Тайбэй в 2005 г. приступил к развертыванию мобильных противокорабельных ракет «Сюнфэн-2» с радиусом действия до 100 км. Такие ракеты как будто бы уже размещены на островах вблизи побережья материка. Испытана и в 2005-2006 гг. должна поступить (или уже поступила) в производство крылатая противокорабельная ракета «Сюнфэн-2Е» с дальностью порядка 1000 км.¹⁵ По заявлению министра обороны Ли Цзе, Тайвань создает новый тип ракет «воздух — земля» с большим радиусом действия, оснащенных кассетными боеголовками. Военный институт им. Сунь Ятсена занимается разработкой баллистических ракет с радиусом действия до 2000 км.¹⁶

В течение года на Тайване был проведен ряд внушительных военных маневров. В июле состоялись большие военные учения по отражению воздушного нападения, в которых участвовало свыше тысячи человек, зенитно-ракетные комплексы, боевые самолеты. В августе прошли крупные антитеррористические учения с участием подразделений химзащиты, спецназа, десантников, пожарных и т.п. Три корабля тайваньских ВМС совершили дальний поход по трем океанам.

Даже при повышенном внимании к оснащению армии техникой собственного производства тайваньские лидеры по прежнему считали необходимым приобретение военной техники в США. Однако Законодательная палата, где большинство принадлежало оппозиции, еще в 2004 г. заблокировала закупки

крупной партии американского оружия, включавшей в себя 6 ЗРК "Пэтриот", 8 дизельных подводных лодок и 12 противолодочных самолетов "Орион". Доводы оппозиции заключались не только в высокой цене предлагаемых товаров, но и в нежелании раскручивать гонку вооружений в Тайваньском проливе. Теперь министерство обороны сократило свой запрос с 18,2 млрд ам. долл. до 15 млрд, однако провести сделку через Законодательную палату так и не сумело¹⁷. Подкрепляя позицию оппозиционных депутатов, Пекин в соответствующие моменты выступал с предупреждениями в адрес США, подчеркивая, что продажа оружия "не способствует мирному воссоединению страны", что она представляет собой вмешательство во внутренние дела Китая¹⁸ и т.п.

Рискованная политика Чэнь Шуйбяня в отношениях с материком серьезным образом пошатнула позиции его партии во власти. На выборах в местные органы управления в декабре 2005 г. Демократическая прогрессивная партия потерпела поражение, завоевав лишь шесть постов из двадцати трех. Годом ранее, в декабре 2004 г., ДПП проиграла оппозиционному блоку во главе с Гоминьданом выборы в Законодательную палату. Неудачи правящей партии сопровождались чехардой в высшем эшелоне власти — перестановками одних и тех же фигур на постах председателя партии и главы Исполнительной палаты.

С другой стороны, смягчению сепаратистской политики президента откровенно препятствовали крайние сторонники независимости в ДПП. Так, переговоры Чэнь Шуйбяня с одним из лидеров оппозиции Сун Чуюем привели их к выработке компромиссной формулировки о приемлемости "любой модели отношений с материком, основанной на принципах искренности и доброй воли". После чего три советника президента подали в отставку в знак протеста против его "непоследовательности" и "чрезмерной мягкости".

Политический тупик в отношениях между двумя берегами Тайваньского пролива, а также отсутствие прямых связей через пролив не помешали сторонам достаточно интенсивно развивать торгово-экономические связи. По данным КНР, двусторонний торговый оборот в 2004 г. достиг рекордных 78,32 млрд ам. долл. (рост 39%), а в 2005 г. уже 91,2 млрд со значительным положительным сальдо в пользу Тайваня. В 2005 г. тайваньские компании подписали соглашение об инвестировании 10,3 млрд ам. долл. в создание новых предприятий на материке, из этой суммы к концу года было освоено 2,15 млрд¹⁹. Суммарный объем инвестиций с Тайваня на материк составил 93,4 млрд ам. долл., показав в 2005 г. прирост в 13%. Материковый Китай прочно утвердился в качестве главного торгового партнера Тайваня и основного получателя его инвестиций. Доля Китая в тайваньском экспорте в 2005 г. составила 38%. По некоторым оценкам, ныне в материковом Китае проживает 1 миллион тайваньцев²⁰.

Приоритет, который предприниматели острова в массовом порядке отдают Китаю, давно уже вызывает у тайваньских властей серьезные опасения, как бы в конце концов не попасть в экономическую зависимость от Пекина. В Тайбэе считают, что Китай в настоящее время применяет политику: "использовать бизнес, чтобы взять Тайвань в кольцо"²¹. Чэнь Шуйбянь, который много сделал для расширения экономического сотрудничества "через пролив", призвал тайваньские компании ослабить привязанность к китайскому рынку и вкладывать больше капиталов в собственной стране, однако, его призыв не вызвал ответного энтузиазма.

В качестве альтернативы китайскому направлению, пусть и недостаточно сильной, в Тайбэе рассматривают направление на юг — во Вьетнам и Индию. Тайвань стал самым крупным инвестором во Вьетнаме: в 2004 г. реализовал инвестиционные проекты на сумму 7,93 млрд ам. долл., а с учетом капиталовложений через третьи страны — порядка 10 млрд Экономическое со-

трудничество Тайваня с Индией гораздо слабее: объем тайваньских инвестиций — на уровне 200 млн ам. долл., торговля в 2005 г. — 2 млрд ам. долл. Однако Тайбэй исполнен решимости вывести связи с Индией на новый уровень, о чем свидетельствует создание (в феврале) Совета по тайваньско-индийскому сотрудничеству.

В 2005 г. получили определенное развитие экономические связи Тайваня с Россией. Двусторонний торговый оборот составил 2,7 млрд ам. долл., лишь немного уступив рекордному показателю 2004 г. (2,9 млрд) Существенно вырос тайваньский экспорт, составивший 1,1 млрд ам. долл. и включивший в себя такие товары, как ноутбуки, электронные компоненты, бытовая техника, косметика и т.д. В тайваньском импорте ведущее место заняли черные металлы. В сентябре-октябре 2005 г. Россию третий раз посетила большая делегация Российско-тайваньской ассоциации, в которую вошли представители крупного тайваньского бизнеса.

Вместе с тем в подписанной 21 марта с.г. в Пекине в Совместной российско-китайской декларации еще раз подчеркивалось: “Российская сторона будет и впредь проводить политику “одного Китая”, признавая правительство КНР единственным законным правительством, представляющим весь Китай. Российская сторона не поддерживает с Тайванем официальных отношений, выступает против независимости Тайваня в какой бы то ни было форме. Российская сторона считает тайванский вопрос внутренним делом Китая”.

1. <http://taiwansecurity.org/News/2002/BB-310304.htm>
2. <http://www.cbs.org.tw/2004/12/23>
3. Сообщение Синьхуа. 2004. 14 апреля.
4. People's Daily Online. 14 March 2005.
5. People's Daily Online. 27 January 2005.
6. <http://chinaembassy.ru/rus/xwdt/E187586/html>
7. <http://newsru.arm/world/14war2005/pity/html>
8. ИТАР-ТАСС. 2005. 15 марта.
9. РИА “Новости”. 2005. 14 марта.
10. China Daily. 13 April 2005; ИТАР — ТАСС. 2005. 4 мая.
11. ИТАР-ТАСС. 2005. 3 мая; 2005. 3 июня.
12. ИТАР-ТАСС. 2005. 14 мая.
13. <http://russian.people.com.cn/31521/4144864.html>
14. ИТАР-ТАСС. 2006. 2 марта.
15. Чжунго шибао. 2005. 5 июня.
16. ИТАР-ТАСС. 2006. 9 марта.
17. Тайбэй Таймс. 2005. 24 мая.
18. ИТАР-ТАСС. 2005. 4 мая; 2005. 7 мая.
19. ИТАР-ТАСС. 2005. 26 января; 2006. 25 января.
20. ИТАР-ТАСС. 2006. 8 февраля.
21. ИТАР-ТАСС. 2006. 24 февраля.

Итоги развития экономики Тайваня в 2005 г.

© 2006

А. Верченко

В 2005 г. на Тайване сохранялись положительные тенденции развития экономики. Темпы экономического роста, хотя и довольно медленно, продолжали восстанавливаться после спада в 2001 г. Это во многом объясняется общим положением в глобальной экономике. В мае 2005 г. под влиянием роста мировых цен на нефть и сырье, а также падения внутреннего производства в среднем на 0,6% индекс роста экономики острова снизился до 3,63%. Тем не менее к концу года благодаря предпринятым мерам правительства по контролю за ценами на нефть, удалось восстановить темпы роста и выйти на плановые показатели.

Таблица 1

Темпы экономического роста Тайваня на фоне темпов роста мировой экономики (в процентах к предыдущему году)

Год	Темпы роста экономики Тайваня	Темпы роста мировой экономики
2000	5,77	4,0
2001	-2,17	1,5
2002	4,25	1,7
2003	3,42	2,6
2004	6,07	4,0
2005	4,09	3,4
2006	прогноз 4,25	

Источник: Министерство экономики Тайваня, <http://www.gov.tw>.

Ряд тайваньских экономистов склонны считать, что, несмотря на значительную зависимость от международной торговли, состояние экономики и "бизнес-циклы" Тайваня определяются в большей степени внутренними факторами, а не внешними.

В частности, реальность последнего времени такова, что Тайвань даже при его сильной экономике не может одновременно уделять равнозначное внимание экономическому развитию и социальному обеспечению из-за нехватки финансовых средств. Тайваньские экономисты и представители деловых кругов даже оценивают положение в экономике как упадок и выражают неудовлетворение нынешними темпами экономического роста.

Среди других веских политических и экономических причин замедления развития острова не последнее место занимает отток капиталов в Китай. По некоторым оценкам, сегодня на долю континента приходится 67-70% зарубежных тайваньских капиталовложений, которые оцениваются приблизительно в 100 млрд долл. США.¹ Больше 51 тысячи тайваньских компаний и пред-

приятий имеют бизнес на континенте. В таких провинциях Китая, как Гуандун, Фуцзянь, Цзянсу и некоторых других функционируют целые промышленные комплексы с полной инфраструктурой, достаточной для успешного ведения дел и жизни. Причем бизнесмены предпочитают оставлять полученную прибыль в Китае, а не вывозить ее на родину. Остающиеся на Тайване компании борются за выживание, вносят вклад в развитие экономики, но не всегда добиваются успеха из-за постоянно происходящего ухудшения бизнес — среды вследствие перемещения другими тайваньскими компаниями своих капиталов в Китай.

В этой связи, обсуждается вопрос о разработке положения о “квоте на инвестиции”, предусматривающего требование к тайваньским компаниям наряду с инвестициями в Китае (по действующему законодательству, не более 40% уставного капитала) увеличивать свои капиталовложения в тайваньскую экономику. Тайвань заинтересован в торгово-экономических связях с материком и во вложении определенных инвестиций, дающих прибыль острову. Правда, ряд экономистов считает, что Тайвань может конкурировать на мировом рынке и без Китая. Более того, с момента перевода производства в Китай многие тайваньские компании потеряли мотивацию к инновациям, в то время как тайваньские компании на острове успешно занимаются научно-исследовательскими и опытно-конструкторскими работами. По мнению ряда сотрудников Тайваньского института экономики, если “китайская лихорадка” на Тайване в ближайшее время не прекратится, то тайваньские планы по развитию “экономики знаний” едва ли смогут быть претворены в жизнь.

Тем не менее, несмотря на определенные сложности, экономика Тайваня по основным показателям по-прежнему входит в двадцатку самых развитых экономик мира.

Валовой национальный продукт (ВНП) в 2005 г. составил 114249 млрд новых тайваньских долларов (далее: нтд.), или 355,0 млрд долл. США. Валовой внутренний продукт (ВВП) — 111010 млрд нтд., или 345,9 млрд долл. США. ВНП на душу населения — 15271 долл. США.² По всем показателям наблюдался рост по сравнению с предыдущим годом.

Структура валового внутреннего продукта Тайваня, типичная для развитых стран, меняется в последние годы незначительно, но с устойчивой тенденцией в сторону сокращения доли сельского хозяйства и промышленности, увеличения удельного веса и сектора услуг.

Доля промышленного сектора в ВВП в 2005 г. составляла 24,82% (25,58% в 2004 г.), в том числе обрабатывающей промышленности — 21,31%.³ Ключевые отрасли промышленности контролируются государством, и их развитие направляется центральным бюджетом. Это нефтегазовая промышленность, энергетика, черная и цветная металлургия, добыча цветных металлов, нефтехимия, сахарная, табачная отрасли, производство алкоголя, судостроение и ряд других. Число государственных предприятий ничтожно мало, но на них производится значительная часть продукции промышленности. На долю малых и средних предприятий негосударственной формы собственности приходится до 96% общего числа предприятий. Развитие остальных отраслей служит фоном для осуществления главной цели, обеспечивая производственную и инфраструктурную базу. Государство определяет приоритеты, которыми на сегодня считаются наукоемкие и технокоемкие отрасли, в первую очередь электроника, электрооборудование, станки, точные приборы, текстиль, пластмассы, транспортное оборудование, химикаты. В 2005 г. рост промышленного производства составил 3,4%.⁴

Экономика Тайваня является на 90% экспортно-ориентированной. В 2005 г. иностранный заказ достиг 256,39 млрд долл. США, что на 19,2% больше по сравнению с предыдущим годом.⁵ Тайвань делает все, чтобы поддерживать эту тенденцию и развивает в первую очередь направления, продукция которых может быть востребована на мировом рынке.

В 2005 г. успешнее всего развивались отрасли, выпускающие электронику последнего поколения (рост 21,6%) и средства связи (рост 21,6%).

Тайвань входит в число трех ведущих мировых производителей более 30 видов продукции, включая цифровые фотокамеры, модемы асимметричной цифровой абонентской линии (ADSL), плоские ЖК панели, конструирование и упаковка интегральных схем, материнские платы, мониторы, компьютеры-ноутбуки, оптические дисководы, полупроводники и беспроводные локальные сети. Ни один производитель в мире не может предложить более низкие производственные затраты и более короткие сроки поставки, чем Тайвань. Для наращивания производства принята программа "два триллиона и две звезды", в соответствии с которой к концу 2006 г. планируется довести производство полупроводников и дисплеев (по каждому виду) до 1 триллиона нтд. или 28,5 млрд долл. США и обеспечить приоритетное развитие "двух звезд" — цифровых и биотехнологий.⁶

Тайвань претендует на роль регионального инновационного центра как для внутреннего бизнеса, так и для иностранных и транснациональных корпораций, отделения которых работают на Тайване: "Дюпон", "Тошиба", "Мицубиси", "Филипс", "Дженерал электрик", "Самсунг" и др. Правительство концентрирует внимание на совершенствовании технологической инфраструктуры и научного потенциала. На долю двух тайваньских компаний, предоставляющих услуги по разработке и изготовлению информационных систем в соответствии со спецификациями заказчика — Taiwan Semiconductor Manufacturing Co и United Microelectronics Corp. — приходится более 73% общемирового объема этих услуг. Суммарная стоимость продукции тайваньских фирм, конструирующих ИС, составляет 28% общемировой стоимости продукции этой отрасли — чуть меньше аналогичного показателя США.⁷

На долю Тайваня в 2005 г. приходилось 14,2% мирового производства полупроводников.⁸ Стремительно растет производство плоскопанельных дисплеев. Если в 2000 г. доля Тайваня на мировом рынке этой продукции составляла всего 1%, то в 2005 г. — уже 40%.⁹ На Тайване работают три завода по производству ЖК дисплеев шестого поколения и сооружаются еще два — седьмого поколения. Успехи достигнуты благодаря правительственным инвестициям и иностранным капиталовложениям. Компания ACER планирует стать третьим по объемам продаж в мире производителем ПК и в 2006 г. готова предложить на мировой рынок 10 млн ноутбуков, 6 млн настольных компьютеров, 500 тыс. жидкокристаллических телевизоров, 1,5 млн карманных компьютеров и 10 млн ЖК дисплеев.¹⁰ Продукция компании ACER, а вслед за ней ASUS уверенно завоевывают российский рынок, предлагают широкий выбор компьютеров и сервисного обслуживания.

Правительство активно поддерживает научные исследования и разработки, предоставляет инвестиционные льготы местным и иностранным фирмам, заинтересованным в проведении инновационной деятельности. Большое внимание уделяется подготовке специалистов для ведения научно-практической работы, растет число выпускников вузов. Например, среди молодежи в возрасте 24 лет в 2000 г. только 24,2% имели высшее образование. В 2005 г. — уже 50,5%. Прогнозируется, что в 2010 г. эта цифра возрастет до 81,9%.¹¹ Правда, критики системы образования утверждают, что многочисленные новые университеты не дают образование должного уровня, а диплом об окончании высшего учебного заведения еще не говорит об уровне квалификации специалиста.

Для развития промышленного комплекса Тайвань привлекает иностранные инвестиции, объем которых в 2005 г. превысил 4,4 млрд долл. США (рост на 4% к 2004 г.). Основных инвесторов из Японии, США, Республики Кореи, Австралии, Новой Зеландии и Европы больше всего привлекает электронная промышленность.

На пути осуществления своей модели индустриального развития Тайвань испытывает много сложностей. Между тайваньскими компаниями разыг-

рываются жесткие конкурентные войны за получение контрактных заказов. Не менее трудная борьба ведется за место на мировом рынке. Одна из главных задач здесь — поднять конкурентоспособность своей продукции. По данным Международного института управления и развития (IMD), Тайвань в 2004 г. находился на 12-ом месте по конкурентоспособности среди 60 главных стран мира.

Доля сельскохозяйственного сектора в ВВП в 2005 г. составила всего 1,66% и продолжает уменьшаться. Основные сельхозкультуры: рис, сахарный тростник, овощи, кукуруза, фрукты, чай, цветы. Тайвань производит на экспорт эксклюзивную продукцию: экологически чистые горшечные культуры, в первую очередь, орхидеи, редкие фрукты, традиционные овощи с новыми качествами и вкусом, необычные сорта зеленого чая. Результаты кропотливой селекционной работы становятся востребованным экспортным товаром. Например, тайваньские бизнесмены выращивают в неволе глубоководную морскую рыбу и продают за границу ее икринки для разведения рыбы.

Продолжает расти доля сектора услуг в ВВП — в 2005 г. на его долю приходилось уже 73,52%. Это оптовая и розничная торговля, финансы и страховое дело, операции с недвижимостью и лизинг, а также складирование, телекоммуникации и транспорт.

Эмиссия денег, регулирование денежного рынка, валютные операции и обслуживание финансовой деятельности правительства входят в компетенцию центрального банка. Тайвань располагает хорошо развитой системой коммерческих банков, в основном с небольшими активами. Многие иностранные банки имеют свои представительства в Тайбэе. В ходе проводимой банковской реорганизации к концу 2005 г. число государственных банковских учреждений сократилось с 12 до 6.

Тайвань переживает не лучшие времена на рынке недвижимости и на фондовой бирже, происходит сокращение банковского процента, стоит проблема невозвращения кредитов.

В 2005г. повысилась собираемость налогов. Доля собранных налогов в ВВП составила 13,3%. В казну поступило 1527,5 млрд нтд. (46,1 млрд долл. США), что превысило годовое задание с рекордом в 113,4% (на 5,6 млрд долл. США больше, чем в 2004 году).¹² Высокие показатели были достигнуты в результате недавнего значительного повышения ставки подоходного налога на частные лица и корпорации и не могут рассматриваться как признак улучшения экономического климата. Большая часть поступлений исходит от самых богатых и показывает углубление поляризации общества и увеличение разрыва между самыми состоятельными и самыми бедными.

В 2005 г. наблюдался рост потребительских розничных цен в среднем на 2,30% по сравнению с 2004 г. Особенно заметно подорожали овощи (на 34%) и фрукты (на 27%). Это произошло из-за серии серьезных стихийных бедствий, поразивших в середине лета сельскохозяйственные районы острова. Сильные наводнения — вода поднималась в отдельных местах на 100 см и не спадала в течение 4-6 дней — разрушили дороги и мосты, смыли плодородный слой почвы вместе с урожаем овощей, нанесли ущерб фруктовым культурам. Многие хозяева потеряли скот. Даже при условии получения государственной помощи сложно говорить о быстром восстановлении. Это серьезный удар по фермерам.

Замедлились темпы роста потребительской способности населения. Если в 2004 г. она выросла на 3,9%, то в 2005 г. — только на 3%. По прессе прослеживается недовольство среднего класса увеличением затрат на повседневные нужды. Обыватели с неудовольствием вновь заговорили о необходимости тратить деньги из накопленных средств.

Тайвань остается на 3-ем месте в мире после Китая и Японии по золотовалютным резервам, которые оцениваются тайваньским центральным банком в 253,29 млрд долл. США (на конец декабря 2005 г.). Этот показатель сложился из увеличения иностранного присутствия на местной фондовой бирже, доходов, полученных от инвестиций из инвалютных резервов, и разницы в

курсах Евро и японской йены с долларом. В 2005 г. была зарегистрирована рекордная покупательная активность иностранных инвесторов (28,858 млрд долл. США), благодаря чему доля иностранного капитала в индексе местной биржи ТАИЕХ составила 31,73%.¹³ Тайваньцы внимательно следят за колебаниями курса акций — 1/3 населения Тайваня держат свои сбережения в акциях.

В 2005 г. удалось увеличить занятость населения на 1,6%. Таким образом, в настоящее время в хозяйственной деятельности заняты 57,8% из 22,7 млн человек, живущих на Тайване. Из них в промышленности — 37%, в сфере обслуживания — 42%. Число занятых в сельском хозяйстве продолжает сокращаться больше всего из-за нерентабельности производства вследствие высокой себестоимости продукции и невозможности конкурировать с импортными товарами. В 2005 г. численность сельскохозяйственных работников сократилась на 7,94% (в 2004 г. — на 8%).¹⁴

Уровень безработицы остается более или менее постоянным: в 2005 г. он достиг рекордно низкого показателя за последние 5 лет — 4,13% (в 2004 г. — 4,14%). Больше всего безработных (10,6%) в возрастной категории от 15 до 24 лет.

Опрос выпускников вузов прошлого года показал, что молодежь предпочитает трудоустройство в научно-исследовательской сфере, связанной с высокими новыми технологиями, в банках и торговле.

Тайвань продолжает наращивать объем внешней торговли, что иллюстрирует приведенная ниже Таблица. По внешнеторговому обороту остров занимает 14-е место в мире.

Таблица 2

Внешняя торговля Тайваня в 2000-2005 гг. (в млрд долл.США)

Год	Объем внешней торговли	Экспорт	Импорт	Положительное сальдо	Сравнение с соответствующим периодом пред. года в%	
					Экспорт	Импорт
2000	288,332	148,321	140,011	8,310	22,0	26,5
2001	230,103	122,866	107,37	15,620	-17,2	-23,4
2002	243,127	130,597	112,530	18,067	6,3	4,9
2003	271,429	144,180	127,249	16,931	10,4	13,1
2004	341,904	174,014	167,890	6,124	20,7	31,9
2005	381,050	198,430	182,620	15,82	8,2	8,8

Источник: Статистическое управление Исполнительного юаня Тайваня, <http://www.stat.gov.tw>

В импорте Тайваня преобладает сельскохозяйственное и промышленное сырье (71,7%), также ввозятся средства производства и потребительские товары. Экспорт на 98,7% состоит из промышленной продукции.

Основными торговыми партнерами Тайваня в 2005 г. были: Япония, КНР, США, Гонконг (в статистике Тайваня Гонконг идет отдельно от КНР), Республика Корея, Сингапур. В совокупности на их долю приходится 63% объема внешней торговли.

На долю России приходится 0,76% общего товарооборота Тайваня. В 2005г. товарооборот между Россией и Тайванем составил 2,7 млрд долл. США, что меньше на 0,2 млрд долл. США по сравнению с 2004 г., ставшим рекордным в истории, как по объему экспортно-импортных операций, так и по его росту (на 81,2%) по сравнению с 2003 г. Тайваньский экспорт состоит в основном из компьютеров, материнских плат, бытовой техники, электротехники, изделий легкой промышленности, косметики и др. товаров. Тайвань рассматривает Россию не только как страну с перспективной развивающейся экономикой, но и как источник сырья и полуфабрикатов (металлы, сплавы, металлопродукция, минеральные ресурсы). Крупный тайваньский бизнес пока в Россию не

идет, выжидая создания более благоприятного инвестиционного климата. Не до конца используется потенциал российско-тайваньского торгово-экономического сотрудничества. Играют роль политические факторы, сдерживающие создание правового механизма их регулирования. В частности, это касается решения проблемы двойного налогообложения. Многие тайваньские бизнесмены до сих пор сохраняют недоверие к российским партнерам, российским банкам и экономической стабильности в целом, что толкает их на контакты в бизнесе через фирмы третьих стран.

Важнейшим внешнеторговым партнером Тайваня и основным источником положительного торгового баланса острова остается КНР. В 2005 г. Тайвань экспортировал в КНР и Сянган товаров на общую сумму 71,61 млрд долл. США, что составляет 37,8% общего объема экспорта. Импорт составил 21,815 млрд долл. США, положительное сальдо — 49,795 млрд долл. США, это на 10,5% больше, чем в 2004 г.¹⁵. Все три показателя стали самыми высокими в истории. Рост торговых связей с Китаем обусловлен быстрым развитием экономики Китая и растущими потребностями в запчастях и комплектующих, прежде всего со стороны предприятий со 100% тайваньским капиталом на материке. Оживлению связей способствовало вступление Китая и Тайваня в ВТО, что дало возможность либерализовать торговлю и снять барьеры для ввоза китайских товаров на Тайвань. Благодаря этому импорт с материка вырос в 2004 г. на 48%. Тем не менее сохраняется немало ограничений на сотрудничество с КНР, прежде всего запрет на прямые транспортные связи. На острове есть немало критиков расширения торгово-экономического сотрудничества с материком. Они опасаются, что зависимость от китайского рынка повлечет за собой угрозу национальной безопасности острова, дальнейший отток капиталов, невозможность для внутренних производителей конкурировать с дешевыми материковыми товарами, снижение конкурентоспособности тайваньских товаров на внутреннем рынке.

Для дальнейшего развития экономики Тайваня принят среднесрочный план национального развития на 2005–2008 гг. До конца 2008 г. планируется увеличить темпы роста экономики до 4,95% в год, довести размер ВВП на душу населения до 18 тыс. долл. США, удерживать безработицу на уровне не выше 4%, рост потребительских цен — не более 2% в год.¹⁶

Тайваню удается отвечать на вызовы мировой экономики эпохи глобализации, постоянно выдвигающей новые требования и стремительно меняющей акценты.

1. <http://www.chinacom.ru>, 2005. 14 октября.
2. www.stat.gov.tw
3. www.dgbas.gov.tw
4. www.stat.gov.tw
5. www.cna.com.tw, 2006. 16 февраля.
6. <http://www.ixbt.com/cm/taiwan-industry.shtml>
7. www.ixbt.com/cm/taiwan-industry.shtml
8. www.cna.com.tw, 2006.11 января.
9. www.cna.com.tw, 2006.04 января.
10. "Ляньхэ бао", 2006. 1 января.
11. <http://www.cna.com.tw>, 2006.07 февраля.
12. www.dgbas.gov.tw
13. <http://www.cna.com.tw>, 2006. 17 февраля.
14. www.stat.gov.tw
15. [Chinacom.ru](http://www.chinacom.ru). 2005. 14 октября.
16. <http://www.moe.gov.tw>

Япония в 2005 году

© 2006

В. Павлятенко, А. Семин, Н. Тебин, Д. Щербаков

Внутренняя политика. Главным событием во внутривластной жизни Японии в 2005 г. стали досрочные парламентские выборы и формирование нового кабинета министров. Выборы были обусловлены внутривластной борьбой между сторонниками и противниками курса премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми на ускорение процессов политической, административной, судебной, экономической и других реформ в стране.

Правящей коалиции — Либерально-демократической партии (ЛДП) и партии Новая Комэйто, в целом, удавалось в предшествующий период и в первой половине 2005 г. проводить стабильный курс постепенного реформирования в стране за счет взвешенного учета позиции и интересов главной оппозиционной партии — Демократической партии Японии (ДПЯ). Руководство ЛДП и ее лидер Дз. Коидзуми основное внимание сосредоточили на дальнейшем продвижении начатой в середине 1990-х годов административной реформы и курса на приватизацию государственных активов. Еще при первом кабинете Дз. Коидзуми в апреле 2001 г. был провозглашен лозунг ускорения и углубления реформ — "структурные реформы без святых мест", "без структурных реформ нет экономического роста". Эти лозунги были поддержаны не всеми, в том числе и в рядах самой правящей ЛДП.

Одним из важных направлений работы правительства в области административного реформирования в 2005 г. стала выработка форм оптимизации сроков принятия решений за счет расширения возможностей исполнительных органов, прежде всего главы правительства, в руководстве страной при сохранении сдерживающих функций представительных органов, за которыми все же сохранялась возможность отмены решений исполнительных органов. В качестве одной из таких форм предлагалось создание небольшого по численности, но эффективного правительства, а также значительное сокращение чиновничьего аппарата. В конце 2005 г. правительством был утвержден пятилетний план сокращения численности госслужащих на 10% (около 33 тыс. должностей).

Наряду с реформированием высшего управленческого аппарата продолжался ранее начатый процесс передачи ряда функций центральных органов местным администрациям. В частности, расширялись права и возможности органов местного самоуправления по введению собственных налогов и финансированию местных проектов за счет получаемых средств, что, как планируется, должно укрепить финансовую самостоятельность местных органов власти. Одновременно продолжилась реализация плана оптимизации структуры мест-

Павлятенко Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, руководитель Центра изучения Японии ИДВ РАН.

Семин Анатолий Васильевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Тебин Николай Петрович, старший референт-переводчик ИДВ РАН.

Щербаков Денис, аспирант ИДВ РАН.

ных органов власти — укрупнение первичных муниципальных административных единиц, слияние городов, поселков, деревень. В стадию обсуждения и проработки на уровне экспертов вышли и планы реорганизации административно-го устройства страны (слияния 47 префектур в 9-10 провинций).

Однако главным направлением реформаторской деятельности премьер-министра и его кабинета продолжала оставаться реализация политики по сокращению роли государства в регулировании экономики, разработка специальных планов дерегулирования, приватизации госактивов. В рассматриваемый период, принятый в 2004 г. трехлетний план “реформы регулирования и раскрытия возможностей для частного предпринимательства” стал реализовываться весьма интенсивно: к октябрю завершился процесс приватизации скоростных автодорог.

Приватизация государственных активов осуществлялась в рамках разработанной по инициативе Дз. Коидзуми комплексной программы структурных преобразований и на основе регулярно издаваемых руководящих директив — “Основном курсе экономической, финансовой политики и структурных реформ”. Во всех директивах целью определяется построение общества “на принципах самоответственности и рыночных отношений”. В принятой кабинетом в июне 2005 г. пятой подобной директиве поставлены три задачи: реализовать “малое эффективное правительство”, определить пути решения проблем, связанных с сокращением рождаемости, старением японского общества и с процессом глобализации, обеспечить экономический рост, определяемый спросом в частном секторе и внутренним спросом.

Главной целью Дз. Коидзуми и его правительства в 2005 г. в реализации планов дальнейшей дерегуляции экономики стало законодательное закрепление программы приватизации государственной почтовой службы. Именно борьба вокруг этой проблемы стала главным внутривластным событием в Японии.

Государственная почтовая служба появилась в Японии в XIX веке. К моменту предлагаемого кабинетом Дз. Коидзуми реформирования, она представляла собой крупнейшую госструктуру (более 300 тыс. чел.) и, фактически, крупнейший в мире банк — помимо традиционных услуг почта в Японии выполняет функции страховой компании и сберегательной кассы, где, по оценкам, аккумулировано в виде сбережений граждан более 3,2 трлн долл. Предлагаемая кабинетом программа приватизации рассчитана на 10 лет — полный переход всех активов почтовой службы в частные руки должен завершиться к 2017 г. Успешная реализация данной программы была провозглашена премьер-министром Дз. Коидзуми как главный приоритет внутренней политики его правительства.

В апреле 2005 г. в развитие “Принципиального курса приватизации почтовых дел”, принятого еще в сентябре 2004 г., правительство Японии официально одобрило пакет из шести законов по приватизации почтовой службы и, несмотря на отсутствие единодушия в рядах правящей партии и противостояние оппозиции, передало его на рассмотрение в нижнюю палату парламента. В июле этот пакет с большим трудом был принят в палате представителей (из 480 депутатов за пакет законопроектов проголосовало 233 депутата, против — 228). Пакет был передан в палату советников, где он был отклонен, главным образом, в результате того, что при “хрупком равновесии” в палате представителей многие депутаты от ЛДП (партии Коидзуми) проголосовали против законопроектов (22 депутата от ЛДП проголосовали против и 8 воздержались). В этих условиях премьер-министр Дз. Коидзуми взял на себя риск ответственности и пошел на роспуск парламента, “чтобы узнать волю населения”. Риск оправдался, Коидзуми выиграл.

На выборах 11 сентября ЛДП победила с внушительным преимуществом. Места в палате представителей (480 мест) распределились следующим образом: ЛДП — 295 (61,5%), партия Новая Комэйто (коалиционная) — 31 (6,5%),

ДПЯ — 113 (23,5% — потеря 64 мест), Коммунистическая партия Японии (КПЯ) — 9 (1,9%), Социал-демократическая партия Японии (СДПЯ) — 7 (1,5%). На выборах в палату советников Дз. Коидзуми также сопутствовал успех: ЛДП — 112 мест (46,3%), Новая Комэйто — 24 (9,9%), ДПЯ — 82 (33,9%), КПЯ — 9 (3,7%), СДПЯ — 6 (2,5%). Главным итогом выборов стала абсолютная победа ЛДП, которая в коалиции с партией Комэйто приобрела доминирующий перевес в ключевой палате представителей. Другой итог — полное поражение главной оппозиционной партии ДПЯ. Генеральный секретарь ДПЯ Ц. Окада подал в отставку, новым лидером партии был избран 42-летний С. Маэхара, который, в конечном итоге, не смог вывести партию из кризиса.

Новое соотношение сил в ключевой палате парламента укрепило позиции Дз. Коидзуми, который объявил, что итоги выборов демонстрируют поддержку народом его курса реформ. В октябре блок связанных с приватизацией почтовой службы законопроектов был принят новым составом палаты представителей, а всего через три дня и палатой советников.

После победы на парламентских выборах в ноябре Дз. Коидзуми принял еще один логический шаг — провел реорганизацию правительства. Генеральным секретарем кабинета министров был назначен С. Абэ (до назначения был Генеральным секретарем ЛДП), С. Танигаки сохранил пост министра финансов, Т. Асо стал министром иностранных дел (до назначения занимал пост министра по административным делам). Новые назначения Дз. Коидзуми провел лично без традиционных консультаций с крупнейшими внутрипартийными группировками в ЛДП. Все трое соответственно возглавили список лиц, утвержденных кабинетом министров, которые должны заместить премьер-министра в случае его отсутствия в стране или каких-либо экстраординарных обстоятельств. Одновременно все трое рассматриваются как основные кандидаты на пост премьер-министра на выборах в сентябре 2006 г. после ухода Дз. Коидзуми, однако преимущество отдается С. Абэ. С. Абэ, потомственный политик (дед — Н. Киси, бывший премьер-министра Японии, отец — С. Абэ, бывший министр иностранных дел). Он активно высказывался за введение экономических санкций против КНДР в связи с проблемой похищений японских граждан северокорейскими спецслужбами, а на первой пресс-конференции в качестве члена правительства С. Абэ подтвердил намерение продолжать посещения храма "Ясукуни", который в Китае и обоих корейских государствах считают символом японского милитаризма.

Вопреки ожиданиям в правительстве и руководстве ЛДП не оказалось оставившего в 2004 г. пост Генерального секретаря кабинета министров Я. Фукуда — сына бывшего премьер-министра Японии (Дз. Коидзуми работал у него секретарем), которого также называли в числе вероятных преемников Коидзуми на посту премьер-министра. Одной из причин такого поворота, считали наблюдатели, стали разногласия между Дз. Коидзуми и Я. Фукуда по вопросам внешней политики, в частности, в отношении Китая. Новые назначения в правительстве, по оценкам внутриполитических обозревателей, во многом были обусловлены необходимостью "смены поколений с тем, чтобы действовать без промедления и ускорить процесс реформ".

Менее масштабным, но не менее значимым во внутриполитической жизни Японии явлением стало завершение подготовки Специальным советом палаты представителей парламента "окончательного доклада" о пересмотре конституции страны, который стал итогом 5-летней общенациональной дискуссии. В апреле доклад был представлен депутатам парламента и утвержден абсолютным большинством, которое включало не только представителей ЛДП и Комэйто, но и ДПЯ. Против доклада голосовали депутаты КПЯ и СДПЯ. Эти партии настаивают на сохранении без изменений нынешней конституции.

Доклад, по сути, представляет изложение позиций представленных в парламенте партий. Расплывчатость изложенных репозиций лишь обостри-

ла полемику по поводу пересмотра послевоенной конституции, поскольку практически каждая политическая партия, многие общественные организации работали над своими проектами нового основного закона.

ЛДП к 50-летию образования партии в ноябре 2005 г. опубликовала свой проект конституции. В преамбулу были добавлены положения об истории и культуре, "воле защищать независимость государства". Основные изменения претерпела Глава II. Ее прежнее название "Отказ от войны" было заменено на "Обеспечение безопасности, чрезвычайная обстановка". В проекте рекомендуется изменить название "сил самообороны" на "вооруженные силы Японии". Однако в целом поправки носят умеренный характер. Ожидаемых кардинальных изменений не было внесено прежде всего в отношении "мирной статьи" конституции.

Несмотря на подготовленный Специальной комиссией доклад, дискуссия о пересмотре основного закона страны продолжается. В СМИ обсуждаются предложения о реорганизации парламента (изменение роли палаты советников и даже ее ликвидации), комментируются предложения о расширении в том или ином виде прав премьер-министра, изучается целесообразность его прямого всенародного избрания, выдвигаются предложения учредить Конституционный суд (в настоящее время соответствующие ему функции выполняет Верховный суд) и др. Вместе с тем, понимая всю чрезвычайную значимость принятия новой конституции и отказа от "американского образца", премьер-министр Дз. Коидзуми в самом начале 2006 г. заявил, что правительство "не будет спешить" делать исключительно важный политический шаг.

Экономика. В 2005 г. в условиях продолжавшегося процесса восстановления экономической конъюнктуры Япония сохранила свои позиции в качестве второй после США экономической державы мира.

ВВП Японии в 2005 г. в текущих ценах составил 4,848 трлн долл. США (рост на 2,4% по сравнению с 2004 г.), ВВП на душу населения — 30,7 тыс. долл., инвестиции выросли на 24,4%. В этом же году безработица составила 4,2% (более 2 млн чел.), инфляция — (-) 0,2%; занятость населения находилась на уровне 66,4 млн чел., в сельском хозяйстве — 4,6%, в промышленности — 27,8%, в сфере услуг — 67,7%; бюджет страны составил 1,429 трлн долл., государственный долг — 170% от ВВП, золотовалютные резервы (на декабрь) — более 840 млрд долл.

Доля Японии в мировой торговле товарами и услугами составила около 8,4%, в том числе по экспорту — 9,7% и по импорту — 7,2%. В 2005 г. внешне-торговый оборот страны вырос на 5,9% и достиг 1,1 трлн долл. Место ведущего торгового партнера Японии занял Китай (включая Гонконг) — 363,0 млрд долл. (33,5%), на втором месте США — 184,2 млрд долл. (17,0%). Доля США в товарообороте Японии в 2004 г. составляла 18,6%, Китая 20,1%.

Экспорт Японии в 2005 г. вырос на 3,7% и достиг 586,5 млрд долл. В структуре экспорта самая большая доля (71,4%) приходилась на машины и оборудование. Страны и регионы в японском экспорте распределились следующим образом: государства ЕС 14,5%, страны Азии — 49,5%, Китай — 25,9%, США — 22,5%.

Импорт Японии в 2005г. по предварительным данным увеличился на 9,3%, составив 497,1 млрд долл. В импорте стабильную и весьма значительную долю занимали минеральное топливо (21,7%), продовольственные (10,8%) и сырьевые товары (6,2%). В указанный период наблюдалось увеличение импорта по следующим товарным статьям: минеральное топливо (52,9%), полупроводники (24,8,4%), каменный уголь (42,7%).

По географическому распределению импорта доля США по сравнению с 2004 г. снизилась с 14,1% до 10,5%, доля стран ЕС сократилась с 12,7% до 9,8%, удельный вес стран Азии и Ближнего Востока упал с 45,1% до 39,1%, доля Китая в импорте Японии увеличилась до 35,9% (в 2004 г. — 20,3%).

Положительное сальдо внешнеторгового баланса Японии в 2005 г. сократилось на 24,0%, составив 89,4 млрд долл., что было обусловлено увеличением стоимости импорта за счет высоких цен на минеральное топливо на мировых рынках. Кроме того, в первой половине 2005 г. наблюдалось значительное сокращение поставок в Китай, что в свою очередь сказалось на сравнительно низких показателях роста экспорта и сальдо торгового баланса.

Зарубежные прямые инвестиции, наряду с внешней торговлей и официальной помощью развития (ОПР — 8,9 млрд долл.), продолжали оставаться важнейшим инструментом проникновения на иностранные рынки. В прошедшем году четко выявилась тенденция более активного освоения японскими компаниями восточноазиатских рынков в качестве объектов для перемещения части своей производственной базы. Обусловленность этой тенденции состояла в высоких темпах экономического развития, перспективности рынков, а также низких издержках производства в странах данного региона.

В корпоративном секторе Японии в 2005 г. продолжился начатый ранее процесс реструктуризации, предполагающий повышение эффективности управления, оптимизацию найма, снижение издержек производства. Продолжало снижаться количество корпоративных банкротств (за 11 месяцев их число составило 11849 — на 5,7% ниже аналогичного показателя 2004 г.), что, в свою очередь, явилось фактором для экономического развития. Благодаря росту корпоративных прибылей стало возможным повышение инвестиционной активности, ежеквартальный рост корпоративных инвестиций в оборудование в среднем составлял более 1%.

Оживление конъюнктуры получило свое отражение в ситуации на рынке ценных бумаг. На Токийской фондовой бирже в течение года продолжался стремительный рост акций: биржевой индекс Никкэй, составлявший в начале 2005 г. 11500 пунктов, достиг в конце года отметки в 16000 пунктов — рост на 40%.

Экономическое оживление позитивным образом сказалось и на положении дел в банковском секторе. По итогам промежуточного баланса за первую половину 2005 фин.г. крупнейшие банки получили наибольшую за ряд последних лет прибыль. Финансовая группа “Мицубиси UFJ”, возникшая после слияния двух крупнейших банков страны, получила 710 млрд иен прибыли, что превысило прибыль одной из наиболее успешных компаний “Тойота”. Банк “Мидзухо” увеличил за отчетный период свою чистую прибыль по сравнению с аналогичным периодом 2004 фин.г. на 45%, а финансовая группа “Сумитомо Мицуй” — более чем в 7 раз. По оценкам экспертов, шесть крупнейших банковских групп страны в 2005 фин.г. в совокупности заработали более 2 трлн иен, что стало наилучшим показателем с 1985 г.

Определенные успехи достигнуты на пути решения хронической для Японии проблемы борьбы с дефляцией. Инфляционное давление на экономику продолжал оказывать рост курса доллара, а также удорожание нефти и ряда других сырьевых товаров. Рост цен, хотя и незначительный, наблюдался как на потребительском рынке, так и на рынке недвижимости. Индекс потребительских цен в ноябре 2005 г. вырос на 0,1% по сравнению с аналогичным периодом 2004г. Впервые с 1990 г. выросли по сравнению с предыдущим годом цены на землю в Токио — на 0,5% в жилых и на 0,6% в деловых кварталах города (по состоянию на 1 июля 2005 г.) На общенациональном уровне цены на землю в минувшем году продолжали падать, однако темпы падения существенно снизились, а в сельских районах приблизились к нулевой отметке.

Тенденция к снижению безработицы носила устойчивый характер, проявляя позитивную динамику уже третий год подряд. Низкой оставалась и абсолютная численность полностью безработных — более 2 млн чел. Обращает на себя внимание увеличение доли наемных работников, занятых на постоянной основе, в противоположность прежней тенденции роста доли занятых на условиях временного найма.

В целом стабильной в 2005 г. оставалась зарплата наемных работников. Уровень реального дохода в частном секторе, с учетом продолжающейся дефляции, продолжал расти умеренными темпами. Улучшение ситуации на рынке труда явилось существенным фактором повышения спроса на потребительском рынке.

В минувший год продолжала развиваться проявившаяся в 2002 г. тенденция к увеличению объема личного потребления темпами приблизительно в 1,2% в год. Это создавало условия для устойчивого и самоподдерживающегося экономического роста, основанного на внутреннем потребительском спросе.

Между тем ряд факторов оказывали сдерживающий эффект на экономический рост. В их числе — демографические показатели, прежде всего, снижение рождаемости и старение населения, и, как следствие, уменьшение доли экономически активных возрастов в общей возрастной структуре японского общества. По данным Министерства здравоохранения, социального обеспечения и труда, в 2005 г. численность населения Японии впервые за весь период ведения демографической статистики сократилась. Такая тенденция влечет рост социальных расходов и отвлекает финансовые ресурсы от решения задач, связанных с экономическим развитием. Другой негативный эффект — ослабление роли и места японской экономики в системе международных экономических отношений в силу слабой вовлеченности страны в миграционные потоки рабочей силы. По сравнению с другими развитыми государствами Япония традиционно является более закрытой страной, а ее руководство последовательно проводит консервативную политику, направленную на ограничение притока иностранцев в страну. На этом фоне продолжается существенное повышение доли средних и старших возрастов в демографической структуре японского общества. В 2004 г. средний возраст трудоспособных японцев составлял 42 года (1961 г. — 29 лет); в 2003 г. доля лиц старше 65 лет составляла 19,0%, и по оценкам к 2010 г. она составит 22,5%, а к 2050 — 35,7%. С 2007 г. в стране ожидается снижение абсолютной численности населения.

На этом фоне закономерным выглядит наблюдаемый в последние несколько лет рост иностранной рабочей силы в Японии. Увеличению числа иностранцев, проживающих в Японии на постоянной основе, способствует либерализация иммиграционного законодательства. Действующий в настоящее время “Закон о контроле над въездом и выездом” (статьи 2, 19 и приложение 1,2) и нормативные акты Министерства юстиции устанавливают 28 статусов пребывания в Японии иностранных граждан. Нормативные акты определяют условия получения разрешения на въезд в страну и сроки пребывания иностранных граждан в зависимости от значимости их деятельности для Японии.

В последние годы отмечается усиление притока граждан КНР, государств ЮВА, а также стран Латинской Америки. Несмотря на растущее число зарегистрированных в Японии иностранцев, они составляют немногим более 1,0% от общей численности населения страны. Среди представителей политических, деловых и научных кругов активно обсуждается необходимость более широкого допуска в страну иностранной рабочей силы. Причем речь идет как о работниках с низкой квалификацией, поскольку молодые японцы все менее охотно идут на тяжелые и “грязные” виды работ, так и высококвалифицированных специалистов, например, программистов, так как Япония отстает от ряда других стран в сфере их подготовки.

Другим негативным фактором продолжал оставаться рост цен на нефть на мировых рынках. Во второй половине года негативное воздействие повышения мировых цен на нефть на прибыли в корпоративном секторе стало особенно ощутимым. Среди наиболее уязвимых отраслей экономики, являющихся наиболее крупными потребителями нефти — сталелитейная и химическая.

Еще одним фактором, оказывавшим ощутимое влияние на развитие экономики Японии, стал рост курса доллара к иене. Снижение курса иены к доллару США, с одной стороны уменьшает стоимость японских товаров при их

экспорте, который является важным источником оживления японской экономики. С другой — данный процесс удорожает ряд товарных позиций японского импорта, усиливая тем самым инфляционное давление на японскую экономику.

Вместе с тем, прогнозные оценки развития экономики в 2006 г. носят достаточно оптимистический характер. По оценке канцелярии премьер-министра, рост реального ВВП в 2006 фин.г. составит 1,9%, номинального ВВП — 2,0% (по оценкам ОЭСР — 2,0%, МВФ — 2%). Основными факторами экономического роста, как ожидается, станут потребительский спрос и инвестиции в машины и оборудование, которые, по оценке правительства, в 2006 фин.г. обеспечат в совокупности 1,7% роста реального ВВП.

Что касается внешних факторов развития, то наиболее значимыми на ближайшую перспективу являются спрос на японскую продукцию, прежде всего, основными странами-партнерами — Китаем и США. Согласно прогнозам ОЭСР относительно развития экономик Китая и США, на которые приходится более 35% товарооборота Японии, реальный ВВП Китая в 2006 г. вырастет на 9,4%, а США — на 3,5%.

Внешняя политика. Во внешнеполитическом плане в 2005 г. правительство Дз. Коидзуми продолжало выстраивать стратегию, направленную на “приведение в соответствие” экономической мощи Японии с ее политическим влиянием в мире в целом. В рамках этой стратегии высшее руководство страны принимало самое активное участие во всех международных саммитах, выступало с инициативой создания новых глобальных и региональных механизмов, призванных регулировать всеобъемлющие процессы глобализирующегося мира. Япония продолжала оказание тыловой поддержки войскам США и НАТО в рамках международной антитеррористической операции в Афганистане, японский воинский контингент продолжал оставаться в Ираке с целью оказания помощи в “построении демократического государства”, японская делегация заняла активную антиядерную позицию на юбилейной международной конференции по нераспространению ядерного оружия, Токио выступил одним из инициаторов проведения в декабре 2005 г. первого саммита Восточноазиатского сообщества (15 стран Восточной Азии).

Однако самой важной внешнеполитической задачей правительства Коидзуми в 2005 г. было получение места постоянного члена Совета безопасности (СБ) ООН в рамках реформирования ООН в 60-летнюю годовщину образования этой международной организации. Руководство страны и лидеры всех политических партий неоднократно выступали с заявлениями о том, что членство Японии в СБ ООН — приоритетная внешнеполитическая цель Японии в 2005 г. Для достижения данной цели Япония разработала стратегию и приняла серию практических шагов: была объявлена программа борьбы с голодом в Африке (500 млн долл., цель — заручиться поддержкой 53 африканских стран), проведена серия консультаций с основными претендентами на места постоянных членов СБ (Германия, Индия, Бразилия) и выработана совместная резолюция и др. Однако все действия Япония завершились неудачей: против активно выступили Китай, Республика Корея и другие азиатские страны, не оправдали надежд африканские страны. США, которые на словах всячески заверяли японскую сторону в своей поддержке ее “справедливых требований”, на деле, по сути, заблокировали все попытки Японии стать членом СБ, заявив, что “не следует торопиться” с реформой ООН, необходимо “все тщательно проработать”. Таким образом, главная внешнеполитическая цель Японии в 2005 г. не была достигнута.

Вместе с тем неуспех Японии был, фактически, запрограммирован в силу целого ряда обстоятельств развития отношений Токио с региональными государствами.

Большой внешнеполитической проблемой в 2005 г. продолжало оставаться нежелание японского руководства “дать адекватную оценку” историче-

скому прошлому во взаимоотношениях с региональными странами. “Вызывающие” визиты японского премьер-министра в синтоистский храм Ясукуни, олицетворяемый в регионе как символ японского милитаризма, стали фактором постоянных дипломатических конфликтов между Японией и странами Восточной Азии, которые однозначно оценивают эти визиты как попытки Токио “откровенно пересмотреть историю” и оправдать агрессивные войны с участием Японии в XIX — XX вв. В 2005 г. отказ Токио признать факт преступлений японских милитаристов в Китае, Корее, Индонезии и других странах Азии привел к массовым антияпонским демонстрациям в регионе, участники которых выражали возмущение намерением Японии получить место постоянного члена СБ ООН, несмотря на то, что правительство Японии “не выразило покаяния за агрессию и преступления Японии в Азии в 30-40 годы прошлого века”. Эти протесты побудили премьер-министра Дз. Коидзуми на саммите афроазиатских государств в Джакарте в мае 2005 г. выступить “со смирением и чувством глубокого раскаяния” и признать, что “в годы оккупации Япония причинила огромный ущерб и страдания народам многих стран”. (Это было вторым официальным извинением Токио — первое было сделано в 1995 г. тогдашним премьер-министром Т. Мураяма).

“Исторические конфликты” усугублялись территориальными спорами Японии с соседними государствами. В новую стадию вступил многолетний спор между Японией и Республикой Корея, которую поддерживает КНДР, по проблеме принадлежности островов Токдо (японское название Такэсима). По инициативе законодателей японской префектуры Симанэ день 23 февраля был объявлен “Днем Такэсима” (по аналогии с “Днем северных территорий”, объявленным в рамках территориальных претензий Японии к СССР 7 февраля 1980 г.). Демарш префектуральных законодателей не был поддержан, но и не был осужден центральными властями. Тем не менее, двусторонние отношения серьезно обострились: были прерваны переговоры Японии и Республики Корея о создании зоны свободной торговли, отменен визит в Японию министра иностранных дел и внешней торговли Пан Ги Муна. Территориальная проблема в японо-корейских отношениях в близкой перспективе не имеет шансов на разрешение, и она будет продолжать серьезно осложнять политические контакты между Токио и Сеулом.

Важное место во внешней политике Японии в 2005 г. занимали двусторонние отношения с ведущими державами региона.

Цели Японии в отношении путей и форм развития отношений с *Россией* были определены в выступлении премьер-министра Дз. Коидзуми 21 января 2005 г. на 162 сессии парламента. Подчеркнув стремление Токио к “углублению отношений доверия с Россией и сотрудничеству с нею во многих областях”, японский лидер одновременно выразил твердую решимость своего правительства “не отходить от прежней позиции в споре о Южных Курилах”. Такой курс в отношении России выдерживался в течение всего года.

Проблема территориальных претензий к России составила основную канву мероприятий в связи со 150-летней годовщиной подписания российско-японского Договора о торговле и границах 7 февраля 1855 г. в г. Симода. Уже в январе министр иностранных дел открыто заявил, что “суверенитет над северными территориями (Южнокурильские острова) принадлежит Японии”. В марте нижняя палата, а затем и палата советников, единогласно приняли резолюцию по поводу 150-летней годовщины, в которой содержалось требование к правительству активизировать переговоры с Москвой о заключении мирного договора, “разрешив проблему принадлежности островов Хабомаи, Шикотана, а также Кунашира и Итурупа и других северных территорий”. (“Другие северные территории” появились в японском реестре впервые). Принципиальная позиция Японии заключалась в том, что японская сторона подпишет мирный

Главным событием в двусторонних отношениях стал официальный визит Президента В.Путина в Японию 20-22 ноября 2005 г. Визит главы России в Японию на фоне резкого обострения политических отношений Токио с Пекином и Сеулом, по сути, “спас лицо Коидзуми”, как политического деятеля. Впервые “российский десант” включал более 150 представителей крупного российского бизнеса, что демонстрировало готовность российской стороны к расширению взаимовыгодных экономических связей. Во время визита было подписано 12 межгосударственных соглашений о сотрудничестве в экономике, науке и технике, культуре.

Обращают на себя внимание и политические результаты визита. В преддверие встречи в Токио в сентябре Президент В.Путин в прямом телеэфире заявил, что “четыре Курильских острова находятся под суверенитетом РФ”, это стало результатом Второй мировой войны и “закреплено международным правом” и “в этой части мы ничего не собираемся обсуждать”. Кроме того, отказ российской стороны подписывать по итогам визита политическое заявление было расценено наблюдателями как “отказ Москвы от Токийской декларации”. Все это заставило японского премьер-министра призвать “сложность проблемы”, которую “необходимо решать путем переговоров”, поскольку “у России есть собственная точка зрения” по этому вопросу. По оценкам наблюдателей, тем самым японская сторона осознала бесперспективность скорого урегулирования проблемы “северных территорий” за счет одностороннего прессинга.

Несмотря на жесткое противостояние по проблеме японских территориальных притязаний, российско-японские отношения во всем остальном развивались достаточно динамично во всех сферах — дипломатической, политической, научно-технической, культурной. Довольно быстрыми темпами развиваются экономические связи. В 2005 г. доля Японии в общей сумме иностранных инвестиций в России поднялась с 2,8% (2003 г.) до 5,2%. По оценкам экспертов, японские деловые круги ставят Россию на 6-е место в мире по степени привлекательности инвестиций в среднесрочной перспективе. К августу 2005 г. число японских компаний, которые имеют представительства или дочерние фирмы в России, выросло по сравнению с периодом в 15 предыдущих месяцев на 40%. Постоянный характер носит динамика роста товарооборота. За 2004 фин. г. он вырос на 35% в сравнении с предшествующим годом и составил 983,4 млрд иен (более 9 млрд долл.), а в 2005 г., по предварительным данным, составит более 10 млрд долл. В Россию “пошел большой капитал” — корпорация “Тоёта” начала строительство автозавода, другой крупнейший японский автоконцерн “Нисан” также заявил о готовности разместить свое предприятие в России. Крупный японский бизнес в течение года продолжал вести переговоры с российской стороной об участии в строительстве нефтепровода Восточная Сибирь — Тихий океан.

Отношения Японии с *Соединенными Штатами* в 2005 г. продолжали базироваться на двустороннем военно-политическом союзе, который по-прежнему играет важнейшую роль в обеспечении национальной безопасности Японии. В декабре 2005 г. на встрече в Киото глав обоих государств премьер-министр Японии Дз. Коидзуми заявил, что “значимость японо-американских отношений остается неизменной, так было, есть и будет”, а президент Дж. Буш, со своей стороны, назвал союз с Японией “опорой стабильности и безопасности в азиатском регионе”. Эти слова нашли отражение на заседании американо-японского комитета по вопросам безопасности с участием руководителей внешнеполитических и военных ведомств каждой из стран (2+2) в феврале в Вашингтоне. В совместном заявлении были отражены задачи и цели союза: необходимость нормализации положения на Корейском полуострове и урегулирование проблем, связанных с ядерной и ракетной программами КНДР, взаимодействие между США и Японией в развертывании структуры ПРО ТВД. Впервые было подчеркнуто, что в сферу “ответственности” союза входит обес-

печение безопасности “в районе Тайваньского пролива”, что было расценено китайской стороной, как “вмешательство во внутренние дела КНР”.

Важной проблемой двусторонних отношений была проблема передислокации американских баз на территории Японии и вывода 8 тыс. морских пехотинцев армии США на Гавайские острова, а так же роль и место Японии в реализации этой части глобального плана США по реструктуризации передового базирования с целью усиления военного потенциала в зоне Тихого океана. США настаивали на активном финансовом участии Японии в реализации этих планов и оплате ею большей части расходов по передислокации своих воинских контингентов. Переговоры шли очень трудно в силу отказа Японии брать на себя “непосильное финансовое бремя” и закончились в первой половине 2006 г. достижением соглашения.

В торгово-экономической области наиболее сложной проблемой оставалась проблема открытия японского рынка для американской говядины, который был закрыт в 2002 г. в связи с заболеванием в США скота трубчатым энцефалитом. Переговоры протекали весьма сложно, но США так и не добились положительных для себя результатов.

Отношения Японии с *Китаем* в 2005 г. продолжали строиться по формуле “горячо в экономике, холодно в политике”. Китай стал главным торговым партнером Японии, японский частный капитал продолжал расширять свое присутствие на китайском рынке, активно используя тактику переноса “ненужного” в Японии производства на территорию соседнего государства. Только в одном Шанхае имеют свое представительство свыше 500 японских крупных и средних компаний.

Вместе с тем, Китай во все большей степени становится главным экономическим конкурентом Японии на мировых рынках. Этот факт обусловил пересмотр японским правительством своей экономической политики в отношении КНР. В марте было объявлено о резком сокращении и полном прекращении к 2008 г. официальной помощи развитию (ОПР) для Китая.

Во многом прекращение финансирования КНР по линии ОПР обусловлено не столько экономическими, сколько военно-стратегическими соображениями. В Японии считают, что экономическая помощь используется Пекином для наращивания своего военного потенциала. В “Белой книге по обороне” за 2005 г. Управления обороны (УО) Японии особо выделяются высокие темпы наращивания военного потенциала Китая. В частности, констатируется, что в течение длительного периода рост расходов на оборону держится в Китае на уровне свыше 10%. Одновременно подчеркивается, что официально публикуемые китайской стороной данные о размерах военного бюджета — “не более, чем часть реальных расходов”. Особое беспокойство у японской стороны вызывает отсутствие “прозрачности в сфере оборонной политики и вооружений”.

Все это на фоне обострения политических взаимоотношений обусловило открытые заявления высокопоставленных японских политиков о том, что Китай является источником военной угрозы. В принятых в конце 2004 г. “Основных направлениях программы национальной обороны Японии” Китай впервые назван в качестве “потенциальной угрозы” безопасности страны. В дополнение к подобным заявлениям, японская сторона стала предпринимать и конкретные “оборонительные” шаги. В 2005 г. продолжилось усиление группировки сил самообороны Японии на западе страны. В августе 2005 г. Япония и США провели в префектуре Кумамото первые совместные командно-штабные учения “Яма-сакура” (“Горная вишня”) по отражению нападений на удаленные острова Японского архипелага. Китай как угроза не назывался, но явно подразумевался. Помимо командно-штабных учений уже составляются планы проведения совместных тренировок подразделений сухопутных сил самообороны Японии и морских пехотинцев ВС США по защите “дальних островов”.

совместных тренировок подразделений сухопутных сил самообороны Японии и морских пехотинцев ВС США по защите "дальних островов".

Между Токио и Пекином фактически отсутствует конструктивное взаимодействие в политической области. Заблокирован политический диалог, который успешно развивался в 90-е годы. В результате — отсутствует прогресс в разрешении проблем, которые вызывали и продолжают вызывать периодическое обострение отношений: глубокие расхождения в оценке истории взаимоотношений государств, особенно в оценке их военного прошлого, различия в подходах к тайваньскому вопросу, территориальный спор в отношении островов Сэнкаку (Дяоюйдао) и др. Между двумя странами-соседями отсутствует прогресс в преодолении взаимного недоверия.

В 2005 г. напряженность в политических отношениях нарастала. Двум странам никак не удается преодолеть различия в оценке исторического прошлого. Так и не придя к согласию в ходе многолетней полемики вокруг проблемы посещения руководителями Японии синтоистского храма Ясукуни, стороны включились в спор по поводу содержания японских школьных учебников истории. В марте — апреле 2005 г. в ряде китайских городов были организованы масштабные выступления населения под антияпонскими лозунгами, в том числе с призывами не допустить приема Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН. Японские политические круги и общественность чувствительно реагировали на происходившие тогда многочисленные факты вандализма в отношении японских учреждений, предприятий, магазинов.

Рост напряженности был обусловлен появлением новых проблем. В частности весьма "горячей" стала проблема освоения газоносного шельфа в Восточно-Китайском море на стыке исключительных экономических зон Японии и Китая. В этом же районе находится группа островов Сэнкаку, суверенитет над которыми оспаривается Китаем с 1972 г. Китай не признает японского варианта прохождения разделительной линии шельфа и уже начал промышленную добычу газа в спорном районе. Японское правительство, в свою очередь, выдало лицензии японским компаниям на разведку и добычу газа в этом районе. Одновременно японской стороной разрабатываются меры по обеспечению безопасности деятельности японских компаний силами самообороны. В южные районы Японии, куда административно входят спорные морские районы и оспариваемые острова, специально передислоцированы подразделения сил самообороны из состава Северной армии (Хоккайдо).

Развитие политических взаимоотношений между Токио и Пекином в 2005 г. дает основание считать, что будущее японо-китайских отношений во многом будет зависеть от курса Вашингтона в Восточной Азии в условиях возрастания военно-экономического потенциала и политического влияния Китая. Нельзя исключать того, что Япония совместно с США решится противостоять "китайской угрозе". Ряд признаков свидетельствует о том, что нынешнее японское руководство готово далеко зайти в углублении военного сотрудничества с Вашингтоном. В вышеупомянутых "Основных направлениях программы национальной обороны Японии" перечислены проблемы, которые могут стать причиной возникновения открытого столкновения Японии с Китаем: природные ресурсы спорной шельфовой зоны Восточно-Китайского моря, территориальный спор вокруг островов Сэнкаку, поддержка Японией Соединенных Штатов в их конфликте с Китаем из-за Тайваня.

Республика Корея в 2005 году

© 2006

Ким Ен Ун, К. Асмолов, С. Суслина

Экономика

По объему валового внутреннего продукта Республика Корея в 2005 г. вплотную приблизилась к первой десятке развитых стран и вышла на 11-е место в мире, опередив на один пункт Россию. По оценочным данным, ВВП страны приблизился к 800 млрд долл. По предварительным результатам, опубликованным Банком Кореи, рост ВВП за 2005 г. составил 4% (в 2004 г. — 4,6%), рост потребительских цен — 2,3%, рост экспорта — 9,7%, инфляция не превысила уровня 2,7% (прогноз на 2006 г. — 3%), в 2005 г. на 3,2% выросло внутреннее потребление (в 2004 г. отмечался спад в размере 0,5% относительно 2003 г.). В расчете на душу населения ВВП достиг 16 тыс. долл.

Государственный пенсионный фонд Южной Кореи в 2005 г. был шестым в мире среди подобных фондов других стран, и на его счетах находилось 134,9 млрд долл. Среднемесячная зарплата корейских трудящихся выросла на 7%, составив в среднем 2482 долл. в месяц.

Устойчиво-динамичное развитие и качественные изменения, происходящие в послекризисный период (после финансового кризиса 1997-1998 гг.) в южнокорейской экономике, позволяют ее отнести к числу стран, оказывающих заметное влияние на региональные и глобальные процессы в мире. Активно участвуя в крупнейших экономических интеграционных группировках и организациях (ОЭСР, АТЭС, ВТО и др.), РК стремится стать региональным деловым центром Северо-восточной Азии. Это означает, что Южная Корея позиционирует себя как центр логистики (центр морского и воздушного транспорта), центр НИОКР (инновационная кластеризация) и финансово-деловой центр. В прошлом году продолжались встречи в формате "АСЕАН + 3" (КНР, Япония и РК), в ходе которых прорабатываются подходы к реальному финансовому сотрудничеству и проблемы макроэкономического развития стран Восточной Азии. РК была хозяйкой саммита АТЭС 2005 г., состоявшегося в Пусане. В декабре 2005 г. в Сеуле состоялся энергетический форум стран СВА под патронажем корейской стороны, где принимала участие и Россия.

РК довольно успешно строит свою новую экономику — "экономику знаний". В третьем квартале прошлого года вклад промышленного производства сферы информационных технологий (ИТ) в ВВП страны составил 15,6% его общего объема, что на 1,4% выше, чем за аналогичный период 2004 г. Доля ИТ составила 43% во всем корейском экспорте.

Ким Ен Ун, кандидат философских наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Асмолов Константин Валерианович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ РАН.

Суслина Сестлана Серафимовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Южная Корея уже не первый десяток лет числится среди ведущих производителей электроники, информационных технологий и телекоммуникаций, автомобилей, морских судов. В 2005 г. доля компании "Самсунг электроникс" на мировом рынке телевизоров превысила 10% (вторая в мире компания). В 2005 г. РК вышла на пятое место в мире по производству автомашин. За год было произведено 2,7 млн машин, что составило 5,6% мирового выпуска автомобилей. РК продолжала занимать первое место в мире по объему заказов на строительство судов, занимая 42% мирового рынка строительства судов. Она заняла 6-место в мире по числу поданных ею международных заявок на изобретения, следуя за США, Японией, Германией, Францией и Великобританией (Россия находится на 22-м месте).

После пережитого ею финансового кризиса в конце прошлого века страна стремится придерживаться открытой либеральной модели экономического развития, что выражается в ее политике активного участия в мирохозяйственных связях и процессах глобализации и регионализации. Как заявил президент страны Но Му Хен, Южная Корея продолжит открытие своего рынка в областях права, финансов, образования, медицины и кинематографии. Южнокорейское правительство определило еще 10 специальных зон регионального развития и выделило средства на поддержку различных направлений бизнеса в них. Общее количество таких зон в РК составило 41.

2005 г. показал и некоторые тревожные тенденции в развитии экономики. Так, совокупная номинальная операционная прибыль (до выплат дивидендов, уплаты налогов, амортизационных отчислений) всех фирм в 2005 г. выросла всего на 0,5%, что является самым низким показателем с 1970 г. С учетом 2,9% инфляции в 2005 г. это означает фактическое отрицательное значение

2005 г. показал также, что далеко не преодолены последствия кризиса 1997 года. Для общественности стала потрясением информация министерства здравоохранения и социального обеспечения о том, что в стране более семи миллионов человек, т.е. 15% живут за чертой бедности в результате затянувшегося экономического спада, высокого уровня безработицы. Из них 1, 38 млн чел. живут исключительно на социальные пособия от государства¹.

Правительство в целях защиты временных и непостоянных работников предложило парламенту принять закон, по которому эти категории работников после двух лет испытательного срока могут получить статус постоянных работников². В пределах двухлетнего срока работник может быть уволен в любое время. Трудящиеся выступили против законопроекта, усмотрев в нем закрепление правовых норм, которые позволяют снизить социальные гарантии всем трудящимся, т.к. реализация закона позволяет всех работников перевести в эту категорию и резко снизить трудовые права работников. В РК в частном секторе нет понятия трудовой пенсии, поэтому работнику при увольнении выплачивается выходное пособие в размере месячной зарплаты за каждый проработанный в фирме год. Но выходное пособие не выдается, если работник проработал менее одного года. Конфедерация профсоюзов Кореи, объединяющая 800 тыс. работников ключевых отраслей экономики (автомобилестроение, металлургия и металлообработка и др.), объявляла общенациональные забастовки протеста против принятия данного закона. В 2005 г. правительство дважды вынуждено было принимать постановления о принудительном прекращении забастовок работников авиакомпаний. Если учесть, что за всю историю РК такие решения принимались всего два раза (один раз при "диктаторе Пак Чжон Хи", второй раз — при "народном правительстве" Ким Дэ Чжуна), то применение этой принудительной меры два раза за год при "правительстве широкого народного участия" нынешнего Президента Но Му Хена говорит о накале классовой борьбы в стране.

Политика

В 2005 г. продолжалась жесткая политическая борьба между сторонниками левоцентристской коалиции, представленных пропрезидентской правящей партией Еллин Ури и Демократической рабочей партией и сторонниками традиционалистских, консервативных сил, представленных партией Ханнара и Либерально-демократическим союзом. Конфликт обострился до такой степени, что лидер оппозиции даже поставила вопрос о курсе президента Но Му Хена, обвиняя его в отходе от принципов рыночной экономики и либерализма.

Наиболее значительным событием в этой борьбе в 2005 году стала потеря правящей партией Еллин Ури той огромной поддержки, которую она получила на выборах в парламент в апреле 2004 года и в ходе разрешения вопроса об импичменте президенту.

В апреле и в октябре проводились довыборы в парламент и в муниципальные органы власти, на которых избирались десять депутатов парламента взамен лишившихся мандатов из-за нарушений выборного законодательства, а также 16 глав самоуправления уездов и местных представительных органов.

Выборы дали поразительный результат, которого история Республики Корея еще не знала. Ни по одному из 26 округов кандидатам от правящей партии не удалось одержать победу, в том числе и в тех, которые считались ее вотчиной.

Это привело к потере правящей партией большинства в парламенте. Причины таких результатов во многом были вызваны не только противоречивостью задач, которые решало правительство Но Му Хена. В стране одновременно шли кампания по борьбе с коррупцией, реформа социального сектора, пенсионной, налоговой систем, системы образования, борьба против спекуляции недвижимостью и высоких цен на жилье, за сбалансированное развитие регионов страны.

Президенту удалось обходным маневром решить вопрос о переносе большей части правительственных учреждений из Сеула³ и таким образом разгрузить его от сонма чиновников, а также попытаться сбить чрезвычайно высокие цены на жилье.

Но коррупционные скандалы, как и в 2003-2004 годах, продолжали сотрясать общество. В результате крупных скандалов, связанных с неудачной попыткой нефтяной компании, созданной Фондом развития железнодорожного транспорта (структурное подразделение Корпорации железных дорог Южной Кореи), купить российскую нефтяную фирму на Сахалине, принадлежащую компании "Альфа-эко", а также строительства курортного центра на острове Хендам были арестованы заместитель министра строительства и транспорта, заместители руководителей Корпораций железных дорог и дорожного строительства, председатель Комитета инициатив по сотрудничеству в Северо-Восточной Азии при президенте РК, помощник президента по экономическим вопросам. В этих делах оказались замешаны также и депутаты парламента от правящей партии. В результате других подобных скандалов были вынуждены подать в отставку четыре министра и глава национальной комиссии по правам человека Чхе Ен До, а также чиновники рангом ниже, в том числе и из секретариата президента.

Предание огласке фактов массового незаконного прослушивания службой безопасности политических деятелей и представителей крупного бизнеса, проводившиеся в период подготовки к президентским выборам 2002 года⁴ привели к арестам двух бывших руководителей Национальной разведывательной службы и других деятелей рангом ниже, а также к отставке посла РК в США, отстранению от эфира тележурналиста, первым сообщившего об этом⁵.

Лишившись большинства в парламенте, Еллин Ури, хотя она по некоторым вопросам могла рассчитывать на поддержку депутатов Демократической рабочей партии, не смогла решить в свою пользу спор о так называемых "четырёх законопроектах"⁸, вокруг которых схлестнулись политические силы и партии.

Подвергавшийся жесточайшей критике со стороны оппозиции Президент Но Му Хен летом 2005 г. выдвинул идею создания правительства национального единства. Но идея не была реализована, т.к. оппозиция расценила предложение как попытку президента таким путем заставить оппозицию заниматься реализацией подвергаемой ею критике социально-экономической программы президента и, таким образом, фактически ликвидировать оппозицию, заставив ее нести ответственность за чуждую политику.

В политической жизни важное значение также имели оправдание многих деятелей левого движения в 1945-1950 годах, которые ранее во времена Ли Сын Мана были репрессированы как коммунисты и агенты Северной Кореи, а также осужденных, в том числе и казненных, во времена военных диктатур участников демократического движения, которых также объявляли агентами Северной Кореи⁹. В ряду этих событий также история профессора университета Тонгук Кан Чон Гу, который в своих интернет-статьях называл войну 1950-1953 годов гражданской войной за объединение страны, а вмешательство США в нее — помехой благородному делу объединения. Он также называл союз РК с США антинациональным и антиобъединительным, а американского генерала Макартура военным преступником, из-за действий которого война затянулась на три года и привела к гибели огромного числа людей⁴. Министр юстиции депутат от правящей партии Чон Чон Бэ отменил решение прокурора об аресте и допросе профессора.

Исключительно важное значение для развития социально-экономического, семейного, духовного, культурного, да и политического развития южнокорейского общества имело принятое в феврале 2005 года Конституционным судом РК решение об отказе от так называемой системы ходжу⁹.

Важным для страны событием оказалось и "дело" профессора-биолога Хван У Сока. 4 августа 2005 года южнокорейские ученые сообщили о рождении первой в мире клонированной собаки, а затем объявили о сенсационном достижении — первом в мире клонировании эмбриональных стволовых клеток человека. Но впоследствии выяснилось, что информация о клонировании стволовых клеток не соответствует действительности.

Межкорейские отношения

Межкорейские отношения в 2005 г. продемонстрировали как сохраняющиеся сложности и недопонимание между Севером и Югом, так и прогресс, достигнутый после встречи высших руководителей двух стран в июне 2000 года. Начало года характеризовалось полным отсутствием контактов по правительственной линии, вызванной событиями июля 2004 года¹⁰. Были и есть также серьезные разногласия, например, линии морской границы в Западном (Желтом море), по вопросам обмена письмами между родственниками, судьбы военнопленных периода Корейской войны 1950-1953 годов, а также тех людей, которых родственники исчезнувших людей называют похищенными северокорейскими спецслужбами по аналогии с похищенными японцами. Только в мае 2005 г., спустя 11 месяцев, удалось возобновить контакты по правительственной линии.

После возобновления межправительственных контактов отношения двух стран получили сильный импульс для развития. В частности, были проведены определенная координация действий во внешней политике. Так, две страны выступили с единых позиций против претензий Японии на остров Токто, против посещения премьер-министром Японии храма Ясукуни, против по-

пыток пересмотра мирной конституции Японии, против непрекращающихся действий Японии по оправданию своих деяний против Кореи в период колониального господства. Объединенные усилия позволили, наконец, вернуть в 2005 г. в Корею надгробный камень с могилы героя войны против японской интервенции 1592-1598 годов генерала Чон Мун Бу, который был вывезен в Японию во время колониального господства.

В 2005 году с участием представителей правительств обоих государств были проведены фестиваль объединения в Пхеньяне (июнь), общенациональная встреча в Сеуле (август) связи с 60-летием Освобождения Кореи. Северокорейская делегация посетила Национальное кладбище в Сеуле и этот примирительный жест был по достоинству оценен в РК, но, правда, ответного шага, т.е. разрешения южнокорейским делегациям посещать мавзолей Ким Ир Сена, власти РК не сделали. Лидеры двух стран приняли для беседы высокопоставленных посланцев другой страны. Состоялись переговоры между Председателем президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом и Премьер-министром РК Ли Хэ Чханом (апрель, Джакарта). Число жителей Южной Кореи, посетивших КНДР в 2005 году, составило 87023 человека, что больше, чем число жителей Южной Кореи, посетивших Северную Корею за все 50 предыдущих лет, не считая тех, кто совершал туристические поездки в горы Кымгансан.

В 2005 году закончен демонтаж всей системы оборудования для радио-пропаганды через громкоговорители, которые действовали в районе демаркационной линии. Впервые в истории двусторонних отношений КНДР дала разрешение вертолетам РК совершать полеты над демилитаризованной зоной для тушения лесных пожаров в прилегающей зоне (май 2005г.). Вступило в силу межкорейское соглашение о порядке обслуживания коммерческих судов двух стран во время пребывания в портах Севера и Юга (август). Впервые торговому кораблю КНДР было разрешено проследовать через пролив между Корейским полуостровом и о. Чечжудо, а также впервые было разрешено северокорейскому судну укрыться от шторма в порту острова Чечжудо (декабрь). Министерство обороны РК в Белой книге впервые с 1996 года перестал называть КНДР главным военным противником (февраль). Ученые КНДР и РК создали совместный Комитет по созданию словаря корейского языка, в котором будут отражены лексические особенности языка жителей всех регионов Корейского полуострова. Подписано также соглашение об авторских правах (март).

В 2005 году был осуществлен существенный прорыв в межкорейской торговле. Объем двустороннего обмена составил 1 млрд 56 млн долл., увеличившись за год на 51,5%. При этом рост экспорта КНДР составил 31,6%, а экспорта РК — 63,%. Проблемой является несбалансированность, т.к. объем экспорта РК в два раза больше экспорта КНДР.

В межкорейском сотрудничестве возрастает доля совместных экономических проектов. В 2005 году продолжалась реализация трех основных проектов экономического сотрудничества: Кэсонского индустриального комплекса, туристического проекта Кымгансан, соединения железных и автомобильных дорог.

Вклад Кэсонского комплекса в межкорейскую торговлю составил в 2005 г. 176,7 млн, что составляет 16,7% общего объема торговли. В мае 2005 г. впервые продукция одного из предприятий Кэсонского комплекса была экспортирована в Мексику.

На соединение и оснащение железных дорог по линии Кен-ый и Тон-хе было Республикой Корея израсходовано в 2005 г. 126,42 млн долл., что позволило практически закончить подготовку к открытию прямого железнодорожного сообщения Сеул-Пхеньян.

На 10-м раунде заседания Комитета по поддержке межкорейского экономического сотрудничества (9-12 июля 2005 г.) две Кореи решили расширить

экономическое сотрудничество в сферы сельского хозяйства, рыболовства, горнорудной промышленности, науки и техники, а также создать новые туристические маршруты в горы Пэктусан и в г. Кэсон РК продолжала оказывать в 2005 году гуманитарную помощь, объем которой составил 212,54 млн долл., в том числе 123,88 млн по линии правительства РК и 88,66 млн долл. по линии неправительственных организаций. Республика Корея в 2005 году приняла 1387 перебежчиков из Северной Кореи, что на 507 человек меньше, чем в 2004 г.

Продолжались встречи разделенных семей. В 2005 году началась реализация нового проекта встреч разделенных семей — видеовстречи. Можно с полным основанием говорить, что в 2005 г. межкорейские отношения обогатились новым опытом сотрудничества и заложили основы для дальнейшего их развития. Успехи таковы, что министр объединения РК Чон Дон Ен заявил, что Республика Корея и КНДР, вероятно, к 2020 году смогут создать по меньшей мере экономический союз (ноябрь)

Внешняя политика и внешнеэкономическая деятельность

РК, сохраняя стратегическое сотрудничество с США, пыталась проводить более самостоятельную, не идеологизированную, соответствующую национальным интересам, внешнюю политику, позволяющую сохранить мир, смягчить напряженность на Корейском полуострове, поддерживать добрососедские отношения со всеми странами, создавать условия для расширения экономического сотрудничества и расширения рынка для южнокорейских товаров и услуг.

Страна, по объему ВВП занимающая 11-е место в мире, стремится повысить свою роль и решению международных проблем, прежде всего в регионе, в котором находится. Президент Но Му Хен в речи при инаугурации в феврале 2003 года говорил о политике, направленной на то, чтобы РК стала экономическим и финансовым центром Северо-Восточной Азии. В 2005 г. эти заявки Южной Кореи уже вышли в сферу политики. РК решила выставить своего кандидата на должность следующего Генсека ООН. Президент заявил о том, что РК должна быть балансером в международной политике США.

2005 характеризовался активной внешнеполитической деятельностью РК. Так, президент Но Му Хен имел по две встречи с лидерами РФ, КНР, США, встречу с Премьер-министром Японии, президентом Бразилии. Он совершил также визиты в Германию, Турцию, Латинскую Америку (Мексика, Коста-Рика, встреча с лидерами восьми стран-участниц Центральноамериканской интеграционной системы), Юго-Восточную Азию, Узбекистан. Южная Корея принимала крупнейший форум лидеров современного мира — саммит АТЭС (ноябрь). Южная Корея в 2005 году стала местом проведения всемирных энергетической конференции и конференции мэров

Сложно складывались отношения РК с США. Хотя в целом эти отношения построены на стратегическом партнерстве и военном союзе, новые моменты в международной и региональной обстановке побуждают к определенным коррективам отношений. В 2005 году РК обратилась к США с предложением передать ей командование корейскими войсками в военное время¹¹. Сеул также потребовал от США более не разрабатывать секретных планов на случай внутренних беспорядков на Севере. За 2005 год численность американских войск в РК сократилась на 7,5 тыс. человек¹².

В течение 2005 года очень противоречиво развивались отношения с Японией, главным образом из-за претензий Японии на остров Токто и позиции Японии по вопросам истории двухсторонних отношений, посещения премьером Д. Коидзуми храма Ясукуни, попыток Токио пересмотреть свою мирную конституцию с целью повышения роли сил самообороны. Был отменен намечавшийся визит Но Му Хена в Японию, прерваны переговоры об установлении

режима свободной торговли между двумя странами, которые велись с 2003 года и должны были завершиться в 2005 году подписанием соответствующего соглашения. Дело дошло даже до того, что министр иностранных дел РК Пан Ги Мун заявил, что Южная Корея готова пойти на ухудшение отношений с Японией ради защиты своего суверенитета над группой островов Токто¹³.

В течение 2005 года РК демонстрировала подчеркнуто доброжелательное отношение к КНР. Состоялись переговоры президентов и руководителей правительств двух стран. КНР прочно занял первое место среди торговых партнеров РК, намного опережая США. В начале апреля министр обороны РК заявил о намерении Сеула поднять военное сотрудничество с Китаем до такого же уровня, как с Японией.

Внешнеэкономические связи

Важнейшее место в системе внешнеэкономических связей страны занимает **внешняя торговля**. Являясь для Южной Кореи с 1960-х гг. основным генератором ее экономического роста, в последние двадцать лет по своей динамике внешняя торговля в среднем вдвое превосходила темпы прироста ВВП. Это привело к кардинальному изменению положения страны на мировых рынках. Если в 1962 г. ее доля в мировом экспорте составляла всего 0,04%, то в начале 21 в. — уже почти 3%. В 2005 г. Республика Корея занимала 12-ю позицию в перечне крупнейших торговых стран мира (по объему экспорта — 11-ю, а импорта — 12-ю). Внешнеторговая квота Южной Кореи достигает 67% ВВП. Южная Корея преследует цель к 2010 г. войти в восьмерку крупнейших торговых держав мира.

Объем внешней торговли за 2005 г. составил 545,9 млрд долл. (экспорт — 284,7 млрд долл. и импорт — 261,2 млрд долл.). Таким образом, положительное сальдо в торговле товарами составило 23,5 млрд долл., хотя и это ниже показателя 2004 г. в 37,6 млрд долл. На пять ведущих экспортных товаров (полупроводники, автомашины, беспроводное телекоммуникационное оборудование, компьютеры и суда) приходится около половины всего экспорта.

Десятка самых крупных статей импорта занимает более 40% всего его объема. В их число входят: поставки сырой нефти, полупроводников, стального листа, продукция швейной промышленности и др. За счет импорта удовлетворяется до 50% спроса на промышленное оборудование высокой сложности. В 2005 г. на 33,5% возросла стоимость импорта энергетических материалов из-за изменения цен на нефть, газ и другое топливо на мировых рынках и составил 66,7 млрд долл., что равняется 25,5% от общего импорта в страну.

Основными торговыми партнерами РК вплоть до середины 1990-х гг. выступали США и Япония, на которых приходилось до 49% всего южнокорейского экспорта и 51% импорта. В 2005 г. взаимный товарооборот РК и КНР, которая стала самым крупным торговым партнером РК, достиг 111,9 млрд долл. В экспорте РК доля КНР составила 14,6% (Японии — 9%), а в южнокорейском импорте — 11,4% (США — 15%). США и Япония продолжают сохранять свое лидерство как главные поставщики в страну сложного оборудования, новейших технологий и капитала. Вместе с тем, Южная Корея активно продвигается на рынки КНР и стран АСЕАН.

РК накопила значительные валютные резервы, составившие на конец 2005 г. 210 млрд долл., что сохранило за страной четвертое место среди стран — самых крупных держателей валютных резервов мира (Япония — 843,3 млрд долл. Китай — 769 млрд долл. и Тайвань — 251,8 млрд долл.)

В течение 2005 года РК вела с 15 государствами Европы, ЮВА, Латинской Америки, США переговоры об установлении режима свободной торговли.

На долю стран ЮВА приходится 10% внешней торговли РК. С Чили этот режим действует с 2004 г., с Сингапуром — с 2005 г.

РК проявляет большой интерес к группе стран, которые принято называть "БРИК" — Бразилия, Россия, Индия, Китай, чьи экономики демонстрируют в последние годы заметные темпы роста". По итогам 2004 г. экспорт Южной Кореи в эти страны вырос на 41,9 процента.

Отношения РФ и РК

Российско-южнокорейские отношения в политической сфере развиваются довольно динамично. Лидеры наших стран в прошлом году совершили взаимные визиты и провели содержательные переговоры.

Президент Но Му Хен принял участие в торжествах, связанных с 60-летием Победы советского народа в Великой отечественной войне и имел беседу с Президентом РФ В. Путиным. Во время переговоров с В. Путиным в ноябре 2005 г. Но Му Хен высоко оценил роль России в Азиатском регионе: "Россия традиционно играет важную роль в Азии — в экономике и безопасности региона". Он назвал Россию "одной из четырех стран, которые имеют наибольшие перспективы в экономике"¹⁴. Он также выразил благодарность России за ее роль в шестисторонних переговорах по мирному урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова.

В 2005 г. взаимный торговый оборот России и РК по официальным данным достиг почти 8 млрд долл., а в ближайшей перспективе выйдет на уровень 10 млрд долл. Россия имеет положительное сальдо в пределах 1 млрд долл. Вместе с тем обе страны пока не стали друг для друга стратегически важными партнерами. На долю России приходится чуть более 1% южнокорейского экспорта.

Инвестиционное сотрудничество пока не оправдало тех надежд, которые возлагались на него обеими сторонами. Накопленный объем прямых южнокорейских капиталовложений в России составлял в 2005 г. 265 млн долл., российских инвестиций в РК — 11 млн долл.

В ходе визита В. Путина в РК в ноябре 2005 г. был подписан совместный план действий между нашими странами. Документ предусматривает, в частности, взаимодействие в оказании содействия в присоединении России к ВТО, продолжение сотрудничества по объединению Транссиба и Транскорейской железной дороги, совместные разработки в сфере электроэнергетики, включая строительство линии электропередачи между Россией, Северной Кореей и Южной Кореей, освоении космоса. В плане, в частности, указывается возможность отправки на МКС южнокорейского космонавта, хотя сроки такой экспедиции еще не определены.

Россия и Южная Корея намерены развивать взаимодействие в ядерной энергетике, прилагать усилия, чтобы заключить межправительственное соглашение о сотрудничестве по предупреждению, предотвращению и ликвидации незаконного промысла водных биологических ресурсов, подписать соглашение о сотрудничестве в газовой промышленности, которое позволит готовить долгосрочные программы поставок российского природного газа в республику Корея. Президент РФ предложил Южной Корее и КНДР принять участие в прокладке газопровода на Сахалин.

В течение 2005 года состоялись переговоры министров обороны и начальников генеральных штабов, во время которых стороны договорились о совершенствовании военно-технического сотрудничества, об увеличении числа обучающихся в военных вузах России корейских курсантов и офицеров, а также начале обучения в военных вузах РК российских курсантов и офицеров.

Президент В Путин назвал развитие дружественных связей с Южной Кореей "одним из приоритетных направлений российской дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе". Он отметил, что Россия и Республика Корея вышли на "новый высокий уровень отношений — уровень многопланового доверительного партнерства".

1. Chosun ilbo. 12 March 2005.
2. Прямая аналогия с Законом о первом найме, который вызвал в марте-апреле 2006 г. мощные выступления во Франции.
3. В октябре Конституционный суд не нашел нарушения Конституции в решении отправить 12 из 18 министерств (за исключением министерств иностранных дел, обороны, объединения) в создаваемый административный город в 160 км. к югу от Сеула в провинцию Чхунчхон. При этом имелось в виду, что президент, парламент, высшие Суды, аппарат Правительства, премьер остаются в Сеуле, а сам город Сеул исполняет столичные функции.
4. Сохранившиеся на 200 кассетах записи содержали перехват телефонных разговоров, в том числе и ведшихся по мобильным телефонам, более 1800 государственных, политических деятелей и крупных бизнесменов.
5. По законам РК само обнаружение секретных записей является уголовным преступлением.
6. Речь идет о законах о государственной безопасности, о расследовании исторической истины, о средствах массовой информации, о частных школах.
7. Семье реабилитированного не только восстанавливается доброе имя, но и выплачиваются пособия, а их потомкам предоставляются льготы при поступлении в вузы и оплате учебы.
8. Chosun ilbo. 17 October 2005.
9. Эта конфуцианская система предусматривала, что родословная человека, а также все наследственные дела ведутся только по мужской линии. Женщина, выходя замуж, исключалась из своего родового клана, ее дети могли получать только фамилию отца, она не могла претендовать на наследство по линии своей семьи, где она была рождена. Отныне женщины по закону могут не только претендовать на наследство, но и официально возглавлять семьи и семейные кланы // ИТАР-ТАСС. 2005. 3 февраля.
10. Тогда Южная Корея отказалась от ранее обещанного направления делегации ответственности на мероприятия в связи с десятой годовщиной кончины Ким Ир Сена, что было воспринято лидером КНДР Ким Чен Иром как личное оскорбление, а также с большим шумом переправила большое число северокорейских перебежчиков в Южную Корею.
11. До сих пор командование вооруженными силами РК во время военных конфликтов должно было осуществляться командующим американскими войсками в РК.
12. По планам США численность американских войск в РК должна была сократиться за 2005-2007 годы на 12,5 тыс. чел. (с 37,5 до 25 тыс. чел.) // ИТАР-ТАСС. 2005. 28 октября.
13. Korea herald. 8 March 2005.
14. Мы отмечаем интерес РК к группе "БРИК", в которую входит РФ.

КНДР в 2005 году

© 2006

А. Жебин, Р. Савельев, С. Суслина

2005 год прошел в КНДР под знаком подготовки к празднованию двух 60-летних юбилеев — бесменно правящей в стране Трудовой партии Кореи (ТПК), официальной датой создания которой является 10 октября 1945 г., и освобождения Кореи от японского колониального господства (15 августа 1945 г.).

В начале июля были опубликованы совместные призывы ЦК ТПК и Центрального военного комитета ТПК к этим датам, в которых конкретизировались стоящие перед страной задачи, выдвинутые 1 января 2005 г. в совместной новогодней передовой статье трех центральных газет — партийной "Нодон синмун", армейской "Чосон инмингун" и молодежной "Чхоннен чхонви". Основные усилия были сосредоточены на пропаганде тезиса об абсолютной правоте проводившейся на протяжении шести десятилетий политики ТПК, в особенности выдвинутого нынешним руководителем страны Ким Чен Иром курса на придание приоритета военному делу (*сонгун*). Была подчеркнута решимость народа КНДР и ее вооруженных сил и впредь следовать этим курсом, "до конца разделить свою судьбу" с нынешним лидером КНДР.¹ В этом контексте переживаемые страной "беспрецедентные" трудности объяснялись исключительно "происками империалистов", потерей прежних союзников в результате действий "предателей социализма" и стихийными бедствиями середины 90-х годов.

В числе главных достижений проводившейся политики, указывают в Пхеньяне, — создание "самого превосходного" социализма, причем своего, "корейского образца," продемонстрировавшего свою неуязвимость перед лицом "враждебных происков" США. Судя по характеру деятельности Ким Чен Ира, занимающего посты Генерального секретаря ТПК, Председателя Государственного комитета обороны (ГКО) КНДР и Верховного Главнокомандующего Корейской народной армии (КНА), его усилия в минувшем году были сконцентрированы как раз на укреплении обороноспособности страны. Из 131 появлений северокорейского лидера на публике (кстати, самый высокий показатель после смерти Ким Ир Сена в 1994 г.), 70 были связаны с посещением воинских частей и другой подобной активностью, в то время как отмечено всего лишь 19 случаев его "руководства на месте" различными экономическими объектами.

В течение года в КНДР наблюдались признаки дальнейшей стабилизации социально-экономической обстановки. Экономический рост, хотя и довольно скромный, наблюдается уже седьмой год подряд. Этому способствовали неплохой урожай (на 5-10% больше прошлогоднего) и расширение сотрудничест-

Жебин Александр Захарович, кандидат исторических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН.

Савельев Рюальд Васильевич, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

Суслина Светлана Серафимовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ва КНДР с КНР и Республикой Корея, которые в минувшем году стали главными торгово-экономическими партнерами и донорами помощи Пхеньяну.

Благодаря этому КНДР в конце 2005 г. сочла возможным отказаться от гуманитарной помощи, поступавшей в страну по линии Всемирной продовольственной программы (ВПП) и иностранных неправительственных организаций. В Пхеньяне считают, что мировое сообщество должно перейти от предоставления чрезвычайной гуманитарной помощи (в основном — продовольствием), которую получали свыше одной четверти населения КНДР, к т.н. “помощи развитию”, которая способствовала бы наращиванию производственных возможностей аграрного и других секторов экономики страны.²

11 апреля 2005 г. в Пхеньяне прошла третья сессия Верховного Народного Собрания (ВНС) КНДР 11-го созыва. Парламент собрался на 33 дня позже ранее объявленного срока, но причины переноса так и не были обнародованы. Некоторые зарубежные обозреватели объясняли этот шаг драматическим решением КНДР от 10 февраля объявить себя ядерной державой и на неопределенный срок приостановить участие в переговорах по урегулированию ядерной проблемы. На сессии были рассмотрены итоги работы правительства в 2004 г. и его задачи на текущий год, а также одобрены результаты исполнения бюджета за 2004 г. и принят бюджет на 2005 год. Заседания высшего органа законодательной власти в КНДР проводятся один раз в году и длятся, как правило, один, редко — два дня.

На состоявшейся ровно год спустя, 11 апреля 2006 г. очередной, 4-й сессии ВНС КНДР 11-го созыва, также уложившейся в один день, были подведены итоги работы правительства в 2005 г. и исполнения бюджета за 2005 г., утвержден бюджет на 2006 год.

Каких-либо абсолютных показателей состояния экономики и социальной сферы на обеих сессиях не приводилось. Не публиковались таковые и по итогам 2005 г., что соответствует принятому еще в конце 60-х годов прошлого века решению прекратить обнародование каких-либо систематизированных официальных статистических данных о стране и ее населении. Однако сравнение некоторых бюджетных показателей, запланированных на 2005 г. с отчетными, приведенными в апреле 2006 г., дает некоторое представление о развитии экономики.

Бюджет на 2005 г. был утвержден по доходам на 15,1, а по расходам — на 11,4% больше предыдущего года. В апреле 2006 г. было сообщено, что по доходам бюджет был выполнен на 100,8%, т. е. на деле его доходная часть возросла на 16,1%, а по расходам — на 104,4 % по сравнению с запланированным уровнем.³ Наибольший прирост ассигнований — на 29,1% по сравнению с 2004 г. — должен был получить аграрный сектор, от результатов работы которого во многом зависело настроение людей в дни юбилейных празднований. На деле ассигнования в эту сферу экономики выросли на 32,5%.⁴ Расходы на развитие науки и техники выросли на 14,7%, на социальные программы, образование и медицину — на 10,3%.

Ассигнования на оборону составили, как и было запланировано, 15,9% расходной части бюджета по сравнению с 15,6% в 2004 году.⁵ Однако учитывая то обстоятельство, что расходная часть бюджета была увеличена по сравнению с запланированной на указанные выше 4,4%, в действительности расходы на оборону в абсолютных показателях оказались также большими, чем предполагалось.

Выступая перед депутатами, Председатель Кабинета министров Пак Пон Чжу выделил следующие приоритетные направления деятельности правительства на 2005 г. — кардинальное решение продовольственной проблемы, реконструкция и модернизация экономики “в соответствии с требованиями нового столетия” и достижение одновременно с этим увеличения выпуска промышленной продукции на имеющейся производственной базе.⁶

В сельском хозяйстве, которое было названо "главным фронтом социалистического строительства", намеченных целей предполагается добиться за счет выведения новых высокоурожайных сортов сельхозкультур, сбора двух урожаев в год, а также достижения "решающего поворота" в области картофелеводства.

Наиболее острую проблему — энергетическую — предложено решать за счет ускоренного сооружения крупных и небольших ГЭС и геотермальных электростанций. К их возведению планируется привлечь отдельные армейские подразделения, хорошо зарекомендовавшие себя на строительстве энергетических объектов.⁷

Отчитываясь о работе правительства в 2005 г., Пак Пон Чжу на апрельской сессии 2006 г. сообщил некоторые показатели, которые, по его мнению, позволяют сделать вывод о том, что минувший год оказался наиболее успешным за последние несколько лет. По сравнению с 2004 г. производство электроэнергии выросло на 11%, добыча угля — на 10%. Было завершено строительство, реконструкция и модернизация свыше 130 народнохозяйственных объектов. Успешно решены свыше 1050 научно-технических задач, в том числе включенных в государственный план. Все успехи, достигнутые в 2005 г. в "экономическом и культурном строительстве, указал глава кабинета, — стали блестящими плодами испытанного руководства партии".⁸

С лета 2002 г. в КНДР осуществляются т.н. "государственные мероприятия" в области экономики (термин "реформа" предпочитают не употреблять). Они затронули все стороны социально-экономической жизни страны: систему ценообразования и оплаты труда, промышленность, сельское хозяйство, валютно-финансовую сферу, сектор услуг. Главная цель заключалась в том, чтобы в условиях узкой ресурсной базы и ограниченных возможностей государства создать дополнительные стимулы для развития материального производства и улучшения материального положения населения, не выходя при этом за рамки "принципов социалистического хозяйствования."

В области управления экономикой основной упор сделан на перераспределении полномочий между центром и регионами, сокращении сферы прямого участия государства в экономической деятельности. Государство оставляет под своим контролем базовые отрасли промышленности, транспорт, энергетику, которые в первую очередь получают необходимые финансовые и материальные ресурсы.

Подтверждено, что главным критерием успешной экономической деятельности остается принцип "практической выгоды", т.е. обеспечение прибыльности производства. Плановые показатели по основным видам продукции остаются лишь для предприятий центрального подчинения. Большинство хозяйствующих субъектов обязаны выплачивать только установленные отчисления в госбюджет.

По оценкам, в 2005 г. ВВП КНДР по паритету покупательной способности валют (ППС) составил около 40 млрд долл., а темп прироста — около двух процентов. ВВП в расчете на душу населения (по ППС) достиг 1700 долл. Эти показатели примерно вдвое выше оценок, приводимых министерством национального объединения РК при сравнении экономических потенциалов Севера и Юга Кореи. По структуре ВВП КНДР является индустриально-аграрным государством. В промышленности создается 33,8% ВВП, в сельском хозяйстве — 20,2%, в секторе услуг — 36%. Экономически активное население составляет 9,6 млн чел. при общей численности населения 23 млн человек. В аграрном секторе экономики трудится 36 %, в промышленности и сфере услуг — 64 % от общего числа занятых.

Внешнеторговый оборот КНДР в 2005 г. составил, по оценкам, около 4 млрд долларов. Крупнейшие торговые партнеры: КНР (1,58 млрд долл.), РК (1,056 млрд долл.). Торговля с Японией за последние 5 лет сократилась более чем в 6 раз и составила в 2005 г. 195 млн долларов.

Свидетельством стремления расширить круг внешнеторговых партнеров стало проведение в октябре 2005 г. в Пхеньяне, в дополнение к ставшей уже традиционной майской, еще одной международной торговой ярмарки. Доминировали на ней китайские компании, были также представлены фирмы Великобритании, Италии, Нидерландов, ФРГ, Швейцарии, ряда стран АСЕАН. Российские компании вот уже на протяжении ряда лет к таким мероприятиям в Пхеньяне интереса не проявляют.⁹

В 2005 г. властям удалось обеспечить политическую и социальную стабильность в стране. Полный контроль государства над всеми без исключения печатными и электронными СМИ, категорическое неприятие идей “плюрализма” и “многопартийности” блокируют появление организационно оформленных партий, движений и других группировок, могущих предложить лозунги и ценности, отличные от официальных и начать открытую борьбу за власть.

Значительные усилия прилагались для того, чтобы не допустить проникновения в страну той информации, которую власти считали несовместимой с “революционными традициями” и “здоровым”, “социалистическим образом жизни”.¹⁰ В первую очередь это касалось иностранных видеофильмов и литературы, которые нелегально ввозились через северо-восточные провинции Китая. Продолжались кампании против проявлений “ненормального образа жизни” — длинных причесок, увлечения продуктами иностранного производства, одежды, не отвечающей “национальным традициям” и т.п.

Состав высшего эшелона политической элиты практически не изменился. В ближайшее окружение Ким Чен Ира входили генералы армии Пак Чэ Ген, Хен Чхоль Хэ, Ли Мен Су, секретари ЦК ТПК Ким Гук Тхэ и Ким Ги Нам, первый заместитель министра иностранных дел КНДР Кан Сок Чу, несколько первых заместителей заведующих отделами ЦК ТПК. Единственной крупной потерей стала кончина в октябре на 73-м году жизни Ен Хен Мука — кандидата в члены Политбюро ЦК ТПК, заместителя Председателя ГКО КНДР, пользовавшегося особым доверием Ким Чен Ира.

В идеологической работе за традиционной социалистической фразеологией все яснее просматривалась тенденция апеллировать не столько к классовой сознательности, сколько к пан-национальным настроениям корейцев, перед которыми поставлена задача построения в ближайшем будущем т.н. “могучей и процветающей державы” — общего дома всей корейской нации.

Острая нехватка внутренних накоплений для модернизации экономики вынуждала власти прибегать к испытанным методам обеспечения экономического роста за счет интенсификации идеологических кампаний, особенно среди молодежи, принудительного перераспределения трудовых ресурсов (направления крупных партий “демобилизованных” военнослужащих в некоторые районы, отрасли и на предприятия) и других средств внешнеэкономического принуждения.

К числу мероприятий по массовой мобилизации можно отнести слет “генерального марша сонгунской революции” (февраль), 3-й всекорейский съезд матерей (ноябрь), съезд активистов профсоюзов (декабрь)

Более заметными стали признаки усиления социального расслоения, в первую очередь в крупных городах. Растущая стоимость жизни в них заставляет предположить, что все большая часть доходов горожан образуется не из оплаты труда в сфере государственного производства, управления и обслуживания, а за счет коллективной или индивидуальной предприимчивости, не всегда находящейся в рамках закона. Широкое распространение получила практика неформальных, реализуемых вне поля госрегулирования, связей между субъектами хозяйственной деятельности, иными словами — “теневая экономика” и сопутствующие ей явления. Отражением обеспокоенности властей состоянием правопорядка и законности стало проведение республиканских съездов работников прокуратуры и суда (ноябрь) и активистов народной безопасности (декабрь).

Наблюдается рост инфляции. Устойчиво функционирует "черный" валютный рынок, на котором курс национальной валюты опустился к концу 2005 г. до уровня в 3000 вон за один доллар США, что почти в 20 раз ниже официального.

В целях усиления государственного контроля и обеспечения социальной стабильности в 2005 г. приняты ряд мер по возврату к системе нормированного снабжения населения продовольствием, прежде всего рисом. С тем, чтобы не допустить роста социальной напряженности власти пока не идут на полное свертывание рыночной торговли и восстановление прежнего жесткого режима передвигания по стране, хотя определенные шаги в этом отношении предпринимаются.

В области межкорейских отношений неуклонное их продвижение в торгово-экономической сфере проходило в обстановке сохраняющихся довольно острых политических противоречий между правящими элитами обеих частей Кореи, которые приводили к паузам в диалоге и вспышкам пропагандистских войн. Главным требованием Пхеньяна к Сеулу был отказ от сотрудничества с "внешними силами" (т.е. прежде всего с США) в решении проблем полуострова.

В 2005 г. стороны возобновили политические контакты, прерванные в 2004 г. из-за отказа официального Сеула выразить соболезнования по случаю 10-й годовщины со дня кончины Ким Ир Сена. Были продолжены переговоры на уровне министров (15-й раунд состоялся 21-24 июня в Сеуле, 16-й раунд - 14-16 сентября в Пхеньяне, 17-й раунд - 13-16 декабря на о.Чечжудо). Министр по делам национального объединения РК Чон Дон Ен в качестве специального представителя президента РК Но Му Хена в июне 2005 г. посетил Пхеньян по случаю 5-й годовщины межкорейского саммита и был принят Ким Чен Иром.

В свою очередь, официальная делегация КНДР во главе с секретарем ЦК ТПК Ким Ги Намом приняла участие в мероприятиях по случаю 60-летия освобождения Кореи от японского колониального владычества, которые проходили в Южной Корее. Делегация была принята Президентом РК Но Му Хеном. В Сеуле представители КНДР пошли на беспрецедентный шаг - впервые в истории межкорейских отношений они посетили национальное кладбище в Сеуле, где похоронены не только борцы за независимость Кореи от японского колониального господства, но и южнокорейцы, павшие в боях против северокорейцев в годы Корейской войны 1950-1953 гг.

Сделано это было не без определенного расчета - взамен КНДР стала настаивать на том, чтобы южнокорейским делегациям и отдельным представителям, приезжающим в Пхеньян, было разрешено посещать мавзолей Ким Ир Сена. Пока этот вопрос не решен. Но в качестве ответного жеста впервые в истории межкорейских отношений РК направила официальные соболезнования по случаю кончины видного партийного и государственного деятеля КНДР заместителя председателя ГКО КНДР Ен Хен Мука.

Продолжались контакты по линии Обществ Красного Креста, состоялась 12-я встреча членов разделенных из-за раскола страны семей. Кроме того, по случаю 60-летия освобождения Кореи впервые в истории межкорейских отношений был проведен телемост (видеоконференция) между такими родственниками на Севере и Юге.

В Пханмунчжоме состоялись военные переговоры Севера и Юга на рабочем уровне. В августе была открыта прямая линия "горячей связи" между военными властями КНДР и РК.

Продолжились заседания Комитета по содействию межкорейскому экономическому сотрудничеству (10-е заседание состоялось 9-13 июля в Сеуле, 11-е прошло 28 октября в Кэсонской промзоне). В июле 2005 г. Президиум ВНС КНДР впервые одобрил закон о межкорейском экономическом сотрудничестве. Повышен статус специального комитета, который занимается такими вопросами: теперь он подчинен непосредственно Кабинету министров КНДР.

Стороны завершили соединение железных дорог, однако пробный пробег поездов откладывается с октября 2005 года. В рамках межкорейского сот-

рудничества продолжают работы по созданию южнокорейского промышленного парка на территории КНДР недалеко от военно-демаркационной линии между Севером и Югом в районе г. Кэсон. В марте государственная электрическая корпорация РК начала поставки электроэнергии в эту зону. В октябре в зоне начал работу совместный орган КНДР и РК, в задачу которого входит содействие экономическому сотрудничеству между сторонами. Продолжала, хотя и не без трудностей, функционировать специальная туристическая зона для южнокорейцев. (В годах Кымгансан на восточном побережье КНДР.).

В течение года Север и Юг Кореи постепенно расширяли свое взаимодействие, открывая для него все новые сферы. РК оказала КНДР помощь в борьбе против птичьего гриппа. В апреле власти КНДР вернула в РК южнокорейского рыбака и его судно, на котором он перебежал на Север. В августе КНДР впервые посетила делегация южнокорейской политической партии, причем оппозиционной — Демократической партии труда. В том же месяце начались турпоездки южнокорейцев в Кэсон. Были подписаны соглашения о сотрудничестве в области сельского хозяйства и рыболовства.

Объем торговли между КНДР и РК в 2005 г. составил свыше 1,056 млрд долл. (в 2004 г. — 697 млн долл.). В 2005 г. объем гуманитарной помощи, оказанной Югом Северу, составил около 209 млн долл. (в 2004 г. — 197,5 млн долл.).

В целом межкорейские отношения обрели свою собственную динамику, особенно в сфере торгово-экономического сотрудничества, выйдя на уровень, который делает их полный откат к положению, существовавшему до 2000 г., практически невозможным.

Международное положение КНДР оставалось довольно сложным несмотря на то, что к концу 2005 г. КНДР поддерживала дипломатические отношения со 158 странами мира, а также Евросоюзом, состояла членом более 250 международных организаций. Из крупных стран Запада межгосударственные отношения не нормализованы только с США, Японией и Францией (в последней с конца 70-х годов действует генеральное представительство КНДР).

Неурегулированность ядерной проблемы в течение всего минувшего года негативно влияла на отношения КНДР со странами Запада, затрудняла процесс “встраивания” Пхеньяна в современную международную жизнь.

Заявленная с началом второго срока нахождения у власти нацеленность администрации Дж.Буша на продвижение демократии и борьбу с “форпостами тирании” была воспринята северокорейским руководством как прямая угроза существованию режима.

Ответом на этот курс стало опубликование 10 февраля 2005 г. заявления представителя МИД КНДР о бессрочной приостановке участия в шедших с августа 2003 г. шестисторонних переговорах по ядерной проблеме и намерении КНДР наращивать свой ядерный арсенал. Документ был воспринят как официальная заявка Пхеньяна на присоединение к ядерному клубу.

Одновременно в Пхеньяне уделили особое внимание разъяснению своей позиции среди американских законодателей, а также представителей ведущих американских СМИ. Среди первых в КНДР в течение 2005 г. побывали конгрессмен Т.Лантес (8-11 января), группы конгрессменов во главе с К.Уэлдоном (11-14 января) и во главе с председателем подкомитета по делам АТР Комитета по международным отношениям палаты представителей Дж.Личем (август-сентябрь). К этой же категории можно отнести визит в КНДР 17-20 октября бывшего конгрессмена, а ныне губернатора штата Нью-Мексико Б.Ричардсона. Среди вторых стоит отметить главу издательства “Нью-Йорк таймс” А.Шульцбергера (июль), президента фонда Тернера Т.Тернера (август), издателя газеты “Вашингтон таймс” Чу Дон Муна (август), которого принял Ким Чен Ир.

Потребовались терпеливые и вместе с тем настойчивые усилия России, КНР, Республики Корея и ряда других стран для того, чтобы добиться возобновления переговорного процесса.

Наибольшую активность, как хозяин переговоров, проявил Пекин, который задействовал весь арсенал имеющихся у него рычагов в **северокорейско-китайских отношениях**. После февральского демарша Пхеньяна китайцы сообщили о переносе намечавшегося на весну 2005 г. визита Ху Цзинтао в КНДР. Вместо него уговаривать северокорейцев вернуться за стол переговоров в Пхеньян приезжали заведующий отделом международных связей ЦК ТПК Ван Цзяжуй (19-22 февраля) и член Госсовета КНР Тан Цзясюань как спецпредставитель Председателя КНР (12-14 июля). Оба китайских представителя имели встречи с Ким Чен Иром, который пообещал вернуться за стол переговоров, как только для этого будут созданы условия.¹¹ В свою очередь первый заместитель министра иностранных дел КНДР Кан Сок Чу обсуждал проблемы, связанные с возобновлением переговоров в ходе визита 2-5 апреля в КНР.

Как это уже не раз случалось прежде, наиболее действенными стимулами оказались экономические. 15-19 марта в Пекине состоялось 1-е заседание вновь созданной корейско-китайской комиссии по экономике, торговле, науке и технике. 22-27 марта КНР с официальным визитом посетил Председатель кабинета министров КНДР Пак Пон Чжу. В ходе визита было подписано соглашение о поощрении и защите инвестиций.

В результате в июле-августе и в сентябре 2005 г в Пекине прошли две сессии четвертого раунда шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове.

Интенсивные контакты между КНДР и КНР на высоком уровне были продолжены в конце 2005 года. В начале октября правительственная делегация КНР во главе с заместителем премьера Госсовета КНР У И приняла участие в торжествах по случаю 60-летия создания правящей Трудовой партии Кореи. 28-30 октября КНДР с официальным дружественным визитом посетил Ху Цзинтао, который провел несколько встреч с Ким Чен Иром. и пообещал, по некоторым сведениям, предоставить КНДР помощь в размере 2 млрд долларов. В ходе визита были согласованы основные направления и принципы экономического сотрудничества. С целью конкретизации указанных планов 24-27 декабря в КНР находилась правительственная делегация КНДР во главе с заместителем Председателя кабинета министров Ро Ду Чхолом. В ходе этой поездки также было достигнуто соглашение о сотрудничестве в области добычи нефти на морском шельфе.

В минувшем году КНР резко активизировала инвестиционное сотрудничество с КНДР. Построены стекольный завод стоимостью 50 млн долларов, реконструированы два сталелитейных завода, созданы совместные предприятия по добыче угля и железной руды, которая будет поставляться не только в КНР, но и в Южную Корею. В РК уже выражают беспокойство по поводу того, что в ближайшие годы север КНДР окажется экономически интегрирован с пограничными провинциями Китая.

КНР продолжала возвращать КНДР северокорейских перебежчиков, которые пытались получить убежище путем проникновения на территорию ряда иностранных представительств и учебных заведений на территории КНР.

Минувший год особенно наглядно показал, что политическая и дипломатическая поддержка, а также экономическая и продовольственная помощь Китая, сохранение им в целом либерального режима перемещения товаров и людей через китайско-северокорейскую границу остаются едва ли не самым главным фактором не только выживания КНДР, но и ее способности противостоять мощнейшему прессингу со стороны США.

В принятом по итогам четвертого раунда **шестисторонних переговоров по ядерной проблеме** 19 сентября 2005 г. совместном заявлении выражено согласованное всеми участниками понимание основных целей и принципов данного форума. Важнейшими элементами этого документа являются взятое КНДР обязательство об отказе от ядерного оружия, всех существующих ядерных

программ и возвращении в возможно короткие сроки в ДНЯО и МАГАТЭ, а также заявление США об отсутствии намерений нападать на КНДР и о готовности к нормализации двусторонних отношений с Пхеньяном. 9-11 ноября в Пекине состоялась первая сессия пятого раунда шестисторонних переговоров, однако никаких новых договоренностей, в том числе и относительно даты продолжения этого раунда, достигнуто не было.

Вскоре стало ясно, что подход США к реализации совместного заявления практически не отличается от их прежнего требования о “полном, проверяемом и необратимом демонтаже” всех ядерных программ КНДР. Свои ответные шаги навстречу КНДР американцы намерены отложить на период после полной ликвидации всех ядерных программ КНДР.

В Пхеньяне разоружаться в одностороннем порядке не собираются до тех пор, пока не получат “физические свидетельства” (такие, как например реактор на легкой воде — ЛВР) того, что Вашингтон отказался от “враждебной политики” в отношении КНДР.¹²

Под предлогом борьбы с отмыванием денег и использованием фальшивых долларов США в сентябре 2005 г. ввели экономические санкции против ряда северокаорейских компаний, а также одного из банков в Макао, в котором были счета некоторых фирм КНДР. Эти шаги показали, что в администрации Дж.Буша вновь взяли верх сторонники жесткой линии в отношении КНДР. Острая реакция Пхеньяна на эти меры, похоже, возродила кое у кого в Вашингтоне надежды на скорую капитуляцию КНДР. В списке американских требований к Пхеньяну, помимо проблем фальшивых долларов и прав человека, — прекращение производства ракет и экспорта ракетных технологий, ликвидация запасов химического и бактериологического оружия, отвод войск и тяжелой артиллерии от ДМЗ, отказ от терроризма и экспорта наркотиков, удовлетворение претензий третьих стран (Японии).

КНДР отказалась продолжать переговоры до тех пор, пока не будут отменены новые экономические санкции США, введенные осенью 2005 года.¹³

Отношения КНДР с Японией в течение всего года оставались заблокированными из-за требований Токио в первую очередь окончательно выяснить судьбу нескольких японцев, похищенных спецслужбами КНДР в 70-80-х годах прошлого века. В Пхеньяне, проявляя практически полное единодушие по этим вопросам с Сеулом, резко критиковали претензии Токио на остров Токто в Японском море и попытки обелить в японских учебниках историю японской агрессии в Азии и в особенности в Корее в годы Второй мировой войны.

Были продолжены усилия по укреплению отношений с неприсоединившимися и развивающимися странами в рамках сотрудничества “Юг-Юг”, которому в КНДР придают особое значение.

19-26 апреля делегация КНДР во главе с Председателем Президиума ВНС КНДР Ким Ен Намом находилась в Индонезии для участия в саммите стран Азии и Африки и праздничных мероприятиях по случаю 50-летия Бандунгской конференции.

23 июля — 2 августа министр иностранных дел КНДР Пэк Нам Сун находился в Лаосе для участия 12-й министерской сессии АРФ и посетил Таиланд.

Торгово-экономические делегации КНДР выезжали в КНР, Монголию, Мали, Гвинею, Йемен, Кению, Уганду, Кубу, Бразилию и Венесуэлу и подписали ряд соглашений о сотрудничестве.

Для российско-северокаорейских отношений было характерно сохранение высокого уровня политических контактов на фоне явно недостаточной динамики торгово-экономического и особенно инвестиционного сотрудничества.

8 марта в Пхеньяне Ким Чен Иру была вручена юбилейная медаль “60 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.” Делегации КНДР приняли участие в торжествах в Москве по случаю 60-летия Победы, а также 250-й годовщины со дня основания МГУ.

В 2005 г. состоялись визиты в КНДР делегации Комитета Госдумы РФ по международным делам во главе с председателем комитета К.И. Косачевым (май), полпреда Президента в ДВФО К.Б. Пуликовского (август и октябрь), губернатора Санкт-Петербурга В.И.Матвиенко (декабрь).

5-8 ноября делегация МИД РФ во главе с заместителем министра иностранных дел РФ А.Ю.Алексеевым провела в Пхеньяне ежегодные политические консультации с северокорейской стороной.

После визита в Пхеньян в июле 2000 г. В.В.Путина и ответного визита в Россию в 2001 г. Ким Чен Ира российско-северокорейские торгово-экономические связи стабилизировались и приобрели некоторую положительную динамику. С 2000 по 2005 год объем взаимной торговли увеличился со 105 млн долларов до 172,3 млн долларов США (рост — 64%). Российский экспорт за девять месяцев 2005 года составил около 168,7 млн долларов, а импорт — 3,6 млн долларов. Тем не менее доля России во внешнеторговом обороте КНДР составляет около 5%.

Основными статьями российского экспорта в КНДР являются нефтепродукты (63%), черные металлы и изделия из стали (8%), машины, оборудование и запчасти (8%), древесина и целлюлоза (5%), азотные удобрения (4%); российского импорта — морепродукты (6%), реэкспортные товары японского и китайского происхождения (26%), синтетические ткани (6,5%). Сотрудничество на межрегиональном уровне занимает около 80% в общем объеме торговли.

Остается неурегулированной проблема задолженности КНДР перед Россией (порядка 4,6 млрд клиринговых рублей). Одновременно КНДР ставит вопрос о предоставлении ей новых кредитов для реконструкции и модернизации построенных при техническом содействии СССР четырех тепловых электростанций, металлургического комбината им. Ким Чака и нефтеперерабатывающего завода “Сынни”. Российская сторона настаивает на необходимости первоочередного урегулирования северокорейской задолженности. Отсутствие соответствующей договоренности на этот счет является одной из основных причин замедления развития всего комплекса торгово-экономического и научно-технического сотрудничества между Россией и КНДР.

Свидетельством ненормального положения дел в этой сфере является тот факт, что заседание межправительственной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и КНДР в последний раз состоялось в октябре 2000 г. в Пхеньяне. С тех пор заседаний МПК с КНДР ни разу не проводилось, в то время как МПК с Южной Кореей за тот же период собиралась 5 раз.

В течение 2005 г. состоялись лишь 8-е заседание подкомиссии МПК по лесному хозяйству и 19-я сессия российско-корейской смешанной комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства

Ситуацию несколько исправили усилия руководителей регионов. К.Пуликовский, который уже не раз бывал в Пхеньяне, продвигал идею развития межрегиональных связей, а также установления взаимовыгодных деловых контактов между компаниями российского Дальнего Востока и корейскими партнерами. По словам Ким Чен Ира, который встретился с ним в октябре 2005 г., к удовлетворению корейских деловых кругов “уже нашли воплощение многие договоренности на обозначенных направлениях”. Российская компания “Трест” приступила к реконструкции нефтеперерабатывающего завода “Сынни”. В КНДР открылся филиал российского банка “Тихоокеанский”, который будет способствовать привлечению инвестиций в северокорейскую экономику.¹⁴

Дальневосточный государственный университет (г.Владивосток) и Пхеньянский университет договорились открыть центры научно-технического сотрудничества с целью проведения совместных исследований в гуманитарной и технической областях.¹⁵

В.Матвиенко прибыла в КНДР во главе делегации, в которую вошли многочисленные представители деловых кругов города, в том числе концерна "Силловые машины", Кировского завода, предприятий "Звезда", "Севкабель", "Канат", "Водоканалстрой", транспортных компаний и др. Она была принята премьером Пак Пон Чжу, провела переговоры с министром внешней торговли Лим Ген Маном, приняла участие в открытии корейско-петербургского торгового центра "Дружба". В дар корейской стороне были переданы образцы дорожно-строительной техники, подписано соглашение между Торговой палатой КНДР и Торгово-промышленной палатой Санкт-Петербурга.

В августе Москву и Дальний Восток России посетил министр внешней торговли КНДР, председатель корейской части МПК Лим Ген Ман.

20-21 января в КНДР находилась делегация "Газпрома" во главе с председателем правления концерна А.Миллером, в ноябре-декабре — делегация ОАО "РЖД" во главе с вице-президентом В.Н.Сазоновым.

В декабре 2005 г. вступил в силу принятый Федеральным собранием РФ закон о ратификации Соглашения между правительствами РФ и КНДР о поощрении и взаимной защите капиталовложений.

В 2005 г. РФ и КНДР подписали соглашения о сотрудничестве в области стандартизации, метрологии и контроля за качеством продукции на 2005-2006 гг. (апрель), о сотрудничестве в сфере борьбы с преступностью и охраны правопорядка (июнь), о сотрудничестве в области использования спутниковых навигационных систем в мирных целях (июль), а также План культурного и научного сотрудничества между правительствами РФ и КНДР на 2005-2007 гг.(ноябрь).

В июне в России находилась делегация Министерства народной безопасности КНДР во главе с министром Чу Сан Сенем.

В 2005 г. в КНДР с большим успехом гастролировали такие известные российские художественные коллективы как ансамбли "Березка", под управлением И.Моисеева, песни и пляски МВД РФ под руководством В.Е.Елисеева, Государственный академический русский народный хор им. Пятницкого и Президентский оркестр РФ. Выступление каждого из этих коллективов посетил Ким Чен Ир.

1. ЦТАК. 2005. 2 июля.
2. АФП. 2006. 1 января
3. ЦТАК. 2006. 11 апреля.
4. Там же.
5. ЦТАК. 2005. 11 апреля.
6. Там же.
7. ИТАР-ТАСС. 2005. 12 апреля.
8. ЦТАК. 2006. 11 апреля.
9. ИТАР-ТАСС. 2006. 16 января
10. The Los-Angeles Times. December 24, 2005.
11. ЦТАК. 2005. 22 февраля.
12. ЦТАК. 2005. 19 декабря.
13. ЦТАК. 2006. 6 января.
14. ИТАР-ТАСС. 2005. 10 октября.
15. ИТАР-ТАСС. 2005. 11 октября.

Вьетнам — 2005: экономика на подъеме

© 2006

Е. Кобелев

2005 год прошел в Социалистической Республике Вьетнам (СРВ) под знаком празднования большого числа юбилейных дат общенациональной значимости. Основные из них: 60-летие провозглашения независимости страны (2 сентября 1945 г.), 30-летие освобождения Южного Вьетнама (30 апреля 1975 г.), 75-летие создания Коммунистической партии Вьетнама (3 февраля 1930 г.), 115-летие со дня рождения первого президента страны Хо Ши Мина (19 мая 1890 г.). Эти юбилейные даты отмечались по всей стране с большим размахом, в атмосфере, как отмечалось в официальных выступлениях партийно-государственного руководства, "крупных достижений СРВ во всех областях", благодаря последовательной реализации политики обновления (по-вьетнамски "дой мой") — нового стратегического курса развития, сформулированного VI съездом КПВ (декабрь 1986 г.).

В ноябре парламент страны — Национальное собрание СРВ на своей очередной ежегодной сессии утвердил весьма важный документ — Закон о предотвращении и борьбе с коррупцией. В законе четко оговаривается ответственность государственных органов, общественных организаций и общества в целом в предотвращении и ликвидации коррупции, указывается на необходимость держать под неусыпным контролем любые действия, носящие коррупционный характер. При этом содержится требование твердо соблюдать букву и дух закона, избегать необоснованных решений, могущих вызвать нарушение общественной стабильности, оказать негативное воздействие на потенциал и динамику социально-экономического развития страны.

Вьетнамская печать, положительно оценивая содержание этого закона, обращает внимание на то, что его принятие поставлено в порядок дня самой жизнью. В течение всего 2005 г. вьетнамское общество сотрясали скандальные разоблачения крупных коррупционных и жульнических дел, исчисляемых триллионами вьетнамских донгов (1 доллар США = 15855 донгов). Так, были раскрыты и подверглись уголовным наказаниям финансовые аферы в Генеральной компании нефти и газа, противозаконная продажа квот на текстиль в министерстве торговли, афера с подрядами на электронное оборудование в городе Хошимине, дело о создании неким Чинь Нгуен Тхью "линии по производству героина в крупных размерах", скандал, связанный с футбольной сборной Вьетнама на 23-х спортивных играх стран Юго-Восточной Азии, когда ряд футболистов были уличены в преступном участии в игре на тотализаторе, а некоторые вьетнамские судьи — в получении взяток.¹

В середине года Вьетнам досрочно выполнил две важные задачи ооновской "программы развития тысячелетия", а именно: наполовину сократить

Кобелев Евгений Васильевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

уровень бедности и сделать всеобщим начальное образование, что получило высокую оценку в ходе работы ежегодной Генассамблеи ООН.

Вместе с тем, согласно статистическим исследованиям, жизненный уровень значительной части вьетнамского населения все еще весьма низок — 1,4 млн семей (около 20 млн человек) живут ниже черты бедности (численность населения СРВ на конец 2005 г. — свыше 83 млн чел.).²

2005 год стал, судя по всему, рекордным для Вьетнама по количеству и масштабам стихийных бедствий. Разрушительные тайфуны, засуха, наводнения, сменяя друг друга, наносили серьезный материальный ущерб разным районам страны. В дополнение к этому то и дело происходили вспышки птичьего гриппа, в том числе и опасного для людей штамма А(Н5N1). Хотя в целом по стране от птичьего гриппа погибло в течение года более 40 человек, однако, благодаря кампании массовой вакцинации и другим лечебно-профилактическим мерам, государству все-таки удалось приостановить заболевания и не допустить развития пандемии.

В рамках реализации стратегии обновления и модернизации продолжала динамично развиваться вьетнамская экономика. В конце 2005 г. ВВП страны составил 251,8 млрд долл.,³ увеличившись на 8,4% по сравнению с 2004 г., что является самым высоким показателем за последние 9 лет (в 2004 г. — 7,7%). По отдельным отраслям экономики этот рост выглядит следующим образом: промышленность и строительство — 10,6%, в том числе обрабатывающая промышленность — 13,1%; сфера услуг — 8,5%; сельское, лесное хозяйство и рыболовство — 4%.⁴

По оценкам вьетнамских экономистов, тот факт, что промышленность и строительство продолжали развиваться опережающими темпами в сравнении с сельским хозяйством, свидетельствует о том, что намеченная в решениях партии и правительства линия на ускоренную индустриализацию приносит свои результаты. Об этом говорят и конкретные цифры соотношения в процентах роста каждой из отраслей в течение истекшего пятилетия (2001 — 2005 г.г.). Так, промышленное производство и строительство выросли с 38,13% в 2001 г. до 41,03% в 2005 г., сфера услуг — с 36,63% до 38,08%, в то время как объем производства сельскохозяйственной, лесной и рыбной продукции снизился с 23,24% до 20,89%.⁵

В 2005 г. заметно возрос общий объем внешнеторгового товарооборота страны, составив 69,11 млрд долл., что на 18,2% больше, чем в 2004 г.; при этом экспорт увеличился на 21,6%, а импорт — на 15,4%. Основные статьи вьетнамского экспорта: сырая нефть — 7,39 млрд долл., текстиль — 4,81 млрд долл., обувь — 3 млрд долл., морепродукты — 2,74 млрд долл., рис — около 1,5 млрд долл., продукция деревообрабатывающей промышленности, электроника, компьютеры — по 1,4 - 1,5 млрд долл. каждая позиция. Важными статьями вьетнамского экспорта также являются каменный уголь (в 2005 г. рост — 85,2%), кофе, чай и т. п.⁶

Заметные успехи вьетнамской экономики стимулировали еще больший приток в нее иностранных инвестиций. В 2005 г. министерство планирования и инвестиций СРВ зарегистрировало новые инвестиционные проекты различных зарубежных компаний на общую сумму 5,835 млрд долл., что на 45,2% больше, чем в 2004 г. Высоких показателей достигли также финансовые поступления в СРВ по линии международного донорства (ODA) — 3,74 млрд долл., что является рекордным за последние 10 лет.⁷

В области культурной жизни важным событием стало проведение по всей стране "фестивалей прославления" культурных ценностей национального сообщества Вьетнама. Среди них — Дни культуры и спорта кхмеров Намбо (Юг Вьетнама) в городе Чавинь, Дни культуры народностей Вьетнама в дерев-

не Лотосов (место рождения Хо Ши Мина), фестиваль национальной песни в городе Тхайнгуен. Особенно представительным стал 1-й фестиваль культурного наследия народностей Вьетнама, прошедший 23 ноября в ханойском центре культуры и искусства. После его завершения правительством СРВ было принято решение о том, что, начиная с 2006 г., этот день будет обозначаться в государственном календаре как День культурного наследия Вьетнама.

Общественность страны широко отметила 240-летие со дня рождения выдающегося классика вьетнамской литературы Нгуен Зу. Его роман в стихах "Ким-Ван-Киеу", повествующий о тяжелой доле женщины в феодальном Вьетнаме, считается энциклопедией вьетнамского общества XVIII века, а также непревзойденным образцом классического вьетнамского стихосложения.

Событием национального значения неожиданно стал выход в свет массовым тиражом двух книг до того неизвестных авторов: "Навеки двадцатилетний" и "Дневник Данг Тхю Чам". Обе книги — это дневниковые записи рядовых участников войны сопротивления вьетнамского народа против агрессии США, героически погибших в боях в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия. Судя по отзывам вьетнамской печати, обе книги стали крупным не только литературным, но и политическим явлением в общественной жизни страны, оказав сильное идейное и эмоциональное воздействие на миллионы читателей, особенно на подрастающее поколение.

В октябре во Франции впервые открылась музейная экспозиция СРВ, на которой были представлены около сотни скульптурных произведений чамов — народа, населявшего несколько веков назад территорию Центрального Вьетнама. Выставка действовала три месяца и вызвала большой интерес со стороны французских граждан и зарубежных гостей.

25 ноября 2005 г. Организация образования, науки и культуры при ООН (ЮНЕСКО) обнародовала официальное решение о признании "ареала бронзовых барабанов" в провинции Тэйнгуен (Центральный Вьетнам) сокровищницей культурного и фольклорного наследия человечества.⁸

Во Вьетнаме это уже второй по счету объект такого рода, признанный ЮНЕСКО; первым явился Храм музыки и пения императорского дворца в городе Хюэ.

На международной арене правительство СРВ продолжало проводить проверенный временем деидеологизированный и диверсифицированный внешнеполитический курс, направленный на ускорение и углубление интеграция Вьетнама как политически, так и экономически в мировое сообщество. Важнейшим внешнеполитическим событием года стал официальный визит в США премьер-министра СРВ Фан Ван Кхая (июнь). Политическая значимость этого события состояла прежде всего в том, что это был первый визит представителя высшего вьетнамского руководства за последние 30 лет, прошедшие со дня окончания войны, развязанной США во Вьетнаме.

Как известно, в 1975 г., после освобождения Юга и воссоединения Вьетнама, администрация США объявила о разрыве всех отношений с этой страной и о введении против нее полномасштабного торгово-экономического эмбарго. Только через 20 лет, в 1995 г., США отменили эмбарго, и между двумя странами были восстановлены полные дипломатические отношения.

Визит Фан Ван Кхая в США явился не только очередным внешнеполитическим достижением политики обновления, но и принес весьма важные для СРВ экономические результаты. Выяснилось, что большое число американских корпораций и компаний проявляют практический интерес к экономическим связям с Вьетнамом. В результате были подписаны соглашения и контракты о сотрудничестве в промышленности и сельском хозяйстве, в научно-технической сфере, в области образования и подготовки кадров на общую сумму около 1 млрд долл.

По итогам переговоров стороны достигли договоренности о взаимном стремлении “вывести двусторонние отношения на более высокий уровень в контексте стабильного и долгосрочного партнерства”. Американская сторона высказалась в поддержку вступления СРВ во Всемирную торговую организацию (ВТО). Президент США Дж. Буш принял приглашение в 2006 г. посетить Вьетнам с официальным визитом.⁹

В 2005 г. продолжалось поступательное развитие и укрепление вьетнамо-китайских отношений. Стороны обменялись важными официальными визитами: в июле президент СРВ Чан Дык Лыонг посетил Китай, а в ноябре генеральный секретарь ЦК КПК, председатель КНР Ху Цзиньтао — Вьетнам. В ходе состоявшихся переговоров было выражено удовлетворение нынешним состоянием двусторонних отношений, которые развиваются на основе выработанной двумя странами формулы: “Добрососедская дружба, всестороннее сотрудничество, долговременная стабильность, ориентация на будущее”.

Особенно крупных успехов стороны добились в торгово-экономической сфере. Так, по итогам 2005 г. товарооборот между двумя странами превысил 8 млрд долл.; по этому показателю Китай далеко опережает всех других торговых партнеров СРВ. Результатом обоих визитов стало подписание новых торговых и инвестиционных контрактов на сумму более 1 млрд долл.¹⁰

Отношения между Вьетнамом и Россией продолжали динамично развиваться по всем направлениям в русле основных положений Совместной декларации о стратегическом партнерстве (2001 г.). 30 января в обеих странах широко отметили 55-летие установления дипломатических отношений. К этой дате был приурочен первый официальный визит в СРВ председателя Совета Федерации РФ Сергея Миронова, который прибыл в Ханой для участия в парламентском форуме стран АТР. В обеих странах были проведены различные культурно-массовые мероприятия. Так, в Москве была организована выставка древней вьетнамской живописи и фотовыставка “20 лет политики обновления во Вьетнаме”. В СРВ прошли Дни России и Дни Москвы, в рамках которых состоялись концерты российских исполнителей, демонстрация российских фильмов, работали фотовыставки и т.п.

В 2005 г. произошел важный “прорыв” в российско-вьетнамских торговых связях — впервые объем двустороннего товарооборота перевалил рубеж в 1 млрд долл. (рост — около 20% по сравнению с 2004 г.). Вьетнамский импорт из России составил около 800 млн долл.: металлы, нефтепродукты, удобрения, оборудование, военная техника; российский импорт из Вьетнама — 260 млн долл.: натуральный каучук, кофе, одежда, обувь, морепродукты, овощи, орехи кешью.¹¹

В апреле в Москве состоялось очередное, 10-е заседание Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству между РФ и СРВ. Были обсуждены и согласованы несколько новых проектов сотрудничества в промышленности, сельском хозяйстве, медицине, образовании. Обе стороны признают, что инвестиционное сотрудничество между ними пока развивается слабо и не соответствует потенциалу отношений стратегического партнерства. Так, среди 64 стран и территорий, вкладывающих капиталы в проекты во Вьетнаме, Россия сегодня занимает по объему инвестиций скромное 21 место.

Вместе с тем отмечается весьма успешная деятельность “флагмана” российско-вьетнамского экономического сотрудничества — Совместного предприятия по добыче нефти и газа на вьетнамском морском шельфе “Вьетсовпетро”. В 2005 г. это предприятие добыло 150-й по счету миллион тонн нефти, а суммарные отчисления в российский бюджет в качестве прибыли от долевого участия в предприятии со дня его основания составили более 5 млрд долл.¹²

2 декабря на северо-западе СРВ состоялась церемония начала строительства при российском участии гидроэлектростанции Шонла с проектной

мощностью 2,4 млн кВт, которая должна стать крупнейшей в Юго-Восточной Азии. Завершение строительства намечено на 2012 г., однако планируется, что уже в 2010 г. первый энергоблок новой ГЭС даст ток.

До распада СССР важной формой сотрудничества двух стран были прямые партнерские связи между крупными городами, а также областями и провинциями. В начале 90-х годов эти связи либо ослабли, либо прервались полностью. Их восстановление началось после подписания в 1994 г. Договора об основах дружественных отношений между РФ и СВ. Особенно активизировались связи между Москвой и Ханоем, Санкт-Петербургом и Хошиминем, Татарстаном и провинцией Куангнинь. В 2005 г. произошли новые подвижки на этом направлении — восстановили партнерские связи Ульяновская область и провинция Нгеан, Волгоградская область и провинция Кханьхоа, Брянская область и провинция Куангнам. В декабре московское правительство приняло решение предоставить земельный участок под строительство торгового центра города Хошимина в одном из районов Москвы.

В марте под названием "Война во Вьетнаме... Как это было (1965 — 1973)" в Москве вышла книга воспоминаний советских ветеранов — ракетчиков, зенитчиков, летчиков, участвовавших в оказании интернациональной помощи вьетнамскому народу в отражении агрессии США. 23 июля в Ханое торжественно отметили 25-летие полета в космос интернационального экипажа в составе вьетнамского космонавта Фам Туана и российского космонавта дважды Героя Советского Союза Виктора Горбатко. В ноябре во вьетнамский порт Дананг впервые после распада СССР вошел с дружеским визитом отряд боевых кораблей Тихоокеанского флота РФ, возглавлявшийся гвардейским ракетным крейсером "Варяг".

В декабре в Институте Дальнего Востока (РАН) состоялся научный симпозиум с участием российских ученых, а также вьетнамских политологов и экономистов из Государственной политической академии имени Хо Ши Мина на тему: "Российско-вьетнамские отношения: реальность и перспективы". Согласованный итоговый вывод участников симпозиума — дальнейшее расширение и углубление двустороннего сотрудничества между РФ и СРВ на основе принципа стратегического партнерства отвечает национальным интересам и чаяниям народов обеих стран.

1. Bao anh Vietnam. Hanoi. 2006. № 565. С. 33.
2. Вьетнам 2004-2005. Ханой: Тхезьой, 2005. С. 221.
3. <http://www.cia.gov/cia/publications/factbook>, 15.03.2006
4. Dat nuoc. M. 2006. № 48. С. 5.
5. Вьетнамское информационное агентство (ВИА). 2005. 29 декабря.
6. ВИА. 2005. 13 декабря.
7. Dat nuoc. № 48. С. 5-6.
8. Bao anh Vietnam. № 565. С. 33.
9. rian.ru. 27.06.2005
10. Проф. Нгуен Хоанг Зиап. Российско-вьетнамские отношения и влияние фактора Китая, доклад на научном симпозиуме в ИДВ РАН (декабрь 2005 г.). С. 7.
11. Dat nuoc. № 48. С.9.
12. Ведомости. М. 2006. 16 февраля.

Роль внешнего фактора в политическом и социально-экономическом развитии Монголии

© 2006

Г. Яскина

Международное сотрудничество как макрофактор в системе условий поступательного развития любого государства особенно важно для малых развивающихся стран, еще не преодолевших многих показателей отсталости. Одной из таких стран является Монголия. В марте 1990 г. в стране произошла либерально-демократическая революция, открывшая путь фундаментальным реформам. Решать новые задачи стране пришлось в условиях, когда она лишилась всесторонней помощи и поддержки своего главного на протяжении предшествовавших семи десятилетий союзника и спонсора в лице Советского Союза. Распад Совета экономической взаимопомощи, в котором МНР наряду с Вьетнамом и Кубой пользовалась особыми преимуществами, способствовал созданию в стране кризисной обстановки. Для ее преодоления МНР настоятельно требовались материальная и моральная поддержка мирового сообщества, его опыт демократических и рыночных преобразований. Внешний мир проявил готовность оказать Монголии такую поддержку, что было вызвано рядом причин. Среди них следует назвать пристальное внимание и одобрение перемен в этой стране, прежде всего, — подъема демократического движения и официального отказа от социализма, подтвержденного принятием 13 января 1993 г. новой Конституции, в соответствии с которой на карте мира вместо Монгольской Народной Республики появилась Монголия. Ведущие страны региона и мира стали осознавать, что задачи, которые поставило перед собой обновленное государство, вполне совпадают с их собственными геополитическими и экономическими интересами.

Интерес к становлению в Монголии нового политического строя со стороны внешнего мира подтверждается ставшими частыми визитами в эту страну высших и высоких должностных лиц (президенты и премьер-министры), представляющих мировые державы и высокоразвитые государства. Представители парламентов стран с развитой или развивающейся демократией, в том числе делегаты Государственной Думы РФ во главе с координатором группы "Россия-Монголия", стали приезжать в Монголию, чтобы присутствовать в качестве наблюдателей на парламентских и президентских выборах.

Известно, что одним из главных критериев, руководствуясь которым развитые страны судят о наличии в других государствах основ демократического устройства, является соблюдение прав человека. Поэтому, естественно, что усиление внимания к Монголии со стороны мирового сообщества было вызвано также ее политикой в области обеспечения прав человека, тем более что в начале 1990-х гг. там развернулась реабилитация жертв политических реп-

рессий на общегосударственном уровне. Монголия конституционно декларировала, что реализация прав человека является делом государства. Такая позиция нашла понимание и широкую поддержку в странах Запада. Об этом, в частности, свидетельствовал визит генерального секретаря ООН Кофи Аннана в 2002 г. в Улан-Батор, симулировавший разработку и утверждение в 2003 г. Национальной программы обеспечения прав человека в Монголии. Следует отметить, что за 14 лет после принятия новой Конституции Монголия сумела полностью обновить законодательство в соответствии с ее идеями и принципами, признала основные международные акты по правам человека и на сегодняшний день ратифицировала около 50 договоров и конвенций, относящихся к этой сфере. В 2003 г. она вступила в члены международного Форума национальных организаций по правам человека стран Азии и Тихого океана. В августе 2005 г. монгольское правительство взяло на себя роль организатора 10-й по счету ежегодной встречи членов этого Форума¹. В ней приняли участие представители организаций по правам человека из 15 стран региона, а также представители специализированных организаций ООН и международных организаций, неправительственных организаций более 30 стран.

Вопрос об активном участии в системе широкого международного сотрудничества встал в Монголии на повестку дня сразу же после революционных событий марта 1990 г. и перехода к реализации политических и экономических реформ. Основополагающие идеи и принципы нового внутреннего и внешнеполитического курса Монголии, сформулированные в Программе действий первого монгольского правительства (декабрь 1990 г.), получили дальнейшее развитие в Конституции Монголии 1992 г., а также в Концепции внешней политики, Концепции национальной безопасности — документах, принятых монгольским парламентом в 1994 г., в Военной доктрине (1998). Новая внешняя политика включала следующие базовые элементы: использование внешнего фактора для продвижения реформ; открытость внешней политики и ее многовекторность (недавно появился и новый термин “многоопорная политика”); соблюдение принципа равноправия и взаимной выгоды в отношениях со всеми странами, сотрудничество с международными организациями; установление запрета на размещение на своей территории иностранных военных баз и вооруженных сил и т. д. Одновременно страна провозгласила курс на укрепление сотрудничества с США, Японией, Южной Кореей, Германией и другими влиятельными государствами, в том числе с Индией и Турцией. Затем были утверждены и вступили в действие Закон об иностранных инвестициях, призванный создать благоприятные налоговые и прочие необходимые условия для иностранных инвесторов, Закон о свободных экономических зонах, Закон о запрещении недобросовестной конкуренции и другие. Таким образом, были заложены необходимые правовые основы для использования внешнего фактора в целях успешного решения внутренних проблем. В стране сейчас создается свободная экономическая зона (СЭЗ) Алтан-Булаг на границе с Россией, и СЭЗ Замын-Ууд — на границе с Китаем.

Либерализация Монголией правил ее внешней торговли, принятие льготного законодательства, открывающих широкий доступ в страну для иностранных инвесторов так же не могли не найти благожелательного отклика в странах, особенно заинтересованных в освоении богатых природных ресурсов этого государства. Помощь Монголии стали оказывать, прежде всего, экономически мощные страны мира. В 1990 г. возникло возглавляемое Японией международное донорское движение в поддержку монгольских реформ с участием десятков стран, включая Россию. Это движение оформилось как своеобразный международный институт, функционирующий путем подготовки и проведения рабочих встреч и консультационных совещаний. В нем задействованы многие

международные организации: ПРООН, Фонд народонаселения ООН, Международная ассоциация развития, ФАО, ЮНИСЕФ, ЭСКАТО, ВОЗ и международные финансовые институты. В течение короткого срока Монголия стала членом Международного валютного фонда и Всемирного банка, Азиатского банка развития (1991). В 1997 г. она была принята во Всемирную торговую организацию (ВТО). Все это имело определяющее значение для интеграции Монголии в мировую экономику. Кроме того, сейчас Монголия является наблюдателем в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), принимает участие в работе АТЭС, АРФ и некоторых других региональных организаций. Внешняя поддержка и собственные усилия помогли Монголии преодолеть острый политический кризис 1990 г., а начиная с середины 1990-х гг. наметились признаки стабилизации ее экономики. Вместе с тем страна стала испытывать значительное влияние ряда высокоразвитых государств на характер своих преобразований. Наиболее отчетливо оно проявилось по следующим направлениям: одобрение демократического движения в стране и поддержка политических реформ; помощь и содействие в проведении экономических преобразований на рыночных принципах, оборонное сотрудничество, участие в реализации программ и проектов по преодолению бедности. Так, демократические реформы ориентировались на образец западной демократии, в разработке текста новой монгольской конституции и других законов использовались зарубежные схемы.

Привлечение внешнего ресурса обеспечивалось со стороны Монголии в первую очередь созданием правовой базы сотрудничества путем заключения новых договоров и соглашений со многими странами мира, и в первую очередь с непосредственными соседями, имеющими с ней общую границу — с Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. 12 февраля 1991 г. РСФСР и МНР подписали Декларацию о дружбе и сотрудничестве, что означало поддержку сторонами начавшихся в обеих странах политических реформ. Обновлению правовой и организационной базы сотрудничества способствовало подписание в 1991 г. Межправительственного соглашения о создании монголо-русской межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству (МПК). В ее структуре затем была создана подкомиссия по региональному и приграничному сотрудничеству, состоялось подписание протоколов о сотрудничестве между Государственным таможенным комитетом РСФСР и Государственным таможенным управлением Монголии, между центральными банками и ряд других. В 1992 г. в Улан-Баторе состоялось первое заседание МПК. С тех пор было проведено (по положению на июль 2005 г.) 11 заседаний комиссии. Это сыграло важную роль в преодолении той паузы в торгово-экономическом сотрудничестве России и Монголии, которая возникла в самом начале 1990-х гг., и ее последствий. Ситуация стала отчетливо меняться в лучшую сторону после подписания 20 января 1993 г. Договора о дружественных отношениях и сотрудничестве между Российской Федерацией и Монголией во время официального визита в Москву первого монгольского президента П. Очирбата. Этот документ закрепил новые принципы взаимоотношений двух независимых суверенных государств и открыл широкие перспективы для дальнейшего развития политических, экономических и гуманитарных контактов. За годы, прошедшие после подписания Договора, в отношениях между РФ и Монголией, были достигнуты немалые позитивные результаты. Улучшение экономической ситуации в России, переговоры на высшем уровне в Улан-Баторе (визит в Монголию президента В. Путина в ноябре 2000 г., визит в Монголию премьер-министра РФ М. Касьянова в марте и визит премьер-министра Монголии Н. Энхбаяра РФ в июле 2002 г.) открыли благоприятные перспективы для активизации отношений двух стран, в том числе для окончательного урегулирования монгольской задолженности по советским

кредитам. Выступая перед монгольскими парламентариями, В.В. Путин подчеркнул: "Монголия — наш традиционный, испытанный временем надежный сосед и друг. Дружба и добрососедство российского и монгольского народов прошли суровое испытание временем... Хочу отметить — сегодня у нас нет проблем, которые бы нас разъединяли. Мы накопили уникальный опыт тесного сотрудничества в самых разных областях"². Основные направления дальнейшего российско-монгольского сотрудничества были отражены в Улан-Баторской декларации, которую президенты Российской Федерации и Монголии подписали 14 ноября 2000 г.³

В этом документе был очерчен широкий круг вопросов двусторонних отношений и представляющих взаимный интерес международных проблем, отмечена важность восстановления военного и военно-технического сотрудничества, взаимодействия в области подготовки профессиональных кадров. Стороны заключили между собой межправительственные соглашения, в том числе о принципах сотрудничества между органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации и местными администрациями Монголии. На основе достигнутых соглашений МПК выработала проект Меморандума о сотрудничестве между Советом Сибирского федерального округа, Межрегиональной ассоциацией "Сибирское соглашение" и монгольской частью МПК. Оживились контакты сторон и в области культуры, науки и искусства. В июле 2002 г. во время визита в Москву премьер-министра Монголии Н. Энхбаяра была подписана Программа сотрудничества Правительства РФ и Правительства Монголии в области науки и культуры на 2003-2006 гг.

Большую роль в развитии российско-монгольских отношений сыграло списание Российской Федерацией 98% задолженности Монголии по кредитам бывшего СССР в 2003 г. (около 10 млрд долл. США). В своем послании на имя президента Монголии Н. Багабанди Президент России В.В. Путин отметил, что решение вопроса о долге "открывает широкие горизонты для дальнейшего развития всего комплекса отношений между нашими странами, включая инвестиционную сферу"⁴. Об этом же шла речь при встрече председателя правительства РФ М. Фрадкова и главы правительства Монголии Ц. Элбэгдоржа в Москве в октябре 2005 г. Российский премьер-министр акцентировал внимание на том, что "соседские отношения надо поддерживать постоянно, и политический уровень надо наполнять большим практическим содержанием, такие возможности есть, использовать надо любую возможность"⁵. В свою очередь Ц. Элбэгдорж назвал перспективными инвестиционные проекты, связанные с расширением и модернизацией железных дорог Монголии, газификацией страны, в том числе строительство газопровода, линий электропередачи из России в Китай через территорию Монголии и создание новых предприятий в области горнорудной и обрабатывающей промышленности⁶.

В Монголии сейчас работает 300 предприятий с российскими инвестициями, в том числе несколько компаний со 100-процентным российским капиталом. Кроме того, многие сибирские компании являются поставщиками товаров на монгольский рынок. Продолжают успешно работать такие крупные совместные предприятия как АО "Улан-Баторская железная дорога" (УБЖД), которая существует уже 50 лет, горно-обогатительный комбинат "Эрдэнэт" по производству медного и молибденового концентрата, СП "Монголросцветмет" по добыче плавикового шпата. Большое внимание уделяется приграничному сотрудничеству, на долю которого приходится примерно 70% совокупного объема российско-монгольского внешнеторгового оборота. Например, Иркутская область обеспечивает около 90% потребностей Монголии в нефти.

Россию по-прежнему интересуют вопросы освоения природных богатств Монголии. Из самых последних проектов можно назвать открытие российски-

ми геологами на ее территории нового уранового месторождения, а также участие российских предприятий в приватизации отдельных монгольских объектов промышленности и строительства. Все чаще поднимается вопрос о совместном использовании естественного связующего звена между Сибирью и Монголией — озер Байкал и Хубсугул для организации привлекательного туристического маршрута. В 2005 г. по инициативе монголо-российских компаний была учреждена неправительственная организация — Фонд развития торгово-экономического сотрудничества. Ей предстоит создать базу данных российско-монгольских предприятий, проводить деловые встречи, организовывать юридические консультации⁷. На 11-м заседании МПК в Иркутске в июле 2005 г. стороны постановили разработать программу торгово-экономического сотрудничества до 2010 года, приняли решение о создании в рамках МПК рабочей группы по увеличению российских инвестиций в Монголию⁸.

Однако, несмотря на определенные успехи, в торгово-экономической сфере двух стран еще остаются проблемы. Одна из главных — сокращение в России спроса на монгольские товары при одновременном росте монгольского спроса на российские экспортные товары. В связи с этим требуют решения вопросы увеличения поставок мяса из Монголии в приграничные российские регионы, налаживания в этих целях действенного ветеринарного контроля, а также дальнейшего урегулирования таможенных и транспортных тарифов, увеличения пропускной способности пограничных пунктов.

Для успешного решения внутренних проблем большое значение для Монголии имеет фактор Китая. Предпосылкой для нормализации монгольско-китайских отношений был вывод в 1989 г. с территории МНР советских войск, дислоцированных там в период обострения советско-китайских отношений в соответствии с советско-монгольским договором 1966 г. Открытая внешняя политика Улан-Батора дала Пекину шанс значительно упрочить свои позиции в Монголии, бросив, таким образом, определенный вызов не только России, но и Соединенным Штатам, стремящимся расширить свое влияние в Северо-Восточной Азии.

29 апреля 1994 г. в столице Монголии был подписан новый монгольско-китайский Договор о дружественных отношениях и сотрудничестве. Согласно этому документу, развитие добрососедских отношений страны должны осуществляться на основе принципов взаимного уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности друг друга, ненападения и невмешательства во внутренние дела, равноправия и взаимной выгоды.

Одним из проявлений дальнейшего прогресса в сфере монгольско-китайских отношений стал визит Председателя КНР Ху Цзиньтао в Улан-Батор в 2003 г. и решение китайского правительства о предоставлении Монголии льготных кредитов на сумму 300 млн долл. США⁹. В мае 2005 г. было подписано 18 документов о сотрудничестве, в том числе о выделении Монголии китайской стороной 50 млн юаней в качестве безвозмездной помощи и открытии в ее столице отделения Института традиционной китайской медицины.

Урегулированные политические отношения на высшем уровне способствуют росту торгового оборота между Монголией и Китаем, который увеличился с 38,5 млн долл. США в 1991 г. до 400,1 млн долл. в 2000 г.¹⁰. В 2001 г. на территории Монголии работали 553 предприятия с суммарными китайскими инвестициями, равными 103,75 млн долл. США. В 2003 г. таких объектов насчитывалось уже 850 с общим капиталом в 280 млн долл. и в 2004 г. — 1200. Значительно вырос объем двусторонней торговли. В итоге Китай стал самым крупным зарубежным инвестором и внешнеторговым партнером Монголии¹¹.

Развитие отношений с Китаем пролагает Монголии дорогу к сотрудничеству со странами Юго-Восточной Азии. Так, КНР, Монголия и страны Индо-

китай в 2005 г. подписали соглашение о постепенном формировании зоны свободной (беспошлинной) торговли. Документ предусматривает не только отмену любых ограничений во взаимной торговле, но и согласование позиций в международных экономических организациях.

В поддержку радикальных перемен в Монголии решительно выступила Япония. Именно к ее опыту восстановления экономики после второй мировой войны обратилась страна в 1990 г. Японские советники помогли ей в разработке проектов многих новых законов, способствовали установлению непосредственных контактов между деловыми кругами Монголии и Японии. Рекомендациями японских экспертов пользовались многие монгольские министерства и ведомства. Обсуждение проблем экономического сотрудничества — один из главных вопросов повестки дня во время официальных встреч на высшем уровне. На Страну восходящего солнца приходится треть совокупной иностранной помощи и кредитов, предоставляемых ей мировым сообществом, что составляет ежегодно в среднем 45-50 млн долл. США в форме кредитов и 30-35 млн долл. безвозмездной помощи¹². За период с 1990 г. до 2000 г. льготные кредиты Японии Монголии составили 30 млрд иен, безвозмездная помощь — 50 млрд иен, техническая помощь — 16,5 млрд иен¹³. В 1997 г. в Монголии открылось представительство Японской организации международного сотрудничества.

По итогам визита президента Монголии Н. Багабанди в Токио 14 мая 1998 г. была подписана совместная декларация, в которой стороны подтвердили, что их общая цель состоит в том, чтобы «укреплять в XXI веке отношения комплексного партнерства путем наращивания взаимопонимания и взаимного доверия»¹⁴. Такие отношения необходимы Монголии не только в интересах экономического сотрудничества, но и национальной безопасности. Контакты в этой области — важная часть политических взаимоотношений двух стран. О том, что Монголия и Япония представляют друг для друга взаимный геостратегический интерес, свидетельствует одно из ведущих направлений их научного сотрудничества по темам «Роль Японии и Монголии в создании сообщества Восточной Азии», «Изучение возможностей для создания Восточно-азиатского сообщества», по которым проводятся совместные симпозиумы.

Поддержку демократическим реформам Монголия встретила в Республике Корея. Эти страны установили между собой дипломатические отношения 26 марта 1990 г. Как отметил президент РК Ким Дэ Чжун, выступая перед монгольскими парламентариями во время его официального визита в Монголию летом 1999 г., «демократия, свобода и справедливость стали в Монголии высшими принципами, что как нельзя лучше соответствует быстрому ходу исторического развития всего мира»¹⁵.

Между странами установлены и продолжают тесные политические контакты на высшем уровне. РК является одним из крупных доноров Монголии, активно инвестирует капиталы в ее экономику. В течение 1990-2003 гг. южнокорейские инвестиции в монгольскую экономику составили 80,9 млн долл. США¹⁶. 5 апреля 2004 г. в Улан-Баторе прошел 5-й монголо-корейский бизнес-форум с участием представителей более 40 компаний с обеих сторон. Во время визита в Монголию южнокорейского вице-министра образования и развития человеческих ресурсов Ким Ен Шига он и министр образования, культуры и науки Монголии Ц. Цагаан по итогам официальных переговоров подписали в 2005 г. договор о сотрудничестве на 2006-2009 гг. Этот документ отражает такие аспекты совместной деятельности как повышение квалификации монгольских преподавателей информатики в РК, ежегодные поставки из РК определенного числа компьютеров для монгольских средних школ, помощь техникой и специалистами в создании образовательного телеканала, обмен студентами и преподавателями¹⁷.

Высокими темпами развиваются монгольские политические и экономические связи с Соединенными Штатами Америки, которых Монголия считает своим "третьим соседом". В январе 1991 г. президент Монголии П. Очирбат посетил США по приглашению президента США Дж. Буша, а в марте 1991 г. Конгресс США выступил с официальным заявлением о поддержке позиции американского правительства по развитию сотрудничества с Монголией в политической, экономической, научной и культурной областях. Говоря о результатах своего визита в США, П. Очирбат отмечал, что представители различных кругов американского общества называли демократическую революцию (1991 г.) в Монголии "ярким примером перестройки и обновления мирным путем" и расценили его визит в США "как важный шаг к прогрессу не только в истории двух стран, но и во всей мировой истории"¹⁸.

Особенно активно происходит взаимодействие сторон в военно-оборонной и политической областях. Монгольские военнослужащие проходят боевую подготовку под руководством американских инструкторов, подразделения вооруженных сил двух стран провели совместные маневры. В настоящее время 120 монгольских солдат и офицеров входят в состав многонациональных сил в Ираке, еще 50 военнослужащих участвовали в военных операциях в Афганистане. В мае 1998 г. Монголию посетила М. Олбрайт, государственный секретарь США, затем последовали визиты заместителя госсекретаря по политическим вопросам Т. Пикеринга, заместителя госсекретаря по оборонной политике У. Сколомбе, командующего Тихоокеанским флотом адмирала Д. Блэра и других высших и высоких должностных лиц. В сентябре 2000 г. в Монголию приехал председатель Верховного суда США С.Д. Коннор.

22 октября 2005 г. по приглашению министра обороны Монголии там побывал с официальным кратковременным визитом министр обороны США Д. Рамсфельд. Глава Пентагона высоко оценил участие монгольских военных в миротворческих операциях. По его словам, монгольские военнослужащие будут включены в число 75 тысяч миротворцев, которые пройдут подготовку в рамках Фонда операций за мир в мире, создание которого инициировано президентом США. Он также сообщил о готовности американской стороны оказать реальную помощь в повышении потенциала вооруженных сил Монголии. В частности, речь шла о проведении совместных военных учений военнослужащих двух стран, о подготовке монгольских военных в американских военных заведениях¹⁹. В 2004 г., когда Вашингтон посетил премьер-министр Монголии Н. Энхбаяр, американский президент заявил, что США и Монголия вступили в новую эру всестороннего партнерства. И, наконец, 21 ноября 2005 г. в рамках своего визита в страны Северо-Восточной Азии Улан-Батор посетил президент США Дж. Буш, назвавший Монголию "бастионом демократии" в азиатском регионе, а Соединенные Штаты — "третьим соседом Монголии после России и Китая"²⁰.

Разумеется, столь густая череда американских посещений небольшого по населению и экономическому потенциалу азиатского государства вряд ли случайна. Монгольская политика США служит Вашингтону не только средством поддержания в Монголии демократии и прав человека, интересы Америки здесь гораздо шире и глубже: они связаны с ее геополитической стратегией в Восточной Азии в целом и в отношении Китая, в частности. "Естественным следствием активных усилий США по сдерживанию и интеграции Китая является постоянное американское давление на Россию через бывших советских сателлитов Москвы", — пишет лондонская "Гардиан"²¹.

Тем не менее, поддержка США чрезвычайно важна для Улан-Батора, хотя и вызывает определенное раздражение у американских оппонентов. Она поднимает его престиж на мировой арене, служит определенной гарантией у-

репления в Монголии основ демократии. Концепция "третьего соседа", выдвигнутая еще во время визита бывшего госсекретаря США Дж. Бейкера в Улан-Батор в 1990 г. и подтвержденная президентом США, как считают монгольские политики, отвечает также интересам национальной безопасности этой страны.

Монголия заинтересована в расширении экономических связей с США, в чем встречает поддержку с их стороны. В 1999 г. американский Конгресс вынес решение о предоставлении Монголии условий обычной торговли, в 2001 г. — о расширении на нее системы торговых преференций (GSP). Начиная с 1990 г., США оказывают стране безвозмездную помощь на развитие экономики, в частности, энергетики и на приобретение продовольствия. Только в 2000-2001 гг. ей было передано на эти цели 11,7 млн долл. В Монголии работают американские компании, в основном, в области разработки сырьевых ресурсов.

Во время визита в США июля 2004 г. президента Монголии Н. Багабанди стороны подписали Генеральный договор о торговле и инвестициях и соглашение о создании совместного совета по торговле и инвестициям. Руководящий совет корпорации США "Фонд тысячелетия" включил Монголию в список 16 стран, которым может быть предоставлена помощь из этого фонда. Стороны приступили к подготовке заключения договора о свободной торговле между США и Монголией.

Таким образом, либерализация внешней торговли, создание правовой базы политического и экономического сотрудничества способствуют росту внешней торговли Монголии, что, безусловно, является важным итогом успешного использования ею внешнего фактора. Особенно быстро увеличивается объем внешней торговли этой страны в первые годы нового столетия. В статистическом выражении крупным планом это показано ниже (таблица 1).

Таблица 1

**Внешняя торговля Монголии по регионам мира, в текущих ценах,
млн долл. США**

Регионы	2001	2002	2003	2004
Товарооборот, весь	1159,7	1214,8	1416,9	1890,8
Азия, всего	573,9	583,6	702,5	944,9
Страны АСЕАН	19,0	20,0	56,6	52,5
Страны Среднего Востока	2,8	2,3	2,8	3,0
Европа, всего	411,1	406,3	484,1	699,8
Европейский союз*	119,9	100,5	151,1	297,9
Америка	162,8	194,8	173,2	228,5
Австралия	11,4	29,9	55,0	17,5
Африка	0,1	0,1	2,9	0,1

*Поскольку 5 мая 2004 г. в ЕС был принят целый ряд новых стран (Кипр, Чехия, Венгрия, Эстония, Латвия, Польша, Словакия и Словения), оценка за предыдущие годы может быть изменена.

Источник: Монгол Улсын статистикийн эмхтгэлр 2004 [Статистический сборник Монголии. 2004]. УБ., 2005. С.272.

Таким образом, наиболее значимыми торговыми партнерами Монголии сейчас являются страны Азии, но при этом у нее есть контакты со всеми континентами. По предварительным данным, приведенным монгольскими источниками в январе 2006 г., в 2005 г. внешнеторговый оборот страны вырос на 37,3% по сравнению с 2004 г. и составил 2,2 млрд долл. США. С 1 июля 2005 г. Монголия включена в систему налоговых преференций ЕС GSP+, в соответствии с которой она получила право поставлять на рынки 25 стран Европы товары

7200 наименований без налоговых пошлин и квот. Роль наиболее значительных торговых партнеров Монголии отражена в географической структуре ее внешней торговли (таблица 2).

Таблица 2

Доля основных торговых партнеров во внешнеторговом обороте Монголии, экспорт и импорт-100%

Страны	Показатели	1999	2000	2001	2002	2003	2004
Китай	Оборот	29,5	34,8	32,3	32,1	34,2	35,5
	Экспорт	45,8	51,2	45,7	42,3	46,5	47,8
	Импорт	15,1	20,5	21,4	24,4	24,8	25,1
Россия	Оборот	20,5	21,8	23,4	23,5	21,2	19,1
	Экспорт	10,6	8,4	8,6	9,1	6,2	2,1
	Импорт	29,2	33,6	35,5	34,0	32,6	33,3
США	Оборот	11,3	13,8	13,7	15,6	11,7	10,7
	Экспорт	17,2	24,3	24,7	31,6	23,3	17,9
	Импорт	6,1	4,6	2,3	3,5	2,9	4,6
Республика Корея	Оборот	3,9	5,9	6,7	8,8	5,3	6,0
	Экспорт	0,5	2,3	3,8	4,5	1,2	1,1
	Импорт	7,1	9,0	9,1	12,2	8,5	6,0
Япония	Оборот	12,9	7,1	6,2	4,1	5,1	5,8
	Экспорт	2,4	1,5	3,0	1,3	1,4	3,9
	Импорт	22,4	11,9	8,8	6,1	8,0	7,3
Германия	Оборот	2,7	2,7	2,8	2,8	3,1	2,4
	Экспорт	0,5	0,4	0,4	0,5	0,8	1,3
	Импорт	4,6	4,8	4,7	4,5	4,8	3,3
Другие страны	Оборот	19,0	13,9	14,9	13,6	19,4	22,8
	Экспорт	23,0	11,9	10,8	11,2	20,6	25,9
	Импорт	15,4	15,6	18,3	15,2	18,4	20,4
Итого	Оборот	100	100	100	100	100	100

Источники: Монгол Улсын статистикийн эмтгэл 1999 [Статистический сборник Монголии. 1999]. УБ., 2000, с. 142-145; Монгол Улсын статистикийн эмтгэл [Статистический сборник Монголии. 2000], УБ., 2001, с. 177-180; Монгол Улсын статистикийн эмтгэл 2004 [Статистический сборник Монголии. 2004]. УБ., 2005. С. 269-271.

Как следует из таблицы, основными торговыми партнерами Монголии (в порядке убывания) являются Китай, Россия, Южная Корея и США. Но во всех этих случаях, экспорт из этих стран в Монголию превышает импорт, что говорит о несбалансированности ее внешней торговли, ведущей к усилению ее зависимости от внешнеторговых партнеров. Вместе с тем, следует учитывать расположение Монголии в Северо-Восточной Азии — наиболее динамично развивающейся части АТР. Уже сейчас из США в страну поступает 75% прямых инвестиций. Кроме того, у Монголии есть в этом районе особый, стратегический интерес: имеющая только сухопутные границы, она нуждается в выходах к морю. К тому же Монголия заинтересована в получении экономической и технологической помощи из стран США. Реализация таких задач зависит от реальных возможностей Монголии рационально использовать внешнюю помощь, а она немаленькая, причем около 40% ее предоставляется на безвоз-

мездной основе. Начиная с 1990 г. и по 2004 г. странами-донорами и международными кредитно-финансовыми организациями Монголии было выделено 2,4 млрд долл., в том числе 1,2 млрд долларов льготных кредитов. Эти цифры были названы на заседании монгольского правительства, посвященном подготовке к декабрьской 2003 г. встрече стран-доноров в Токио²². В 2005 г. правительство Монголии получило от стран-доноров и международных организаций официальной помощи на сумму 37,5 млн долл., что было в 1,8 раза больше, чем в 2003 г.²³ 60% этих средств в основном предназначались на поддержку демократии и рыночных отношений в Монголии, на улучшение инфраструктуры и энергосбережения, преодоления последствий стихийных бедствий. Внешние источники обеспечивают более половины капиталовложений в народное хозяйство страны²⁴. Это подтверждается следующими официальными данными (таблица 3).

Таблица 3

Иностранные источники в структуре капиталовложений в Монголии, млрд тугриков

	2001	2002	2003	2004
Государственный и местные бюджеты	40,9	44,2	55,1	59,0
Банковские займы	11,0	22,6	29,8	34,3
Собственные средства	55,7	52,1	67,7	73,1
Иностранные займы и помощь	200,9	210,4	265,4	240,5
Прочие источники	1,0	-	-	-

Источник: Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл [Статистический сборник Монголии 2004] УБ., 2005. С. 187.

Таким образом, из общей суммы капиталовложений, например, 2004 г. на долю иностранных займов и помощи приходилось почти 60%.

Средства извне поступают в Монголии в различных формах. Это — безвозмездная помощь, которая не влечет за собой никаких внешних платежных обязательств, и льготные кредиты, выдаваемые сроком на 20-40 лет под 1-2% годовых. Такие кредиты Монголия получает из Азиатского банка развития, Всемирного банка, от Японии и России. Торговые кредиты представляются на более жестких условиях (10-15% предоплаты, высокие проценты, короткие сроки). За жесткими кредитами Монголия обращается в исключительных случаях, когда этого требует чрезвычайная ситуация. Практически Монголия отказалась от этой формы с середины 1992 г., когда задолженность по торговым кредитам составила 90 млн долл. За 16 лет реформ, начиная с 1990 г. по 2005 г., донорская помощь (52% — безвозмездная помощь, 48% — льготные кредиты) составила 2,7 млрд долл. США. В 1990-2004 гг. из общей суммы помощи, равной 2,4 млрд долл., за счет льготных кредитов были реализованы проекты стоимостью, превысившей 1,1 млрд долл. 26% этой суммы было направлено на развитие транспорта, 10% — в энергетическую отрасль, около 7% — на реструктуризацию экономики²⁵.

Большую роль в финансировании Монголии принадлежит Азиатскому банку развития, который, начиная с 1991 г., помог Монголии осуществить более 100 проектов на сумму около 550 млн долл. США. Эти средства были направлены, в основном, на преодоление трудностей переходного периода, создание условий для экономического роста, на реализацию программы по снижению бедности. По данным монгольской периодической печати, Совет директоров Азиатского банка развития в 2005 г. принял новую программу помощи Монголии на 2006-2008 гг., согласно которой Монголии будут предоставлены льготные кредиты на сумму 125 млн долл. США. Помощь предназначается на

обеспечение более высокого роста той части экономики, где доминирует частный сектор (сельское хозяйство, транспорт, здравоохранение, образование и градостроительство), и на поддержку социальной сферы, в первую очередь, повышение жизненных стандартов населения, 36% которого проживает за чертой бедности. При этом ежегодно в страну будут поступать кредиты в размере 28 млн долл. К этой сумме добавятся еще 40 млн долл. из регионального фонда АБР и других источников. Ожидается, что в поддержку этой кредитной программы банк будет ежегодно предоставлять безвозмездную помощь Монголии в размере 1,9 млн долл. в год²⁶.

Международные финансовые организации сейчас стремятся получить от Монголии конкретные расчеты ее потребностей в льготных кредитах и средствах безвозмездной помощи. Если до 1994 г. средства выделялись преимущественно на преодоление кризиса как на решение общей задачи, то со второй половины 1990-х гг. они стали адресными, то есть выделяться под конкретные проекты: развитие коммуникаций, инфраструктуры, энергетики и т.д. Начиная с 2002 г., преимущество отдается задачам снижения бедности и создания новых рабочих мест²⁷.

В октябре 2003 г. Монголия ознакомила иностранных кредиторов со своей стратегической программой снижения бедности и направлениями дальнейшего сотрудничества с международным сообществом, рассчитанной на 4 года. По подсчетам монгольских экономистов, для реализации этого масштабного проекта потребуется ежегодно выделять средства, соразмерные 40-50% ВВП (400-500 млн долларов), причем не менее половины этой суммы желательно профинансировать за счет доноров.

Таким образом, роль и значение внешнего фактора для Монголии велики. Отдельные монгольские руководители уже выразили опасения насчет того, что страна может попасть в глубокую зависимость от внешней помощи, так ее задолженность растет. Очевидно, для этого есть основания. Весьма характерными являются данные, приведенные в 2003 г. Н. Багабанди, тогдашним президентом Монголии, в его обращении к парламенту по поводу бюджета 2004 г. Не считая задолженности перед Россией (тогда она еще не была аннулирована. Г.Я.), внешний долг Монголии в 2002 г. составлял 80% ВВП²⁸. «Мы подошли к той черте, когда пришло время отказаться от неправильной практики брать кредиты под внешним давлением, — отметил Н.Багабанди. — Отныне необходимо получать кредиты у международных финансовых и банковских организаций с большой предосторожностью, не нанося ущерб национальным интересам... Страна с огромными долгами не может привлечь инвесторов»²⁹.

Итак, Монголия является получателем весьма значительной международной донорской помощи, а также льготных кредитов и иностранных инвестиций. Они в основном имеют большое значение, как показано выше, для развития монгольской экономики. В течение последних 8-10 лет в этой сфере наблюдался постоянный рост³⁰. Официальная монгольская статистика не публикует показатели эффективности использования внешнего фактора, но достоверное представление об этом можно составить по ряду некоторых других экономических данных и фактов. В 2004 г. внешнеторговый оборот Монголии в целом вырос на 33,4%. в том числе экспорт — на 41,2%, импорт — 27,5%. Но 2004 г. был благоприятным годом для традиционного монгольского экспорта — меди, золота и козьего пуха. Цена одной тонны меди на мировом рынке достигала 505,3 долл. и являлась самой высокой ценой за последние пять лет. Большое значение в росте экспорта сыграла добыча золота (около 8 тонн) на вступившем в 2004 г. в строй предприятии на базе месторождения Бороо. Но в 2005 г. темп роста сократился с 10,6% в предыдущий год до 6,2%³¹. Это свидетельствует о неустойчивости источников роста, и, возможно, что внешняя по-

мощь воспрепятствовала более значительному сокращению. Установлено, что увеличение внешней помощи и кредитов на 1% сопровождается приростом монгольского ВВП на 2,7%.

В социальной сфере произошли некоторые улучшения: на 2% снизился уровень безработицы (2004 г.), стало меньше детей, не посещающих школу, а также уменьшилось число работающих детей и подростков. Однако четко соотнести показатели социально-экономического развития страны со степенью влияния внешнего фактора на стабилизацию и рост монгольской экономики пока еще весьма затруднительно. Тем более что освоение помощи тоже требует от страны — реципиента определенных затрат собственных средств.

Монгольские исследователи этой проблемы, ведущие политики и экономисты называют следующие причины, снижающие эффективность внешней помощи: прежде всего рост в Монголии коррупции (коррупционеры в значительной мере используют помощь в своих личных целях)³². В середине 1990-х гг. страна начала применять международную методику оценки коррупции. В результате установлено, что коррупция в Монголии набирает темпы и растет из года в год³³. Более того, по словам премьер-министра Ц. Элбэгдоржа, «власть в Монголии находится в руках коррупционеров. Они принимают законы в собственных интересах. Например, получают на таможне муку за взятку, пекут из нее хлеб и продают народу. Поступают в Монголию топливо, запасные части (в рамках помощи), и снова за взятку безвозмездная помощь превращается в рыночный товар. Пришло время перестать говорить о коррупции и приступить к конкретным делам»³⁴. Но самые запоминающиеся слова, пожалуй, принадлежат представителю Агентства США по международному развитию: «Если Монголия не добьется реальных результатов в борьбе с коррупцией, то придется принять серьезные меры, вплоть до прекращения помощи из Фонда тысячелетия. Если примеру США последуют другие страны-доноры, международные организации, то какая участь ждет монголов?»³⁵. Существуют и другие причины, препятствующие более результативному влиянию внешнего фактора. К ним относится особенность реализации политики МВФ в слабо развитых странах, включая Монголию. К примеру, то, что половина стоимости проекта, оценивающегося, например, в миллион долларов, уходит в Монголии на зарплату иностранных экспертов и руководителей проекта, стало обычным явлением. В документах о кредитовании общая сумма остается неизменной³⁶. Кроме того, значительная часть помощи используется на компенсацию дефицита бюджета и преодоление трудностей переходного периода.

Монголия остается слаборазвитой страной. Этим также во многом объясняется недостаточная эффективность внешней помощи (слабость внутренней финансовой системы, кредитной дисциплины и т.п., с одной стороны, а с другой — недостаточный учет монгольских условий странами и международными организациями). Однако монгольское правительство продолжает проводить политику получения льготных кредитов в целях обеспечения экономической и финансовой стабильности, хотя и стремится к ограничению неэффективных кредитов, отрицательно влияющих на бюджет.

1. Там же.
2. Там же. С. 26-27.
3. Дипломатический вестник. 2000. № 12. С. 27-29.
4. Новости Монголии. 2005. 28 октября.
5. Там же.
6. Там же.
7. Новости Монголии. 2005. 28 октября.

8. Интервью министра торговли и промышленности Монголии С. Батболда // Оноодор. 2005. 30 июля.
9. Байкалинформ. 2005. 17 января.
10. Олон улсын судлал [Международные исследования]. 2003. № 4. С. 55.
11. Зууны мэдээ. 2003. 9 октября.
12. Улаанбаатар таймс. 2004. 21 августа.
13. Там же.
14. Монгол Улс, Япон Улсын найрамдал, хамтын ажиллагааны тухай хамтарсан мэдэгдэл [Совместная декларация о дружбе и сотрудничестве Монголии и Японии]// Засгийн газрын мэдээ. 1998. 15 мая.
15. Монгол Улсын УИХ-д БНСУ-ын Ерөнхийлогч Ким Дэ Жуний хэлсэн уг [Выступление президента Корейской Республики Ким Дэ Чжуна в Великом государственном хурале Монголии] // Гадаад харилцаа. 1999. № 13 (63). С. 8.
16. <http://invstmongolia.com>.
17. Новости Монголии. 2005. 19 августа.
18. Пунсалмаагийн Очирбат. Тэнгэрийн цаг [Звездный час]. Лондон. 1996. С. 361.
19. Одрин сонин. 28.10.2005.
20. Ресурс Интернета: НТВ — Новости. 2005. 21 ноября.
21. The Guardian. August 10, 2005.
22. Иностранная финансовая помощь Монголии. Сообщение ИТАР-ТАСС. Улан-Батор, 15 октября 2003. По другим данным, официальная помощь стран-доноров Монголии составляет 2,7 млрд долл. МОНЦАМЭ. Улан-Батор. 2005. 1 ноября.
23. Монгол Улсын статистикийн эмхтгэл 2004 [Монгольский статистический ежегодник 2004]. УБ.: Монгол улсын үндэсний статистикийн газар. 2005. С. 37.
24. Бадарчийн Эрдэнбат. Поиск модели экономического развития Монголии в социалистическом периоде. М., 2000. С. 42.
25. Зууны мэдээ. 2003. 8 декабря.
26. Новости Монголии. 2005. 28 октября.
27. Программа Азиатского банка развития в Монголии Сообщение Корр. ИТАР-ТАСС Н. Керженцева. Улан-Батор. 2003. 14 октября.
28. Обращение президента к парламенту // Унэн. 2003. 27 октября.
29. Там же.
30. Одрин сонин. 2005. 12 октября.
31. Агентство МОНЦАМЭ. Улан-Батор. 2006. 17 января.
32. Ардын эрх. 2005. 10 октября.
33. Главный аудитор Монголии Л. Жавзмаа пишет: "Коррупция встречается при распределении иностранной помощи, инвестиций, кредитов. Это всегда мошеннические действия" // Одрин сонин. 2005. 24 октября.
34. Ардын эрх. 2005. 20 января.
35. Там же.
36. Очир Б. Монголы в неоколониальной политике Международного валютного фонда // Одрин сонин. 2005. 24 октября. (на монг. яз).

К 50-летию Института Дальнего Востока РАН

Владимир Иванович Глунин и изучение истории Китая в ИДВ РАН

Научная деятельность В.И.Глунина неразрывно связана с развитием отечественного востоковедения и китаеведения в послевоенный период. 18-летним юношей он ушел на фронт в 1943 г. и воевал в действующей армии на Ленинградском и 1-м Украинском фронтах до славной Победы в 1945 г.

Ратные труды В.И.Глунина были отмечены многими орденами и медалями, в том числе: "Славы", "Отечественной войны" и медалью "За отвагу". Труды научные — медалью "За трудовое отличие", грамотами Президиума Российской академии наук, учеными степенями и почетными званиями.

Сняв военную форму, он в 1946 г. поступил в Московский институт востоковедения (изучал японский и китайский языки), который закончил в 1951 г. Через три года в июле 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию "Борьба Коммунистической партии Китая за победу народной демократии в период третьей гражданской революционной войны (1946-1949 гг.)", ставшую одной из первых исследовательских работ нового поколения китаеведов. Затем им были выпущены такие монографии, как "Третья гражданская революционная война в Китае (1946-1949). Очерк политической истории". М., 1958 (переведена на болгарский язык и издана в Софии в 1959 г.); "Социалистическая революция в Китае (1949-1959)". М., 1960 (работа была издана на венгерском языке в Будапеште в 1961 г.).

Определенный период времени в 1952-1954 гг. В.И. Глунин преподавал в Московском институте востоковедения (МИВ), короткий период (1954-1955 гг.) — в МГИМО МИД, некоторое время — в ИСАА при МГУ, а начиная с 1955 г. работал в Академии наук: в Институте востоковедения (1955-1956, 1962-1964), Институте китаеведения (1956-1961), в затем со дня основания в 1966 г.— в Институте Дальнего Востока АН СССР. Одной из основных задач, поставленных при создании ИДВ АН СССР, было изучение истории КПК. Был создан сектор по изучению истории КПК, руководить которым пригласили В.И.Глунина. Сразу же началась кропотливая работа по решению поставленной перед историками института труднейшей задачи.

Следует подчеркнуть, что в Советском Союзе до этого времени не велось систематического исследования истории КПК.

Трудности, в первую очередь, были связаны со слабой изученностью ряда ключевых проблем социально-экономической и политической истории Китая в новейшее время, истории китайской революции, а также недостаточностью разработки некоторых теоретических проблем освободительного движения и социальных процессов в "третьем мире". Далее, объективному научному освещению основных узловых событий, проблем и тенденций истории КПК мешали ограниченность или вообще отсутствие надежной документаль-

ной базы (к примеру, отсутствовали стенограммы или протоколы почти всех съездов КПК как до 1949 г., так и после основания КНР кроме VI, и частично, VIII съездов, протоколы пленумов ЦК, многие принципиальные решения и постановления ЦК КПК, местная партийная пресса, большая часть внутривнутрипартийных изданий КПК. Партийные архивы КНР и СССР, включая архив Коминтерна, были закрыты).

Следовало детально изучить документы КПК из советских архивов в значительной части ранее не публиковавшиеся (сотрудники сектора В.И.Глунин, А.М.Григорьев, А.С.Титов по специальным разрешениям были допущены в партийные секретные архивы СССР, однако им разрешалось только знакомиться с некоторыми документами, но запрещалось копировать, выписывать части документов и выносить это из архивов, давать точную отсылку на тот или иной архивный документ). Необходимо было проанализировать документы и материалы, вошедшие в различные публикации в нашей стране и за рубежом, материалы прессы КПК, а также использовать в своей дальнейшей работе обширную мемуарную литературу по исследуемой проблематике. Создать в секторе определенную базу данных из найденных архивных документов и материалов. Попытаться использовать ценные издания и публикации из личных собраний специалистов и историков нашей страны. Опросить и записать личные впечатления тех лиц, кто в то или иное время находился в Китае на дипломатической и разведывательной работе.

Другой задачей, стоявшей перед сектором истории КПК, был подбор соответствующих научных работников со знанием европейских и китайского языков, новейшей истории Китая, умеющих работать с источниками и архивными документами. И такой коллектив был создан, в него входили: А.М.Григорьев, К.В.Кукушкин, А.С.Титов, А.Ю.Тюрин, А.С. Мугрузин, И.В.Юрченко, В.Н.Никифоров, А.С.Ипатова, В.Н.Усов, К.В.Шевелев, И.Б. Волкова, Л.А.Тищенко, С.А. Горбунова, Н.В.Коваленко. На полставки работали в нем также М.Ф.Юрьев и А.В.Меликсетов. В 1972 г. в него влился Е.В.Пузицкий. Возглавил этот коллектив В.И.Глунин, показав себя как хороший организатор и требовательный руководитель научного коллектива, занявшегося глубокой разработкой одного из центральных направлений изучения политической истории Китая в новейшее время — истории КПК, ставшей руководящей партией Китайской Народной Республики.

Результатом напряженной работы сектора стала книга "Очерки истории КПК" (вышедшая под грифом "секретно"), ставшая первой в нашей стране коллективной монографией по такой сложной теме как история КПК.

За ней последовала "Новейшая история Китая. 1917-1970 гг.", выпущенная в 1972 г., авторами которой были В.И.Глунин, А.М. Григорьев, К.В.Кукушкин, В.Н. Никифоров. Она явилась новым словом в советском китаеведении, практически став учебником по новейшей истории Китая для всех преподавателей и студентов вузов страны. Книга не утратила своей значимости до сегодняшнего дня.

Затем перед Институтом Дальнего Востока была поставлена новая задача: подготовить многотомную новейшую историю Китая. Для этих целей на базе сектора истории КПК было сформировано три сектора по истории Китая: первый — история Китая с 1917 по 1927 гг., руководитель В.И.Глунин, второй — с 1928 по 1949 гг., руководитель В.Н. Никифоров, третий — с 1949 по 1970-е годы, руководитель К.В.Кукушкин. Три сектора составляли отдел истории, который возглавлял В.И.Глунин.

Параллельно с этим сектором новейшей истории, возглавляемым В.И.Глуниным, была начата работа по сбору и публикации документов по истории КПК. Первый том "Документов по истории КПК 1920-1927 гг." в четырех книгах был подготовлен и издан в 1977 г., тиражом 100 экз. В нем были опубликованы постановления I-V съездов КПК, резолюции пленумов ЦК КПК, решения, воззвания и другие материалы партии. В него вошли также некоторые документы Коминтерна по китайскому вопросу.

Второй том "Документов по истории Коммунистической партии Китая. 1920-1949 гг." в пяти книгах, вышел в 1981 г. также тиражом 100 экз. В него

вошли решения VI съезда КПК, резолюции П. III, IV, V пленумов ЦК КПК 6-го созыва, постановления, воззвания и другие материалы ЦК и его Политбюро, вышедшие в различных советских, китайских, японских изданиях. В сборник вошли также документы Коминтерна по китайскому вопросу. Большинство зарубежных материалов было переведено на русский язык впервые.

Настоящее издание документов явилось первой такого рода публикацией в СССР. Все издававшиеся ранее сборники материалов по истории КПК и революционному движению в Китае носили тематический характер, освещали отдельные аспекты деятельности КПК и не могли быть положены в основу нового издания. Новые публикации документов по истории КПК показали, что наше китаеведение располагает наиболее солидной документальной базой по истории Компартии Китая.

Таким образом, В.И.Глунин длительное время возглавлял научные подразделения, занимавшиеся проблемами истории КПК и новейшей истории Китая, показав себя талантливым организатором науки.

Новая задача, поставленная перед отделом, была выполнена. В 1983 г. вышла книга "Новейшая история Китая 1917-1927" (399 стр.). Руководителем авторского коллектива был В.И.Глунин. В 1984 г. вышла следующая книга "Новейшая история Китая 1928-1949" (439 стр.), руководителем авторского коллектива был В.Н.Никифоров. Была подготовлена и третья книга, охватывающая период с 1949 по 1980 гг., руководителем авторского коллектива был К.В.Кукушкин, однако по конъюнктурным соображениям того времени она не увидела света.

Перед историками института была поставлена новая задача — подготовить первую в нашей стране полную историю КПК, был сформирован рабочий коллектив историков во главе с В.И.Глуниным, который приступил к реализации новой задачи. В 1987 г. в ИДВ АН СССР вышла "История Коммунистической партии Китая" в двух томах под грифом "для служебного пользования", главным редактором которой был М.Л.Титаренко. Том первый охватывал период с 1917 по 1949 г. (руководитель авторского коллектива В.И.Глунин), том второй — с 1949 по 1982 г. (руководители авторского коллектива В.И.Глунин и В.Н.Усов). Общий тираж составил всего 50 экземпляров.

В связи с известными изменениями в Советском Союзе с начала 1990-х годов был открыт доступ к большей части материалов архива Коминтерна (ранее архив РЦХИДНИ, сейчас РГАСПИ), в прошлом десятилетиями закрытый для научных изысканий, который предоставил китаеведам возможность обратиться к изучению китайской политики ВКП(б) и Коминтерна на базе новых, ранее закрытых и секретных первоисточников. Большое научное значение этих документов трудно переоценить, они смогли подтвердить или опровергнуть прежние версии истории КПК, ее контактов и сотрудничества с Гоминьданом, Коминтерном, ВКП(б). В них содержатся многие неизвестные факты и оценки, которые дают возможность значительно уточнить наше понимание всего тогдашнего исторического процесса. Они раскрывают также внутренние, "рабочие" отношения, подходы и поведение представителей ВКП(б) и Коминтерна в Китае, механизм взаимоотношений Москвы с Компартией Китая и Гоминьданом, ее воздействием на внутренние процессы обеих партий Китая.

В мае 1992 г. коллектив историков ИДВ под руководством В.И.Глунина, китаеведы Восточноазиатского семинара Свободного университета Берлина, Университета им. Гумбольда решились взяться за издание сборников документов архива Коминтерна. Было договорено, что тома сборников документов будут издаваться одновременно в России на русском языке и в Германии на немецком. Позднее учитывая актуальность и значимость опубликованных документов к проекту подключился Институт (Кабинет) истории партии при ЦК КПК, осуществляющий перевод и издание документов на китайском языке (первый том также был переведен и издан на Тайване).

Итак, в 1990-е годы сотрудниками сектора истории ИДВ РАН началась реализация нового проекта программы "Основные проблемы политической истории Китая в XX веке. Новые источники и исследования", центральное место в которой занимает крупный международный проект публикации архивных

документов под общим названием "ВКП(б), Коминтерн и Китай". В.И. Глунин принимал активное участие в реализации этой программы. После его ухода с поста заведующего сектором истории в 1994 г. на его место пришел из ИНИОН АН СССР, где он работал с 1970 г., д.и.н. А.М. Григорьев, который продолжил работу над реализацией нового проекта. В 1994 г. вышел том первый "ВКП(б) и национально-революционное движение в Китае. Документы. 1920-1925)" (769 стр.) этого проекта. В 1996 г. вышел под таким же названием том второй, охватывающий период с 1926-1927 гг. (1011 стр.). В 1999 г. вышел том третий "ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае, 1927-1931)" (1598 стр.). В 2003 г. вышел том четвертый под тем же названием, охватывающий период 1931-1937 гг. (1231 стр.). И в работе над всеми четырьмя томами активное участие принимал В.И. Глунин.

Результатом многолетних исследований В.И. Глунина в области истории КПК стала докторская диссертация, защищенная им в 1976 г. Он — автор более 100 научных работ, в том числе пяти монографий. Последняя монография "Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (1921-1927 гг.)" в 2-х книгах. (М., 1975 г.) представляла собой первую в нашей историографии попытку научного монографического исследования начального этапа истории КПК. В работе была успешно решена задача объективного научного освещения главных событий и тенденций истории КПК в 20-е годы, основанного на достоверных архивных (большой частью ранее секретных) документах и фактах. Особое внимание уделено роли и вкладу Коминтерна и КПСС в разработку проблем коммунистического движения в Китае, их теоретической, практической и финансовой помощи китайским коммунистам.

Перу В.И. Глунина принадлежат такие крупные разделы в подготовленных с его участием или под его руководством фундаментальных коллективных трудах как "Очерки истории Китая в новейшее время" (М., 1959), "Новейшая история Китая. 1917-1970 гг." (М., 1972 г.), "Новейшая история Китая (1917-1927)", в книгах "На новом пути" (М., 1968 г.), "История Китая с древнейших времен до наших дней" (М., 1974 г.), "Коминтерн и Восток" (М., 1969), "Коминтерн и Восток. Критика критики" (М., 1978 г.), "Революционный процесс на Востоке. История и современность". (М., 1982), "Всемирная история" (т.11-12), "История международного рабочего движения" (т.4-5) и др.

Труды В.И. Глунина всегда отличали такие качества, как использование ценных, прежде всего документальных первоисточников, новаторский подход, глубокий анализ документов и материалов, высокое профессиональное мастерство историка. Свидетельством высокого авторитета В.И. Глунина и его исследований стало присвоение ему почетного звания "Заслуженный деятель науки РСФСР" и международное признание его трудов, многие из которых были переведены за рубежом.

Его труды, высказанные в них новаторские идеи и введенные в научный оборот документы и материалы оказали большое влияние на многие общие и специальные работы отечественных китаеведов и востоковедов по истории освободительного движения в Китае и в других странах Востока, вопросам восточной политики Коминтерна. Частые ссылки на основные работы В.И. Глунина, либо их упоминание и цитирование присутствуют и в наиболее авторитетных работах зарубежных авторов Европы, Америки и Азии, что еще раз подтверждает его значимость как большого ученого.

Об оздоровлении мирового порядка и новом мышлении в китайской дипломатии

© 2006

Ли Син

Глобализации сопутствует появление новых глобальных проблем, которые необходимо решать в общемировых рамках. Для этого нужны глобальный кругозор, глобальное мышление и общее оздоровление мирового порядка. Это так называемое общемировое упорядочение — есть международная деятельность, то есть категории понятий и действий, нацеленные на решение глобальных проблем и вопросов, представляющих общественный интерес. Это — процедуры и механизмы, предназначенные для поддержания порядка. Глобальное упорядочение занимает промежуточную нишу между мировым правительством и состоянием анархии. Разумеется, не все глобальные проблемы являются плодом глобализации. Такие проблемы как разложение, политика диктата и т.д., существовали издавна и порождены процессом самого человеческого существования и жизненной неудовлетворенностью. Глобальное упорядочение не ограничивается лишь рамками исключительно глобальных проблем, оно охватывает также общественные дела глобальной значимости. Строгое толкование этого термина включает в себя как узкое, внутреннее содержание, так и широкое, внешнее продолжение, этот термин не может охватывать "всё" и "вся", а должен иметь свои специфические объекты и методы исследований. Между глобальным упорядочением и государственным суверенитетом сохраняется сложный баланс и к этому нельзя подходить упрощенно. Глобальное упорядочение зиждится на добровольности и сотрудничестве, а не на принуждении. Модели упорядочения многообразны, и необходимо стремиться к совершенному и всеобъемлющему наведению порядка. Соединенные Штаты Америки "установили господство" над Ираком, "исправляют" КНДР, "бьют" по Ирану, однако все это весьма далеко от подлинного наведения порядка. В сравнении с традиционным господством оздоровление мирового порядка отличается своими объектами, сферами, рамками, методами, способами и интенсивностью.

Наш мир полностью взаимосвязан, в нем нет четких границ между Востоком, Западом, Югом и Севером, которые отличаются лишь разным колоритом в зависимости от специфики идеологий и мировосприятия. В этом и состоит трудность, связанная с осуществлением глобального упорядочения.

Что касается идеологической основы такого упорядочения, то дипломатия Китая, интегрирующегося в процессы глобализации, сталкивается здесь с новыми вызовами, которым необходимо противопоставлять новое мышление.

1. Новое понятие интересов. Интересы государства по существу подразделяются на несколько категорий. Главные связаны с существованием и безопасностью страны, далее следуют экономические интересы и, наконец, так называемый национальный престиж. Прежде всего необходимо по-новому трактовать понятие государственного суверенитета, который всегда рассматривался как коренной интерес любой страны. В новую эпоху осуществления глобального упорядочения суверенитет должен быть адаптательным, прагматичным и гибким. Примерами этого являются создание в Китае особых экономических зон, проведение НОАК совместных военных учений с Россией, Францией, США и Киргизией. И далее, государственные интересы тесно смыкаются с международными интересами, которые, в свою очередь, взаимосвязаны с интересами отдельных стран. Поэтому ущерб интересам одних бьет по интересам всех, точно так же, как удача для одних является удачей и для других. Нанесение ущерба другим означает нанесение ущерба и самому себе. И, наконец, необходимо новое понятие безопасности. Человечество живет на Земле, подобно пассажирам, плывущим в одной лодке, поэтому безопасность других есть синоним собственной безопасности. Вот почему нельзя быть безучастным к безопасности других (например, в случае с нетрадиционной безопасностью). В противном случае ты своими руками загоняешь себя в капкан. Нельзя быть простым "потребителем" безопасности. К примеру, энергетика — это кровь народного хозяйства. По мере экономического развития государств стоимость нефти непрерывно растет и проблема энергетической безопасности становится одной из наиболее актуальных и центральных проблем для всего мира. Сотрудничество по вопросам энергетики затрагивает интересы и безопасность всего мира. Следовательно, забота лишь о собственной выгоде может привести к ущербу и потерям для всех. Правительство и народ Китая продемонстрировали трогательное бескорыстие при оказании помощи другим странам в период финансового кризиса в Юго-Восточной Азии в 1998 году, а также в 2004 г. во время ударов цунами в Индийском океане. Щедрая помощь со стороны КНР была оказана и для восстановления Афганистана. Китай стал, таким образом, "гарантом" безопасности и стабильности.

2. Новое понимание развития. Во-первых, если говорить о такой стране, как Китай с его населением, территорией и культурно-экономической базой, то его сбалансированное, гармоничное и постоянное, научно обоснованное развитие является серьезным вкладом в прогресс человечества и глобальное упорядочение, поскольку ситуация в КНР затрагивает не только сам Китай и его население, но имеет общемировое и общечеловеческое значение. В отличие от некоторых стран, которые воздействуют на окружающий мир, используя для этого свою мощь вплоть до военной силы, а также моральные ценности, Китай преобразует мир собственным существованием и развитием, внося свой вклад на благо человечества. Развитие Китая — важная составная часть процесса общемирового развития.

Кроме того, собственное развитие совсем не обязательно должно мешать развитию других и ослаблять их. И уж тем более — собственное усиление не предполагает уничтожения соперника. Напротив, "развиваясь сам, даешь возможность развиваться и другим". Если же другие не получают развития, то в конечном счете и ты сам обречен на отставание. В условиях современной эпохи, когда превосходство на стороне капитализма, необходимо уметь приспособиться к тому, чтобы развиваться и сосуществовать с капитализмом, жить вместе с ним и вместе добиваться процветания в отличие от прошлых периодов пребывания в состоянии "горячей или холодной войны", или мирного

существования. Развиваться необходимо и развитым странам, не говоря уже о развивающихся.

И еще. На фоне глобализации китайская культура проповедует мир при сохранении неодинаковых подходов, мирное сосуществование, мирное возвышение, мирное развитие, гармоничное общество, поиск общего при наличии расхождений, конкуренцию в условиях сосуществования, совместное пользование плодами процветания. Это резко контрастирует с устремлениями старых империалистических держав, которые строили свое благополучие на войне, существовали за счет эксплуатации и наживались путем ограбления других народов, преследуя также цель захвата командных позиций в международной экономике. Мирное развитие Китая, отвечая китайским интересам, вместе с тем идет на пользу всему миру, соответствует духу Организации Объединенных Наций. Оно рационально, законно, возможно и реально, учитывая усиление взаимозависимости в эпоху глобализации, учитывая жестокие уроки мировой войны, страшные последствия возможного ядерного конфликта, а также принимая во внимание мирные традиции Китая и его культуры, эпохальное значение мира и развития, опыт и уроки военного возвышения Германии и Японии, мирного возвышения США и все прочее.

3. **Новый взгляд на “модель поведения”.** Глобальное упорядочение предполагает, что все большее число стран принимают участие в региональных и международных делах, преодолевая изоляцию от международного сообщества, что они не удовлетворяются исключительно ролью критиков и разрушителей международного порядка, а хотят выступать в качестве его созидателей и соучастников этого созидания, не бросая, однако, слепо вызова существующему международному порядку. Иными словами, Китаю следует особенно “не высовываться”, а больше трудиться: утверждать за собой имидж ответственной великой державы, пользующейся доверием, отказаться от “страусиной политики”, активно участвовать в наведении глобального порядка и строительстве международной системы, демонстрировать стремление брать на себя больше международных обязательств и программ. Необходимо осуществлять дипломатию крупной державы, например, в международных миротворческих операциях (на Восточном Тиморе, в Либерии, Конго (Зимбабве), Гаити). В то же время в рамках международной политики эпохи глобализации Китаю следует кое от чего отказаться: не демонстрировать собственное великодержавие и гегемонизм, не прибегать к силовой политике, не брать на вооружение всеобщий прагматизм, не испытывать страха и раболепия перед Соединенными Штатами Америки. При этом Китаю следует идти в ногу со временем, извлекать пользу из складывающейся ситуации и избегать неприятностей. Но не следует излишне забываться и идти на любые столкновения.

Терроризм — важный феномен в сегодняшней международной политике. Тем не менее, он вряд ли представляет собой главное противоречие, с которым сталкивается современный мир. Проблема состоит не в том, нужно ли бороться с терроризмом, а в том, как с ним бороться. В какой мере это должно заботить китайскую дипломатию? Если для США борьба с терроризмом — самая насущная задача, то для международного сообщества и, тем более, для Китая она таковой, разумеется, не является. Международный терроризм уже превратился для США из нетрадиционной прежде проблемы безопасности — в традиционную. По отношению к Китаю это не совсем так, и у терроризма в этом случае другое значение. Главное противоречие, стоящее перед Китаем, заключается в том, как реагировать на вызовы глобализации, как добиваться мирного возвышения.

Задача Китая заключается не в том, чтобы бросать вызов и разрушать существующий международный порядок, а в том, чтобы интегрироваться в него, затем получить право слова и принятия решений и постепенно строить справедливый и рациональный новый международный порядок. Борьба против

гегемонизма — это традиция китайской дипломатии, но это отнюдь не означает антиамериканизма и тем более не предусматривает создания единого антиамериканского фронта. Хотя многополярность в известной мере делает возможной борьбу против гегемонизма США, этой единственной сверхдержавы, однако создание единого антиамериканского антигегемонистского фронта вряд ли осуществимо, т.к. у каждой страны есть свои интересы, имеются глубокие различия в культуре, государственном строе, исторических традициях и реальных внутренних ситуациях. К тому же следует учитывать взаимосвязь в эпоху глобализации между различными странами и сверхдержавой, а также хорошие возможности, которыми располагает последняя для их расслоения и размежевания. Китай должен отрешиться от мышления времен “холодной войны” и наклеивания ярлыков. Он должен определять свою позицию на основании реальной ситуации, быть гибким и практичным, твердо придерживаться справедливости и истины. Учитывая свою национальную мощь, Китай не должен стремиться быть в фокусе международных противоречий, но вместе с тем он не может избегать и страшиться противоречий, не может относиться к проблемам “спустя рукава”, уклоняться от ответственности.

4. **Новый подход к дипломатии.** Мир — это неделимое целое, где нет места ни враждебной дипломатии, ни антагонистичной политике. Следует овладеть искусством достижения компромиссов, уступок, взаимного выигрыша, выгоды для обеих сторон, уделять больше внимания абсолютной и меньше — относительной полезности. Следует отказаться от “блокового мышления” времен “холодной войны”. “Живи и давай жить другим” (live, let's live). В Китае многополярность рассматривают как ключевой элемент дипломатии.

В рамках многополярности США остаются для Китая крупнейшим соперником и одновременно — государством, обмена с которым являются наиболее интенсивными. Ведь США являются самой крупной капиталистической страной, а Китай — самая большая социалистическая страна. США — это крупнейшее развитое, а Китай — крупнейшее развивающееся государство. США — единственная в современном мире сверхдержава, а Китай — мощное региональное государство, находящееся в процессе возвышения и обладающее глобальным влиянием. США представляют западную цивилизацию, а Китай олицетворяет собой восточную цивилизацию. США играют в мире руководящую роль и являются гарантом международного политического и экономического порядка. Китай же выступает как его критик и одновременно — как “пассажир в этом вагоне”. В китайско-американских отношениях существует множество препятствий, это отношения ни врагов, ни друзей.

Международное положение и стратегические позиции России и Китая идентичны, имеются широкие просторы для сотрудничества как по двусторонним и региональным, так и по глобальным вопросам, их отношения стратегического партнерства и взаимодействия являются образцом отношений между крупными державами. Вместе с тем, они образуют важную силу, стимулирующую развитие многополярности в мире. Весьма болезненная пограничная проблема между Китаем и Россией практически разрешена. Мир и развитие — основной ориентир в отношениях двух стран, состояние которых в настоящее время — лучшее за всю их историю. Хотя между двумя странами остаются некоторые проблемы, тем не менее Россия стратегически в максимальной степени способна стать важной опорной силой в процессе мирного возвышения Китая.

Китай и Япония являются близкими соседями, между ними существуют весьма тесные экономические связи, но политические отношения остаются довольно прохладными. На сегодняшний день крупнейшей проблемой, разделяющей их, является проблема отношения к вопросам истории, которая требует от Китая стратегического подхода и дальновидности для ее надлежащего разрешения.

Китай и ЕС расположены на противоположных краях евразийского материка, между ними нет коренного и радикального столкновения интересов,

равномерно развиваются экономические, научно-технические, политические и культурные связи, поддерживается всестороннее и постоянное сотрудничество. Важнейшими субъектами международных отношений являются крупные государства. Поиск общего при сохранении различий на базе сотрудничества — такова их основная тенденция, а деспотизм и гегемонизм являются достоянием прошлого.

Необходимо проводить многостороннюю политику, ставить во главу угла человека, стимулировать развитие его добрых начал, принимать активное участие в международных организациях, заключать международные договоры, опираться на международное право, усиливать международную координацию. Необходимо практиковать гуманную, народную дипломатию. Дипломатия Китая ставит во главу угла человека. Она должна служить не только Китаю и китайскому народу, но всему миру и всем народам.

Китай рассматривает развивающиеся страны в качестве главного объекта своей дипломатии. Ведь и себя он считает развивающимся государством. Китай нуждается в третьем мире, а третий мир — в Китае. Китаю необходима его политическая поддержка, например, в тайваньском вопросе, в вопросе прав человека. В сфере экономики Китай нуждается в энергоресурсах, сырье и рынках третьего мира. Преодоление бедности в развивающихся странах содействует интересам безопасности всего мира и самого Китая. Хотя в результате глобализации во всех странах усилился экономический национализм и даже произошла капитализация международной политики, а в отношениях Китая со странами третьего мира глобализация поставила новые вопросы, тем не менее, нельзя огульно отказываться от интернационализма, поскольку в условиях новой эпохи произошли изменения лишь в формах и содержании его проявлений.

Китаю следует осуществлять региональное взаимодействие и региональную интеграцию, налаживать с соседями партнерские связи, укреплять добрососедство, стремиться окружить себя процветающими, дружественными и безопасными соседями. Китаю нужно создать зону свободной торговли с АСЕАН, укреплять вместе со странами Центральной Азии Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), путем многосторонних переговоров разрешать корейский ядерный кризис, уделять внимание развитию традиционных дружественных связей с КНДР, Монголией, Вьетнамом, помогать в восстановлении Афганистана и Киргизии; развивать дружественные отношения одновременно и с Пакистаном, и с Индией. Китай считает свою периферию важнейшим объектом своей внешней политики. Если наращивать усилия для укрепления доверия и устранения подозрительности, если все будут смотреть на Китай как на доброго и безопасного соседа, то разговоры о «китайской угрозе» прекратятся сами собой. Необходимо, чтобы в пограничных странах и регионах осознали, что развитие Китая несет для всех благоприятные возможности, а не угрозу. Поскольку глобальное упорядочение обязательно влечет за собой интеграцию, региональная интеграция взаимно обуславливается глобализацией.

Вместе с тем, необходимо сохранять замечательные традиции и специфичность китайской культуры, поскольку только наиболее ярко выраженное национальное обладает наибольшим космополитизмом и всеобщностью. Полная вестернизация необязательна, да и невозможна. Необходим диалог, обмена и связи между культурами. Китай выступает против культурного национализма и культурного империализма.

Япония: партии и политика обеспечения безопасности

© 2006

И. Цветова

В Японии, как и в других демократических государствах, политические партии — центральное звено в процессе формирования внешнеполитического курса государства, в первую очередь принятия принципиальных решений, касающихся обеспечения национальной безопасности. Соотношение партийных сил в японском парламенте определяет состав правительства, которому вверяется практическое осуществление внешней политики; оно же является фактором, решающим судьбу законопроектов, которые призваны заложить основу деятельности правительства в этой сфере. Правительство совместно с правящими партиями изучает и согласовывает принципиальную направленность внешней политики, реализация которой является предметом неизменного контроля, поддержки или оппозиции со стороны парламентских партий, отражающих интересы различных слоев населения Японии.

На протяжении почти всего периода "холодной войны" характерной особенностью японской партийно-политической системы было монопольное правление Либерально-демократической партии (ЛДП), главным оппонентом которой выступала Социалистическая партия Японии (СПЯ). Будучи весьма мощной политической силой, за которой стояли интеллигенция, профсоюзы, различные массовые организации, СПЯ, тем не менее, оставалась в положении "вечной оппозиции". К другим, менее влиятельным, политическим силам оппозиции относились: Коммунистическая партия Японии (КПЯ), "партии среднего пути" — Партия демократического социализма (ПДС) и Социал-демократический союз (СДС), образованные вследствие раскола СПЯ, а также Партия чистой политики (Комэйто), созданная по инициативе массовой небуддистской организации Сока гаккай. Позиции политических партий по вопросам обеспечения национальной безопасности во многом отражали состояние перманентной конфронтации двух мировых социальных систем во главе с США и Советским Союзом.

Правящая ЛДП считала основой безопасности Японии политический и военный союз с США, размещение в соответствии с японо-американским договором безопасности американских военных баз на японской территории, "прикрытие" американским "ядерным зонтом". Одновременно она добивалась постепенного наращивания собственного оборонительного потенциала в форме "сил самообороны".

СПЯ, напротив, требовала ликвидации договора безопасности, рассматривала силы самообороны как "неконституционные", противоречащие девятой статье конституции, отрицающей не только право Японии на ведение войны, но и обладание собственной армией. В отличие от европейских социал-демо-

кратов японские социалисты выдвинули и пропагандировали идею “невооруженного нейтралитета”, выступали сторонниками неприсоединения Японии к любым политическим и военным блокам.

КПЯ также придерживалась позиции борьбы против японо-американского договора безопасности, выступала за ликвидацию американских военных баз в Японии, против наращивания японского оборонительного потенциала, стремясь при этом всячески подчеркивать отличие своих взглядов от СПЯ, в частности, критикуя концепцию “невооруженного нейтралитета”.

Партии “среднего пути” занимали промежуточные позиции по вопросам обеспечения безопасности. Само образование ПДС частью деятелей правого крыла СПЯ было следствием расхождения их взглядов с официальным курсом социалистов, отрицавших японо-американский договор безопасности. Более последовательным, но, в конце концов, также пришедшим к признанию реальности японо-американского союза был курс Комэйто, провозгласившей себя “партией мира и благосостояния” и полагавшей, что Япония в принципе должна строить политику безопасности в соответствии с положениями национальной конституции.

Следует отметить, что в годы “холодной войны” ни одна из японских партий не могла игнорировать господствовавшие в стране антивоенные настроения. Из памяти народа еще не стерлись воспоминания о трагических последствиях прошлых войн. Тем более японцы не хотели оказаться втянутыми в новые крупные вооруженные конфликты, возникавшие вблизи их страны — на Корейском полуострове и в Индокитае. Особое значение имел тот факт, что японцы были первыми массовыми жертвами американских атомных бомбардировок. Они понимали, что в условиях “конфронтации Запада и Востока” при возникновении крупномасштабной войны Японии на самом деле не удастся “прикрыться” американским “ядерным зонтом”.

Не удивительно, что правительственная политика обеспечения безопасности основывалась на трех столпах — японо-американском союзе, силах самообороны, девятой статье конституции, играющей роль ограничителя, не допускающего выхода за пределы обязательств по японо-американскому договору безопасности и официального предназначения сил самообороны. В этих условиях ЛДП, хотя и зафиксировала в 1955 г. в своих программных документах установку на “самостоятельный пересмотр конституции”¹, постоянно подчеркивая, что первоочередным и наиболее важным объектом пересмотра станет девятая статья, тем не менее, в практическую сферу своей деятельности ревизию конституции не ставила и от ее девятой статьи не отказывалась.

В последнее десятилетие XX в. существенно изменилась внешняя и внутренняя обстановка, в которой формировалась японская политика обеспечения национальной безопасности. “С исчезновением негативной стабильности эпохи “холодной войны”, — отмечает министр иностранных дел РФ С. Лавров, — обострились многочисленные региональные конфликты, как старые, так и новые. Опасной тенденцией стало их превращение в реальные и потенциальные очаги терроризма, преступности, наркоторговли и распространения оружия массового уничтожения. Всему этому способствуют сохраняющиеся во многих регионах нищета, безработица, напряженность на социально-экономической, межнациональной и религиозной почве, создающие питательную среду для экстремистских настроений”².

В Японии также понимают, что окончание “холодной войны” не устранило необходимость иметь собственную, четко определенную политику обеспечения национальной безопасности, адекватную новой международной обстановке. Вместо мифа об “угрозе с Севера”, со стороны Советского Союза, японские политологи обратили внимание на нарастание новых, ранее недооцененных, реальных угроз, непосредственно или косвенно затрагивающих государственные интересы Японии. Так, еще в 1992 г. С. Сато в книге, изданной

совместно с бывшим премьер-министром Японии Я. Накасонэ, писал: “Конец “холодной войны” еще не означает наступления прочного мира. С момента появления ядерного оружия стало очевидным, что война между ведущими государствами (даже не обладающими ядерной мощью) приведет к уничтожению человечества и обернется катастрофой. Поэтому, несмотря на то, что Восток и Запад раздирали глубокие, коренные противоречия, после второй мировой войны ни разу не возникала настоящая война. А окончание “холодной войны” еще более понизило степень вероятности реальной войны между наиболее мощными державами. Однако это не означает, что человечество совершенно освободилось от войн. Во времена “холодной войны” возникло много региональных конфликтов, причинами которых были национальные распри, религиозные трения, столкновения экономических интересов. Окончание “холодной войны” ни в коей мере не устранило эти причины. Наоборот, демонтаж порядка времен “холодной войны” значительно усилил их”³.

Последующие события, начиная с войны в Персидском заливе вплоть до сохраняющейся до сих пор кризисной обстановки в Ираке, в полной мере подтвердили такой прогноз. Более того, мир столкнулся с новым явлением — международным терроризмом, быстро распространившимся на многие страны. В такой обстановке признаки расползания оружия массового уничтожения вызывают в Японии еще большую, чем прежде, озабоченность. Японцев особенно беспокоит возможность появления у КНДР эффективного, способного реально им угрожать ракетно-ядерного оружия.

Естественно, перед Японией встали коренные вопросы, относящиеся к определению политики обеспечения национальной безопасности в новых условиях:

- Следует ли по-прежнему ориентироваться исключительно на японо-американскую систему обеспечения безопасности?

- Какой должна быть роль Японии в международной миротворческой деятельности?

- Какое место должно быть отведено японским силам самообороны?

- Достаточна ли законодательная база для оперативного реагирования Японии в разных ситуациях чрезвычайной обстановки?

В настоящее время ответы на эти актуальные вопросы приходится искать в условиях совершенно иного по сравнению с началом 1990-х годов соотношения партийно-политических сил в стране.

Напомним, что длительное монопольное правление ЛДП вызвало большое общественное недовольство, рост которого стал особенно заметен на фоне непрекращавшихся разоблачений коррупции политиков правящей партии, в том числе среди высших партийных руководителей и членов правительства. В 1993 г. в ЛДП произошел раскол. Из нее ушла значительная часть влиятельных парламентариев, объявивших себя самостоятельными партиями или фракциями. Состоявшиеся в такой обстановке выборы в палату представителей лишили ЛДП большинства в ней, необходимого для единоличного формирования правительства. В то же время возникла противостоящая ЛДП коалиция других партий, включая партии, созданные выходцами из ЛДП, партии центристской ориентации, а также СПЯ. Так ЛДП уступила власть многопартийному блоку, в котором не оказалось места только для КПЯ.

Главным достижением коалиционного правительства, которое возглавил М. Хосокава, стало проведение в 1994 г. политической реформы, выразившейся главным образом в изменении порядка выборов главенствующей в парламенте палаты представителей. Вместо выборов депутатов этой палаты в многомандатных избирательных округах, которые до того времени устойчиво гарантировали многопартийный состав парламента, была введена смешанная избирательная система (большая часть депутатов палаты избирается в мажоритарных одномандатных округах, а меньшая — в формирующихся по крупнотерриториальным блокам пропорциональных округах по партийным спискам).

Инициаторы политической реформы ставили цель обеспечить сменяемость власти и стимулировать формирование двухпартийной системы.

Пересмотр избирательной системы создавал преимущества для крупных партий и, напротив, способствовал вытеснению других, менее влиятельных партий из парламента. Процесс приспособления политических сил к новому порядку выборов сопровождался расколами, роспусками и слияниями прежних партий и образованием новых. В ходе этого процесса с политической арены исчезла СПЯ, являвшаяся костяком оппозиции. Ее преемница — Социал-демократическая партия (СДП) — претерпела расколы и практически утратила политическое влияние. Возникла и стала новой главной силой оппозиции Демократическая партия (ДП), объединившая различные группировки политиков, в разное время покинувших ЛДП, СПЯ или СДП, а также членов нескольких других распущенных партий. Из числа прежних центристских партий сохранилась только Комэйто.

В процессе партийной перестройки возникли условия для преодоления бескомпромиссного противостояния по принципиальным вопросам политики национальной безопасности.

В июне 1994 г. была сформирована правящая коалиция двух прежних противников — ЛДП и СПЯ, к которой присоединилась партия Сакигакэ, образованная бывшими либерал-демократами. На первом этапе существования этого коалиционного правительства, которое возглавлял социалист Т. Мураяма (до января 1996 г.), СПЯ, по существу, отказалась от традиционной для нее позиции отрицания японо-американского договора безопасности и непризнания “конституционности” японских сил самообороны. Значительная часть электората СПЯ расценила такой поворот как беспринципный. Усилились разногласия внутри самой партии. Дальнейший курс руководства СПЯ на деидеологизацию и преобразование в социал-демократическую партию, рассчитанный на привлечение не только всех социал-демократов, но и либералов, стал губительным для социалистов. Созданная на месте СПЯ в январе 1996 г. Социал-демократическая партия вскоре претерпела раскол, и с того времени ее влияние стало катастрофически падать.

На втором этапе коалиционного правления ЛДП, СДП и Сакигакэ (1996 — 1998 гг.), когда правительство возглавил либерал-демократ Р. Хасимото, ослабленные социал-демократы уже не оказывали существенного воздействия на определение правительственной политики. На эти годы пришлось подписание Декларации о японо-американском союзе на XXI век и пересмотр Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в вопросах обороны, осуществленный с целью обеспечения расширения такого сотрудничества за пределы японской территории, фактически на весь АТР. Тогда же была завершена подготовка законопроектов, направленных на закрепление нового, расширенного понимания сферы действия японо-американской системы безопасности.

Законы, касающиеся японо-американского сотрудничества в “кризисных ситуациях вокруг Японии”, либерал-демократы смогли провести через парламент весной 1999 г., когда старая коалиция распалась и образовался их союз с Либеральной партией (ЛП), группой бывших либерал-демократов неоконсервативной ориентации во главе с И. Одзава, а также была получена поддержка этих законов со стороны Комэйто. Сотрудничество Комэйто с ЛДП, относящееся к политике безопасности, в дальнейшем распространилось и на другие сферы, стало предпосылкой для включения этой партии в правительственную коалицию осенью 1999 г. Союз ЛДП и Комэйто сохраняется до настоящего времени. Он оказался значительно более прочным, чем союз с ЛП, который завершился разрывом весной 2000 г.

Оформляя правящую коалицию в составе ЛДП, ЛП и Комэйто, ее участники договорились придерживаться в сфере безопасности курса на разработку и принятие законов, определяющих систему чрезвычайных мер в “кри-

зисных ситуациях", расширение участия японских сил самообороны в миротворческой деятельности ООН, за исключением тех ее видов, которые сопряжены с непосредственным применением вооруженной силы⁴.

К практическому осуществлению этого курса правящие партии⁵ приступили после того, как в апреле 2001 г. председателем ЛДП и премьер-министром Японии стал Дзюньитиро Коидзуми. За первые три года правления его кабинета были приняты важные законодательные акты:

- Закон об особых мерах против террора, согласно которому японские военно-морские силы в Индийском океане стали оказывать тыловую поддержку американских войск в Афганистане;

- Поправки к Закону о сотрудничестве в миротворческой деятельности ООН, распространявшие участие сил самообороны на основные виды этой деятельности.

- Две группы законов, поправок и дополнений к существующим законам, в комплексе составляющие юридическую основу деятельности государства в различных условиях "чрезвычайной обстановки";

- Закон об особых мерах в Ираке, который послужил основанием для направления в эту страну сил самообороны Японии главным образом с целью выражения солидарности с США.

Так, правительство Дз. Коидзуми дало весьма определенные ответы на упомянутые выше ключевые вопросы политики национальной безопасности в современной обстановке. Во-первых, оно не просто продолжает, а усиливает первоочередную ориентацию на союз с США, на взаимодействие с американскими войсками. Во-вторых, принимает конкретные меры по активному участию Японии в разрешении международных конфликтов, особенно в форме направления японских вооруженных сил в горячие точки планеты. В-третьих, завершает формирование законодательной базы, необходимой для оперативного реагирования на любые, угрожающие безопасности Японии осложнения обстановки вокруг нее.

Сдвиги в японской политике обеспечения безопасности в значительной степени обусловлены как произошедшими за предыдущее десятилетие крупными изменениями в расстановке партийно-политических сил, так и внутри самих партий. Это признают американские исследователи. Так, политологи из Массачусетского технологического института Сэмюелс и Бойд указывают, что в послевоенной Японии принципиальные вопросы национальной безопасности всегда определялись степенью влияния трех сил: 1) сторонников пересмотра конституции среди консервативных политиков; 2) консерваторов—реалистов; 3) пацифистов, представленных интеллигенцией, деятелями рабочего движения, левыми партиями. Американские исследователи обращают внимание на резкое ослабление с начала 1990-х годов третьей из этих политических сил, а также отмечают переход со вступлением в XXI в. руководящей роли в ЛДП от консервативных политиков—реалистов к сторонникам пересмотра конституции, к которым они относят в первую очередь премьер-министра Д. Коидзуми и С. Абэ, который до недавнего времени был генеральным секретарем ЛДП, а после отставки остался в руководстве партии⁶.

С точки зрения определения дальнейшей политики обеспечения безопасности еще более важную роль, чем прежде, приобретало отношение политических сил к пересмотру конституции, а конкретно — ее девятой статьи. "Благодаря девятой статье конституции, — подчеркивают Сэмюелс и Бойд, — Япония избежала направления персонала сил самообороны для участия в войне в Персидском заливе и вооруженных действиях в Афганистане, уклоняясь от этого и даже в случае возникновения особых ситуаций вокруг Японии, которые могут возникнуть и угрожать ее безопасности в будущем. На деле девятую статью использовали даже высшие руководители страны из числа сторонников пересмотра конституции. Весной 2003 г. они изо всех сил стремились укло-

ниться от поддержки войны в Ираке, в которую вступило правительство США, и оправдывали свою позицию существованием девятой статьи”⁷.

Действительно, более активному выходу Японии на международную арену с собственными вооруженными силами и превращению страны в полноценного союзника США, оказывающего американским войскам поддержку не только в тыловом обеспечении, но непосредственно участвующего в боевых действиях, мешает девятая статья конституции. Она стала главным сдерживающим фактором нынешней политики обеспечения безопасности Японии.

В 1950-е годы, когда в Японии дискутировался вопрос о возможности воссоздания в стране в каком-либо виде вооруженных сил, в правовом бюро кабинета министров была принята формулировка, гласящая, что “в случае вооруженного нападения на Японию минимально ограниченный отпор не будет противоречить конституции, следовательно, конституции не противоречит и обладание реальной организацией, ставящей такую цель”⁸. Эта формулировка открыла путь для формирования в стране сначала полицейского резервного корпуса, переименованного затем в корпус национальной безопасности, и, наконец, создания на его базе существующих до настоящего времени полноценных вооруженных сил в виде сил самообороны.

Как свидетельствует бывший начальник правового бюро О. Акияма, с начала 1990-х годов правительственное толкование конституции применительно к национальной политике безопасности было расширено, допуская направление сил самообороны за рубеж. “При этом позиция правового бюро всегда оставалась последовательной, — утверждает О. Акияма. — А именно: конституции не противоречит минимально ограниченный отпор со стороны Японии, но применение вооруженных действий сверх этого минимума, а также угроза применения вооруженной силы не допустимы. Следовательно, конституция не запрещает международный вклад, осуществляемый силами самообороны в таких пределах”⁹.

В японских правящих, а также деловых кругах выражается недовольство нынешним правительственным толкованием конституции, выдвигаются требования изменить его, признать за Японией право не только на индивидуальную, но и коллективную оборону, т.е. фактически на ведение боевых действий совместно с союзником или в рамках многонациональных сил. Вместе с тем ресурс толкования конституции, удовлетворяющий подобным требованиям, практически исчерпан. “Известно, что часть деловых кругов требует признать применение права на коллективную оборону, — отмечает О. Акияма. — Однако изменение в конституционной стране основных норм без пересмотра самой конституции не будет стимулировать народ к законопослушанию... Допустимые рамки применения вооруженной силы должны быть определены в статьях конституции”¹⁰.

Дальнейшая японская политика в сфере обеспечения безопасности во многом будет определяться соотношением партийных сил в парламенте.

К началу 2005 г. в японском парламенте были представлены пять партий: ЛДП, ДП, Комэйто, КПЯ, СДП. Характерной чертой расстановки партийных сил стало абсолютное преобладание в парламенте двух партий — ЛДП и ДП.

В палате представителей на долю ЛДП и ДП приходилось 426 депутатских мест, т.е. 88,7% от общего их числа, в палате советников — 198 (81,4%). Представительство других партий в парламенте, таким образом, было весьма незначительно, причем право на самостоятельное внесение законопроектов и поправок к ним сохранила только Комэйто, а КПЯ и СДП его лишились.

Наблюдавшаяся в течение более 10 лет перегруппировка партийно-политических сил вела к постепенному утверждению японского варианта партийной системы, близкой к двухпартийной, но реальную сменяемость власти эта система не обеспечивала. В соперничестве двух крупных партий превос-

ходство сохранялось за либерал-демократами, в последние годы оно подкреплялось союзом с Комэйто.

К настоящему времени правящие позиции ЛДП еще более усилились. 11 сентября 2005 г. на досрочных выборах ключевой в парламенте палаты представителей, которая была распущена по инициативе премьер-министра Дзюньитиро Коидзуми, ЛДП смогла нанести большой урон Демократической партии и добиться внушительной победы.

Партийный состав парламента Японии на 20 сентября 2005 г.*

Название партии	Число депутатов	
	Палата представителей	Палата советников
ЛДП	296 (249)	112
ДП	114 (175)	82
Комэйто	31 (34)	24
КПЯ	9 (9)	9
СДП	7 (6)	6
Беспартийные и проч.	23 (3)	5
Всего:	480	242 (1 вакансия)

Источник: Емиури симбун. 12.09 2005; 21.09.2005. В скобках указано число депутатов палаты представителей на момент ее роспуска в августе 2005 г.

Из 480 мест в палате представителей ЛДП получила 296 (61,6%), а число депутатов ДП сократилось со 175 до 114. Либерал-демократы стали обладателями устойчивого единоличного большинства в этой палате, а вместе с Комэйто, оставшейся их союзником по коалиционному правлению, они располагают теперь 237 местами, что превышает 2/3 общей их численности в палате представителей. Для ЛДП, таким образом, открылась возможность в большей мере, чем прежде, не считаться с мнением других партий и, опираясь на совместное с Комэйто подавляющее превосходство в палате представителей, фактически диктовать собственную политику, даже в условиях отсутствия у нее единоличного большинства в палате советников.

Рассмотрим конкретные позиции политических партий Японии по проблемам безопасности и их планы на ближайшие годы, представленные в предвыборных манифестах, которые с 2003 г. по закону являются официальными партийными документами.

Наиболее подробно политика национальной безопасности нашла отражение в "обещаниях власти" — манифесте ЛДП. На выборах в палату представителей 2003 г. ей был посвящен раздел под названием "Стать государством, пользующимся международным доверием. За дипломатию и политику обеспечения безопасности, ответственную перед миром". В манифесте представлены основные направления деятельности ЛДП в этой сфере, которыми, как показали последующие события, она стала руководствоваться и на практике.

Во-первых, кратко сформулирован курс на "мирную внешнюю политику японо-американского союза и международного согласия". Поставлена задача учредить Основной (т.е. базовый) закон, обсновывающий деятельность Японии по международному сотрудничеству в интересах мира.

Во-вторых, провозглашена линия на "нормализацию государственных отношений с КНДР посредством скорого и всеобъемлющего разрешения проблемы похищенных японцев, а также ядерного и ракетного вооружения".

В-третьих, чтобы обезопасить Японию в чрезвычайных обстоятельствах, намечено принять законы "О защите народа", расширить возможности го-

сударства для действий в кризисной обстановке и усилить меры, направленные на предотвращение финансирования террористов.

В-четвертых, в оборонной политике страны поставлены задачи дальнейшего укрепления сил самообороны, в том числе путем их оснащения баллистическими ракетами, придания управлению национальной обороны более высокого статуса министерства.

В манифест вошли и другие обещания либерал-демократов: 1) "решение проблем территорий и территориальных водных пространств" (настойчиво добиваться "возвращения государственных территорий и закрепления права на их обладание"; принять участие в исследовании континентальных шельфов); 2) "стратегический подход к экономической дипломатии" (активное участие в ВТО, заключение соглашений о свободной торговле, удвоение прямых иностранных капиталовложений в Японии в течение пяти лет).

В разделе документа под названием "К первой в мире по безопасности и спокойствию стране" поставлены задачи обеспечения внутренней безопасности и борьбы с преступностью, включая сокращение наполовину в течение пяти лет числа нелегалов в Японии, укрепление сил правопорядка и судебной системы. Указаны также конкретные меры, направленные на повышение продовольственной, экологической и энергетической безопасности, на повышение эффективности борьбы со стихийными бедствиями.

Наконец, прямое отношение к политике ЛДП в сфере обеспечения безопасности имеет выделенное в специальный раздел манифеста обязательство завершить к 50-летию юбилею партии в 2005 г. подготовку партийного проекта пересмотра конституции¹¹.

Хотя официальной причиной роспуска в 2005 г. премьер-министром Дз. Коидзуми палаты представителей было желание на выборах ее нового состава "выявить народную волю" относительно парламентского спора вокруг законопроектов о приватизации почтовой системы, тем не менее, ЛДП в своем новом предвыборном манифесте, названном "120 обещаний", вновь отвела большое место изложению позиции по проблемам обеспечения безопасности^{12/}

Блок обещаний, определяющих общую направленность японской дипломатии, открывался заверением в том, что Япония будет "проводить мирную внешнюю политику международного согласия, осью которой остается нерушимый японо-американский союз". Партия обещала "проявлять устойчивое лидерство в азиатской дипломатии", а именно: "разрешить проблемы, связанные с КНДР", "укреплять обращение в будущее сотрудничество с КНР, Республикой Корея и др.", продвигать концепцию "азиатского сообщества". Здесь же особо выделены намерения "настойчиво добиваться разрешения территориальных проблем" ("северных территорий и острова Такэсима"), "твердой защиты прав и интересов" в Восточно-Китайском море. Подчеркивалась и "принципиальность" позиции Японии в урегулировании "проблемы похищенных": без ее разрешения "не будет нормализации отношений с КНДР".

В блоке обещаний ЛДП, касающихся непосредственно обеспечения военной безопасности, заявлен курс на совершенствование "системы обороны" и "укрепление японо-американской структуры безопасности". При конкретизации этого курса высказано, в частности, намерение добиваться принятия в парламенте разработанного партией проекта закона об учреждении министерства обороны, усиления оборонного потенциала в соответствии с принципам нового плана обороны и т.п.

Намечено также принятие мер, направленных на противодействие новым угрозам и обеспечение готовности страны к чрезвычайным обстоятельствам, в том числе и в случае применения против нее оружия массового уничтожения и компьютерных атак. Отдельным пунктом упоминается оснащение

национальных вооруженных сил баллистическими ракетами, выдвинута задача оптимизации структуры и совершенствования управления силами самообороны, в том числе с учетом "интернационализации" их деятельности (не создавать специальной организации для участия "в международном сотрудничестве", сделать международное сотрудничество обязанностью сил самообороны путем внесения изменений в закон о них). Поставлена цель усиления разведывательного потенциала Японии (расширение возможностей государства по сбору и анализу информации, ужесточение защиты секретов, касающихся обеспечения безопасности).

В еще одном блоке обещаний подчеркнуто намерение и в дальнейшем обеспечивать возможность направления сил самообороны за рубеж в рамках международного сотрудничества и с учетом национальных интересов. Поставлена задача "изучить возможности скорейшего принятия базового закона", исключающего необходимость утверждения парламентом особых законов по конкретным случаям посылки японских воинских контингентов за пределы страны.

Наконец, в своем предвыборном манифесте ЛДП вновь подтвердила, что к 15 ноября 2005 г. опубликует партийный проект пересмотра конституции. Кроме того, она поставила цель быстрее принятия необходимого для пересмотра конституции закона о народном референдуме.

В отличие от ЛДП ее союзник Комэйто свою политическую программу на выборах 2003 г. посвятила главным образом актуальным социально-политическим проблемам. Под лозунгом "За мирную, гуманную Японию" она ограничилась обещаниями добиваться направления до 20% официальной помощи развитию на "обеспечение безопасности человека" — помощь беженцам, разминирование и т.п., в течение трех лет подготовить 10 тыс. специалистов для участия в международной деятельности по поддержанию мира и т.п.¹³

Комэйто, таким образом, избежала принятия конкретных обязательств перед избирателями, касающихся военных аспектов политики обеспечения безопасности, фактически уклонилась от выражения солидарности с ЛДП.

В обещаниях Комэйто на выборах 2005 г. также нет развернутого изложения взглядов по проблемам обеспечения безопасности, но отмечена "исключительная важность" сосредоточения усилий на азиатском направлении внешней политики, развития экономического сотрудничества со всеми азиатскими странами. Что касается Ирака и Афганистана, то партия считает наиболее эффективной их поддержку по линии официальной помощи развитию. Этим, по мнению японских обозревателей, Комэйто стремится показать отличие своих взглядов от позиции ЛДП¹⁴.

ДП на выборах 2003 г. также не давала обещаний по всем аспектам будущей политики обеспечения безопасности, но по ряду актуальных проблем партийная позиция была высказана. В одном из разделов манифеста ("К обществу, защищающему жизнь и здоровье народа") поставлена задача "пересмотреть способы поддержки восстановления Ирака", отказаться от направления в эту страну контингента японских сил самообороны. ДП обещала принять в 2005 г. новую концепцию обороны, "гибко реагировать на различные кризисные ситуации, включая угрозу нанесения ракетных ударов и терроризм". Одновременно была выдвинута задача в течение пяти лет повысить эффективность управления тремя видами сил самообороны в рамках одной управленческой структуры, сократить сухопутные войска и т.д. В абстрактной формулировке партия предлагала "фронтальный" подход к проблемам КНДР, включая проблему "похищенных японцев"¹⁵.

На выборах 2005 г. ДП подчеркнула важность азиатского вектора японской внешней политики, выступила за "перестройку японо-китайских отношений", за разрешение существующей в них проблемы "разного толкования ис-

тории" путем обращения к рассмотрению "свидетельств прошлой войны". Явным стремлением отмежеваться от политики ЛДП выглядели ее обещание добиваться отзыва до декабря 2005 г. сил самообороны из Ирака, а также курс на перемещение "в будущем" американских военных баз с Окинавы за пределы Японии¹⁶.

КПЯ на выборах в палату представителей 2003 г. выступила с требованием реформы японской дипломатии и политики безопасности, отказа от политики "пляски под американскую дудку", за движение Японии в сторону "самостоятельной, мирной и неприсоединившейся страны". Партия выразила протест против направления военнослужащих в Ирак и общей "стратегии предупреждающих ударов". Особо подчеркивалось неприятие намерений пересмотреть конституцию.

СДП тогда же вышла на выборы с близкой к позиции коммунистов программой: обещала защищать девятую статью конституции, требовала проведения самостоятельной внешней политики в соответствии с Уставом ООН и принципами конституции Японии, выражала несогласие с направлением японских военнослужащих в Ирак, считала необходимым осуществлять гуманитарную помощь Ираку главным образом через ООН, не соглашаясь на несение расходов по указанию США¹⁷.

На выборах 2005 г. взгляды партий левого крыла оппозиции практически совпали. И КПЯ, и СДП назвали своими ближайшими требованиями отзыв контингента сил самообороны из Ирака и прекращение посещений храма Ясучуни главой японского правительства¹⁸.

На основе рассмотрения взглядов японских политических партий складывается следующая картина. ЛДП как главная правящая партия настойчиво добивается активизации политики в сфере обеспечения безопасности, ориентированной как на укрепление собственного оборонительного потенциала, так и на международное сотрудничество, опирающееся прежде всего на "нерушимый" союз с США. Демократическая партия, будучи соперником ЛДП в борьбе за власть, также проявляет озабоченность необходимостью реагировать на современные угрозы, однако выражает намерение делать это осторожно, гибко, не соглашаясь, в частности, с правительственной политикой в отношении Ирака, ориентируясь на сотрудничество с ООН и требуя повышенного внимания к внешнеполитическому курсу в Азии, особенно в отношении КНР. Комэйто, являясь союзником ЛДП, предпочитает ограничиваться второстепенными обещаниями, уклоняясь от выражения своего мнения относительно весьма определенного курса своего партнера. Решительные возражения по поводу правительственной политики высказывают только весьма слабо представленные в парламенте партии левой оппозиции. Отсюда можно предположить, что провозглашенные на последних выборах планы ЛДП, хотя и будут встречать противодействие со стороны оппозиции, в основном могут быть претворены в жизнь.

В начале 2005 г. премьер-министр Дз. Коидзуми, выступая в парламенте, подвел некоторые итоги выполнения предвыборных обещаний ЛДП в сфере обеспечения безопасности. Он отметил, что в 2004 г. Япония получила комплексную систему законов, необходимых в случаях возникновения чрезвычайной обстановки, доложил о принятии правительством "Программы национальной обороны" и "Среднесрочного плана строительства оборонительных сил". "Основательно пересмотрена прежняя оборонительная система, которая по своему оснащению и составу готовилась против так называемой агрессии образца "холодной войны", — заявил Коидзуми. — Одновременно с появлением новых угроз — терроризма и баллистических ракет — Япония самостоятельно включается в международную миротворческую деятельность"¹⁹.

В последние годы ЛДП настойчиво проводит курс на скорейший пересмотр конституции Японии. Она — генератор идеи пересмотра послевоенной конституции. К этой идее партия обращается регулярно, начиная с момента образования в 1955 г. С неизменным постоянством ЛДП добивалась поворота общественного мнения, выступавшего долгое время преимущественно в защиту действующей конституции, к согласию на внесение в нее существенных изменений, касающихся в первую очередь девятой статьи.

В 2000 г. усилиями ЛДП дискуссия о пересмотре конституции была перенесена с общественного уровня на государственный: в обеих палатах парламента были учреждены комитеты по изучению конституции, которым надлежало в течение пяти лет завершить работу и представить заключительные доклады руководителям палат. По результатам дискуссий в этих комитетах, сформированных из депутатов, представляющих все партии, пропорционально численности парламентских фракций, в апреле 2005 г. председателям обеих палат были представлены заключительные доклады по конституции.

Стало ясно, что по большинству проблем нет единства мнений, особенно в комитете палаты советников (ПС). Не выработан окончательный подход к девятой статье конституции. Так, в докладе палаты представителей (ПП) отражено мнение большинства, согласно которому предложено при сохранении пункта первого этой статьи (принцип отказа от войны и пацифизм) внести изменения во второй пункт: указать на существование сил самообороны и их активную роль в международном сотрудничестве, признать допустимость применения вооруженных сил в целях самообороны, включить определение чрезвычайной обстановки. ПС в своем докладе по этому вопросу лишь зафиксировала существование противоположных взглядов. Обе палаты не дали также четкого заключения относительно допустимости применения права на коллективную оборону, о международном вкладе Японии в обеспечение мира.

Причинами отсутствия в докладах комитетов парламентских палат единого мнения, касающегося девятой статьи конституции, являются существенные расхождения взглядов политических партий по этому важнейшему вопросу.

Одновременно и в самих партиях дискуссия еще не завершилась, идет подготовка к выработке окончательных подходов.

ЛДП стремится форсировать развитие событий, ускорить процесс обсуждения и пересмотра конституции. Ее принципиальный подход — полное и быстрее переписывание фактически всей конституции. Либерал-демократы считают, что нынешняя конституция, принятая в условиях оккупации страны, не отражает «ценности суверенного государства, коренящиеся в истории, традициях и культуре Японии». Генеральный секретарь ЛДП С. Абэ приводил три причины, побуждающие к пересмотру конституции: 1) конституция навязана Японии, написана «представителями оккупационных войск»; 2) конституция не отражает современных реалий, «в ней не упоминается о существовании сил самообороны, что создает помехи для их участия в международных акциях и обеспечении военной безопасности Японии»; 3) необходимость принятия разработанной самим японским народом конституции, которая станет «источником сил для начала новой эпохи в стране»²⁰.

В начале 2005 г. в ЛДП был сформирован специальный комитет по разработке официального партийного проекта новой конституции в составе 70 видных политиков во главе с бывшим премьер-министром Е. Мори, обладающих опытом руководящей деятельности на правительственных и партийных постах и представляющих различные внутрипартийные фракции.²¹

В короткий срок, к 1 августа, комитет разработал партийный проект пересмотра конституции, который после обсуждения подвергся заметной переработке и был опубликован 28 октября 2005 г., незадолго до 50-летия ЛДП²².

В проекте ЛДП вместо нынешней главы конституции “Отказ от войны”, представленной единственной, девятой статьей, предлагается расширенная до двух статей глава “Обеспечение безопасности”.

Первая из них (“Пацифизм”) гласит:

“Японский народ искренне добивается международного мира, основанного на справедливости и порядке, на вечные времена отказывается от угрозы применения и применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров”.

В другой из этих статей (“Войска самообороны”) записано, что Япония “содержит войска самообороны”, предназначенные для “обеспечения мира и независимости страны, обеспечения военной безопасности государства и народа”, верховным главнокомандующим является премьер-министр. Деятельность войск самообороны в соответствии с положениями, устанавливаемыми законом, “находится под контролем” (получение согласия парламента и другие формы). Кроме вышеуказанного предназначения, войска самообороны на основе положений, устанавливаемых законом, “могут осуществлять при международном сотрудничестве деятельность с целью обеспечения мира и безопасности международного сообщества, в чрезвычайной обстановке поддерживать общественный порядок, а также защищать жизнь и свободу народа”. Прочие положения, “касающиеся организации и контроля над войсками самообороны”, определяются соответствующими законами.

Демократическая партия, будучи наиболее мощной силой оппозиции, не возражает против внесения поправок в конституцию, но выступает за ее “творческое развитие”. Относительно девятой статьи в партии пока нет четко сформулированного подхода, согласование позиций продвигается с трудом. В целом признается желательность сохранить пацифизм девятой статьи, но одновременно зафиксировать в этой статье “права на самооборону” (без разграничения на индивидуальную и коллективную оборону) и границы его применения; указать возможность участия Японии в действиях ООН по обеспечению коллективной безопасности, установив пределы международного вклада; декларировать “максимальный порог применения вооруженных сил”, “не допускающая возможности оккупировать территорию противника”²³. Внутренние разногласия между политиками консервативной ориентации, близкими по своим взглядам к либерал-демократам, и бывшими социал-демократами, противниками коренного пересмотра девятой статьи, препятствуют выработке окончательной позиции партии.

В 2005 г. ДП вышла на парламентские выборы с обещанием представить народу собственные “предложения по конституции”, не указав конкретные сроки. Она заявила также о намерении прилагать усилия для формирования согласия в парламенте по проблеме конституции²⁴.

Новое руководство партии, избранное после ее поражения на выборах, форсировало подготовку “предложений по конституции” и опубликовало их вслед за появлением “проекта новой конституции”, разработанного либерал-демократами. Согласно этому документу, принципиальная позиция ДП состоит прежде всего в том, чтобы пацифизм сделать “коренным базисом” конституции, не допустить “выхолащивания” действующего Основного закона, еще более усилить его миролюбивый характер. С этой целью партия выдвинула “четыре принципа”:

- последовательно сохранять укоренившееся в послевоенной Японии миролюбие;
- зафиксировать в конституции “право на ограниченную самооборону”, определенное Уставом ООН;

- признать участие Японии в деятельности ООН по коллективному обеспечению безопасности под руководством этой организации только на основе ее решений;

- внести в конституцию положение о “гражданском контроле”.

Кроме того, ДП выдвинула “два условия”, касающиеся обеспечения безопасности: 1) максимальные ограничения применения вооруженной силы; 2) принятие Основного закона об обеспечении безопасности, служащего приложением к конституции”²⁵

Союзник ЛДП по правящей коалиции Комэйто определяет свою позицию не как пересмотр, а как “дополнение” конституции. Внутри нее сильны противники пересмотра девятой статьи. В предвыборном манифесте 2005 г. партия высказалась за сохранение обоих пунктов девятой статьи, провозглашающих отказ от войны и обладания вооруженными силами, и также за то, чтобы в процессе “дополнения” этой статьи серьезно изучить вопросы, касающиеся существования сил самообороны и международного вклада Японии в обеспечении безопасности”²⁶. В ноябре того же года в Комэйто было принято решение составить к осени 2006 г. постатейный проект “дополнений” к нынешней конституции.

Партии левого крыла оппозиции, КПЯ и СДП, решительно возражают против любого пересмотра конституции. КПЯ считает конституцию Японии более передовой, чем конституции других стран, — определившей народовластие, последовательный принцип пацифизма, основные права человека. По ее мнению, при строительстве государства XXI в. необходимо защищать и активно проводить в жизнь все статьи действующей конституции. СДП видит достоинство конституции в том, что в ней учтен трагический опыт мировой войны и получили развитие положения Устава ООН. Конституция Японии, по мнению социал-демократов, имеет общечеловеческую ценность.

КПЯ заявляет о необходимости придерживаться девятой статьи в полной мере, постадийно, на основе народного согласия сокращать силы самообороны. Она настаивает также на отмене противоречащего девятой статье японо-американского договора безопасности и заключении с позиций равенства договора о дружбе и сотрудничестве с США. Ее позиция остается неизменной.

По мнению СДП, современное состояние сил самообороны, которые оказывают поддержку войскам США за пределами японской территории и участвуют в многонациональных контингентах, противоречит конституции. Партия предлагает учредить организацию комплексной безопасности стран Северо-Восточной Азии, поддерживает международное сотрудничество без военного аспекта, считает необходимым одновременно с сокращением сил самообороны продвигаться к замене японо-американского договора безопасности договором о мире и дружбе. На парламентских выборах 2005 г. социал-демократы настаивали на принятии базовых законов о мире и о неядерных принципах с целью конкретизации положений конституции”²⁷.

Несмотря на широкий диапазон проблем, касающихся пересмотра конституции, центральными и наиболее принципиальными остаются вопросы, относящиеся к поведению Японии на международной арене в сфере обеспечения мира и безопасности. Концентрация внимания японских политических партий и общественности на этом аспекте, по-видимому, отражает сильное желание Японии освободиться от комплекса неполноценности побежденной страны, лишенной ряда атрибутов обычного, суверенного государства, и повысить свой вес в международной политике. Одновременно просматривается желание дискутирующих сторон не нанести урона тщательно формировавшемуся все прежние годы имиджу Японии как демократического и миролюбивого, пользующемуся доверием международного сообщества государства. Даже перед при-

верженцами идеи пересмотра конституции неизбежно встает вопрос, до какой степени можно освободиться от тех ограничений, которые содержатся в девятой статье. Среди здравомыслящих японцев зреют сомнения, не послужит ли полное отрицание этих ограничений тому, что японо-американский военный союз станет инструментом активного втягивания их страны в защиту чуждых ей интересов, не приведет ли это к уменьшению доверия к Японии со стороны мирового сообщества, и в конечном итоге послужит ухудшению условий для ее стабильного развития, усложнит обеспечение мира и безопасности как в Азиатско-Тихоокеанском регионе, так и в глобальном масштабе.

1. Вагато-но кихон хосин [Основы курса нашей партии]. Токио, 1985. С. 10, 14.
2. Российская газета. 2005. 11 февраля.
3. Я. Накасонэ и др. После "холодной войны". (Пер. с яп.) М., 1993. С. 85.
4. Нихон кэйдзай симбун. 1999. 4 октября.
5. Помимо ЛДП и Комэйто в правящую коалицию с 2000 г. входила Консервативная партия (КП), образованная вследствие раскола ушедшей в оппозицию Либеральной партии. В 2002 г. Консервативная партия также претерпела раскол, стала называться Новой консервативной партией, а в ноябре 2003 г. прекратила существование, ее политики вошли в ЛДП.
6. Richard J. Samuels, J. Patrick Boyd. Кэмпо кюдзю-ни-мо кюсэй ари? Кэмпо ронсо-но юкиката [У девятой статьи девять жизней? Путь споров о конституции] // Рондза, 2004. № 4. С. 174—182.
7. Там же. С. 178.
8. Мохая минъи-о тоу данкай дэ ару [Пришло время спросить мнение народа] // Тюо корон, 2005. № 1. С. 174.
9. Там же. С. 175.
10. Там же. С. 175, 178.
11. Полный обзор содержания манифеста ЛДП см.: Нихон кэйдзай симбун. 2003. 11 октября.
12. <http://www.jimin.jp/jimin/jimin2005seisaku/120yakusoku/theme05.html>
13. Ёмиури симбун. 2003. 28 октября.
14. Ёмиури симбун. 2005. 26 августа.
15. Ёмиури симбун. 2003. 28 октября.
16. Ёмиури симбун. 2005. 20 августа; 2005. 26 августа.
17. Ёмиури симбун. 2003. 28 октября.
18. Ёмиури симбун. 2005. 26 августа.
19. Нихон кэйдзай симбун. 2005. 22 января.
20. Абэ Синдзо. Хосю сайсэй-но тамэ кандзитё-о дзису [Во имя возрождения консерваторов ухожу с поста генерального секретаря партии]// Бунгэй сундзю. 2004. № 9. С. 160-161.
21. Ёмиури симбун. 2005. 20 января.
22. Полный текст проекта см.: Нихон кэйдзай симбун. 2005. 29 октября.
23. Эдано Юкио. Дзиминто косо кюкёку-но гокэн сэйто да [Именно ЛДП является партией чрезмерной защиты конституции]// Рондза. 2005. № 4. С. 111.
24. Ёмиури симбун. 2005. 3 сентября.
25. Ёмиури симбун. 2005. 1 ноября.
26. Ёмиури симбун. 2005. 3 сентября.
27. Асахи симбун. 2004. 2 ноября; Ёмиури симбун. 2005. 3 сентября.

Национальное богатство России

© 2006

В. Андрианов

В мировой практике под национальным богатством обычно понимается совокупность ресурсов страны, составляющих необходимое условие производства товаров, оказания услуг и обеспечения жизни людей.

Главные составные части и движущие силы национального богатства — природные ресурсы, трудовой потенциал, аккумулированный капитал и накопленное имущество, интеллектуальное могущество нации, искусство управления (человеческий капитал) и др., вовлеченные в процесс воспроизводства.

По экспериментальным расчетам специалистов Института экономики РАН, выполненных на базе данных Всемирного банка, на начало третьего тысячелетия национальное богатство всех стран мира оценивалось в 550 трлн долл., из которых половина приходилась на страны большой "семерки" — США, Великобритания, Франция, Германия, Италия, Канада, Япония.

Остальное распределялось между странами ОПЕК — 95 трлн долл., странами СНГ — 80 трлн долл., и прочими странами — 100 трлн долл.

Следует подчеркнуть, что больше половины мирового национального богатства составляет человеческий капитал — 365 трлн долл., на воспроизводимый и природный капитал приходилось соответственно 95 и 90 трлн долл.

Человеческий капитал практически во всех странах мира превышал половину накопленного национального богатства. Высокий удельный вес человеческого капитала свидетельствует об уровне развития стран и о неравномерном распределении природных элементов богатства.

В рамках данного исследования национальное богатство России оценивалось в 60 трлн долл., из которых на человеческий капитал приходилось 30 трлн долл., природный — 24 трлн долл. и на воспроизводимый — 6 трлн долл. Удельный вес накопленного человеческого капитала в России был значительно ниже, чем в промышленно развитых странах.

В расчете на душу населения Россия имела весьма высокий показатель накопленного национального богатства — 400 тыс долл. США, что в 4 с лишним раза выше общемирового показателя¹.

Историческая справка. Первые попытки практического изучения национального богатства России датируются началом XVIII века. Среди наиболее выдающихся исследований того времени необходимо выделить рабо-

Андрианов Владимир Дмитриевич, помощник Первого заместителя Председателя правительства РФ, профессор, доктор экономических наук.

ту Ивана Тихоновича Посошкова (1652 — 1726 гг.) “Книга о скудости и богатстве. Сие есть изъявление, от чего приключается напрасная скудость, и от чего гобзовитое (обильное) богатство умножается”, написанную в 1724 г., задолго до появления известного произведения Адама Смита — “Исследования о природе и причинах богатства народов”.

Богатство вещественное или материальное, по его мысли, складывается из “богатства царского” и “богатства всенародного”, при этом земля есть самый богатый “данник” царю.

Весьма интересными были его представления о деньгах, как о части национального богатства. Он считал, что царь может по своей воле устанавливать ценность монет независимо от их металлического содержания. Если будет повеление “на медной золотниковой царе положить рублевое начертание, то она за рубль ходить стала во веки веков”. То есть, деньги представляют собой творение государства, ценность, созданную законом. По этим взглядам И.Т. Посошкова можно отнести к наивным номиналистам и государственникам.

Особым богатством Руси И.Т. Посошков считал христианскую любовь, которую называл венцом невестественного “богатства правды” и основой устойчивого развития русской государственности.

Данная работа явилась первой в России, где наряду с духовными проблемами рассматривались экономические вопросы. И.Т. Посошков впервые предложил проведение прогрессивных для того времени экономических преобразований. Впервые книга И.Т. Посошкова была опубликована в лишь в 1848 г.

Вторым после И.Т. Посошкова в ряду российских экономистов, внесших существенный вклад в исследование данной темы, следует упомянуть первого действительного члена Российской академии наук по экономике А.К. Шторха. Совокупность вещественных (материальных) благ А.К. Шторх называл народным (национальным) богатством. Совокупность невестественных благ — национальной цивилизацией, а совокупность тех и других — “народным благоденствием” (благосостоянием). В то время А.К. Шторх критиковал Адама Смита за то, что он не включал в состав народного дохода продукты “духовного труда”.

Необходимо также отметить вышедшую в 1847 г. интересную работу А.И. Бутовского — “Опыт о народном богатстве”, которая на протяжении многих десятилетий оставалась единственным учебником по политической экономии России.

В период существования СССР также предпринимались попытки оценить национальное богатство страны. В частности, в 60-е годы прошлого столетия появились труды советских ученых В.П. Кириченко — “Национальное богатство СССР” (1964 г.), А.Л. Вайнштейна — “Народное хозяйство и народно-хозяйственное накопление предреволюционной России” (1960 г.).

Серии работ С.Г. Струмилина в 1960-1970-е годы стали поводом для дискуссии отечественных ученых по проблеме экономической оценки природных ресурсов. В результате в качестве стоимостной основы оценки природных ресурсов была признана дифференциальная рента, но из расчетов исключалась абсолютная рента, которая фактически изымалась государством в доход общества как монопольного собственника этих ресурсов.

Данные работы охватывают относительно небольшие исторические этапы и не дают возможности представить динамику национального богатства за длительный исторический период.

Среди исследований современных ученых—экономистов, посвященных оценке Национального богатства России, следует выделить работу академика Н.П. Федоренко — “Россия: уроки прошлого и будущего” (Москва, 2001 г.). В

монографии сделана попытка проанализировать динамику развития национального богатства России за последние 100 лет.

Историческая справка: По данным академика Н.П. Федоренко физический объем национального богатства России за 100 с лишним лет (1895-2000) увеличился почти в 32 раза

Таблица № 1

Объем и темпы прироста национального богатства России в XX веке

Годы	Прирост объема, млрд руб.	Темпы прироста в целом по десятилетиям, %	Среднегодовые темпы прироста, %
1901-1910	29	11,7	1,1
1911-1920	19	-28,2	-3,2
1921-1930	188	40,2	3,4
1931-1940	384	79,9	6,0
1941-1950	323	-4,6	-0,5
1951-1960	1902	159,5	10,0
1961-1970	3323	107,6	10,5
1971-1980	5867	91,4	7,5
1981-1990	8296	67,7	6,7
1991-2000	-997	-4,7	-0,5
Среднегодовой прирост в XX в	31,8	3,5	3,5

Источник: Н.П. Федоренко. Россия: уроки прошлого и будущего М.: 2001. С. 53.

Как показывают данные таблицы, в силу целого ряда объективных и субъективных причин наращивание национального богатства России шло крайне не равномерно.

При этом следует иметь в виду, что серьезной проблемой в анализе национального богатства за длительный период является разноречивость в подсчетах, вызванная практикой применения различных видов цен и курсов валют, относительно частая смена валютных номиналов и многократные пересмотры и опровержения уже полученных результатов.

Значительное влияние на колебание темпов роста национального богатства России на протяжении всего XX в. оказывали мировые экономические кризисы и политические катаклизмы внутри России. В этой связи интересны сравнения темпов прироста национального богатства по "периодам правления" государством различными лидерами.

В частности, в эпоху фактического правления последнего императора России Николая II (1894-1917) национальное богатство страны увеличилось на 64%. Однако в то время, когда премьер-министром был известный реформатор С.Ю. Витте (1905-1906), роста национального богатства не было зафиксировано. При руководстве Правительством царской России П.А. Столыпиным (1906 — 1911) национальное богатство страны увеличилось на 6,2%.

В период правительственной чехарды (1911-1917), когда сменилось 7 председателей Правительства, национальное богатство уменьшилось на 3,2%.

В эпоху правления В.И. Ленина (1917-1924) национальное богатство страны увеличилось на 20,8%.

Наибольшее приращение национального богатства России в составе бывшего Советского Союза произошло в период правления И.В. Сталина (1924-1953). За это время данный показатель увеличился на 240%.

При руководстве Советским Союзом Н.С. Хрущевым (1953-1964) прирост национального богатства страны составил 64%.

В период "застоя", когда страной руководил Л.И. Брежнев (1964-1982) данный показатель возрос на 186%.

После смерти Л.И. Брежнева краткий период времени у власти находились К.У. Черненко (1982-1984) и Ю.В. Андропов (1984-1985), которые не успели оказать реального воздействия на динамику развития национального богатства.

В годы правления М.С. Горбачева (1985-1991) объем национального богатства по официальной статистике увеличился на 28%.

Распад Советского Союза и непродуманные хаотические экономические реформы при Б.Н. Ельцине (1991-1999), по оценке российских ученых, привели к снижению реальной стоимости национального богатства России.

Период стабилизации экономического развития современной России начался с приходом к власти Президента В.В. Путина. Национальное богатство России за период 2000-2003 гг. начало восстанавливаться.

В официальных статистических публикациях в стоимость национального богатства России включаются: основные фонды (включая скот), материальные оборотные средства (в ценах приобретения соответствующих лет без учета переоценки) и накопленное домашнее имущество.

Важнейшую часть национального богатства России составляют основные фонды, к которым относятся здания, сооружения, машины и оборудование (включая измерительные и регулирующие приборы, устройства, лабораторное оборудование, вычислительную технику), транспортные средства, рабочий и продуктивный скот и т.д.

В составе основных фондов страны учтены основные фонды предприятий и организаций всех форм собственности, а также основные фонды, находящиеся в собственности физических лиц. В состав этих фондов входят жилые дома и основные фонды личного подсобного хозяйства (хозяйственные постройки, многолетние насаждения, скот и др.). На основные фонды в конце 90-х годов приходилось примерно 90% национального богатства России.

Наличие основных фондов и их структура учитываются по полной балансовой (учетной) смешанной стоимости, при проведении переоценки по восстановительной стоимости.

В отличие от промышленно развитых стран в России велика степень износа основных фондов. Считается, что за период с 1992 г. по 2003 гг. износ основных фондов составил 44%. Одновременно коэффициент обновления основных фондов (в процентах от общей стоимости основных фондов) снизился с 3,2 в 1992 г. до 1,9 в 2003 г.

Таблица № 2

Стоимость национального богатства Российской Федерации *
(на начало года без учета стоимости земли, недр и лесов)

Годы	Всего	Основные фонды (включая незавершенное строительство)	В том числе: материальные оборотные средства	Домашнее имущество
1980	1,6	1,1	0,2	0,3
1985	2,1	1,5	0,3	0,3
1990	2,7	2,0	0,3	0,4
1991	2,9	2,1	0,3	0,5
1992	3,9	2,2	1,0	0,6
1993	6,2	4,9	1,0	2,7
1994	1428	1344	58	26

Годы	Всего	Основные фонды (включая незавершенное строительство)	В том числе: материальные оборотные средства	Домашнее имущество
1995	5887	5609	172	106
1996	15228	14365	593	270
1997	15797	14550	755	492
1998	16959	15373	890	696
1999	17373	15499	898	976
2000	20749	18153	1200	1396
2001	26029	22162	1667	2200
2002	31955	26836	2117	3004
2003	35221	28994	2459	3774

Все данные в миллиардах рублей (до 1998 г. — в триллионах рублей), с учетом периодических переоценок.

Источник: Российский статистический ежегодник за соответствующие годы, последний за 2004 г. М.: Госкомстат, 200. С. 54.

По данным Госкомстата России, в пересчете по официальному курсу рубля к доллару, в конце 2003 г. национальное богатство России оценивалось в 1, 2 трлн долл.

Необходимо отметить, что в официальной российской статистике оценка стоимости природных богатств, вовлеченных в экономический оборот, долгое время не производилась. Природные богатства учитывались в натуральном выражении.

Госкомстат России разработал специальную программу по совершенствованию оценок национального богатства страны и приведению их в соответствие с требованиями международной статистики.

В конце 2000 г. впервые Госкомстат России оценил национальное богатство России с учетом непроектных активов (земля, леса, природные ресурсы и т.п.) и материальных активов. Национальное богатство России было оценено в 670 трлн 614 млрд рублей, что в пересчете по официальному курсу составляло около 24 трлн долл.²

Основной частью непроектных активов является земля. Земельная площадь России по состоянию на 2003 г. составляла 1709,8 млн га (свыше 17 ёёё кв. км), из них на лесные земли приходилось 50,5%, сельскохозяйственные угодья 12,9%, болота — 12,4% и другие земли (земли под древесно-кустарниковой растительностью, под дорогами, под застройками, нарушенные земли и пр.) — 24,2%.

Общая площадь лесных ресурсов России на начало 2003 г. оценивались в 883 млн га, из них покрытая лесом 776 млн га. Общий запас древесины составлял 82 млрд кв. м.

По данным Института Мировых ресурсов, именно Россия обладает наиболее обширными территориями, слабо затронутыми или не затронутыми хозяйственной деятельностью, площадь которых оставляла 7,5 млн кв. км. Для сравнения в Канаде такие территории составляли — 6,4 млн кв. км, в Китае — 2,1 млн кв.км³.

Сохранение российских лесов и болот позволяет демпферовать климатические изменения, смягчать экономические и социальные потери не только для России, но и для других регионов мира. Нельзя исключать возможность того, что в будущем мировое сообщество придет к выводу о необходимости компенсировать России (как и некоторым другим государствам) потери от неосвоенности обширных территорий, являющихся мировым биосферным резервом.

Россия обладает весьма значительными водными ресурсами. По запасам пресной воды Россия занимает первое место в мире. Величина речного стока по состоянию на 2002 г. составляла 4682 кубических километров в год. Почти половина всего речного стока приходилась на крупнейшие реки России, в том числе на Енисей — 756 куб. км. в год, Обь — 555, Лену — 543, Амур — 283, Волгу — 264, Печору — 153, Северную Двину — 104, Дон — 20 куб. км. в год. Основная величина речного стока с территории России формируется в пределах страны и только 5% поступает с территории сопредельных государств.

В европейской части России находится 7 крупных озер, каждое из которых имеет площадь более 1000 кв. км. По среднегодовым объемам воды наиболее крупные из них — Ладожское 911 куб. км, Онежское — 292, Ханка — 18 куб. км. В азиатской части расположено самое крупное в Азии озеро Байкал, площадь которого составляет 32 тыс. кв. км., а объем воды 23000 куб. км.

Кроме того, на территории России расположены крупные водохранилища — Братское 170 куб. км (среднегодовые объемы воды), Красноярское — 73, Куйбышевское — 58, Волгоградское — 32, Саяно-Шушенское — 31, Рыбинское — 26 куб. км.

Россия имеет достаточно развитую минерально-сырьевую базу. Валовая потенциальная ценность разведанных балансовых запасов основных видов полезных ископаемых России в начале третьего тысячелетия оценивалась в почти в 30 трлн долл. а прогнозный потенциал — в 150 трлн долл.

Необходимо отметить крупномасштабность и комплексность природно-ресурсного потенциала страны. Природные ресурсы России являются прочным фундаментом для устойчивого развития экономики в режиме расширенного воспроизводства и международного сотрудничества.

В стране открыто и разведано около 20 тысяч различных видов месторождений полезных ископаемых, из них 37% введено в промышленное освоение.

Специалисты Мирового банка реконструкции и развития (МБРР) в конце 90-х годов прошлого тысячелетия оценивали запасы полезных ископаемых в России в 10 трлн долл., для сравнения: аналогичные оценки по Бразилии составляли 3,3 трлн долл. по Китаю — 662 млрд долл., по Индии — 452 млрд долл.

Несмотря на различные оценки потенциальных запасов полезных ископаемых в России, несомненно, что страна находится среди мировых лидеров по разведанным запасам: апатитов (64,5% от общемировых запасов); природного газа (35,4); железа (32,0); никеля (31); бурых углей (29); олова (27); кобальта (21); цинка (16); урана (14); нефти (13); свинца (12); меди (11%).

Кроме того, Россия имеет крупные запасы золота, алмазов, изумрудов, платины и др., которые активно вовлекаются в промышленную разработку.

Национальное богатство каждой страны создается непосредственно трудом ее граждан, поэтому трудовые ресурсы следует отнести к одному из основных факторов развития как национальной, так и мировой экономики. Трудовые ресурсы, в свою очередь, зависят от общей численности населения стран мира, которое с 1900 по 2000 г. возросло в 4 раза и в начале третьего тысячелетия превысило 6 млрд человек.

По состоянию на начало 2003 г. трудовые ресурсы России составляли более 80 млн человек, или почти 55% населения страны. По этому показателю Россия занимала 5-е место в мире после Китая, Индии, США и Индонезии.

Более 90% общей численности трудовых ресурсов приходится на экономически активную часть населения (занятые и безработные). Численность экономически активного населения (рабочей силы), обеспечивающего предложение рабочей силы для производства товаров и услуг в России по состоянию на начало 2003 г. составляла 70,0 млн человек, что также соответствовало пятому месту в мире.

Сокращение ВВП, спад промышленного производства, кризисная ситуация во многих отраслях российской экономики в 90-е годы прошлого столетия привели к сокращению общего числа занятых в народном хозяйстве. За период с 1990 по 2002 г. численность занятых в экономике России сократилась с 75 млн до 65 млн человек.

В начале третьего тысячелетия определенные изменения произошли в отраслевом составе рабочей силы. Из общего количества занятых в народном хозяйстве России в 2002 г. на промышленность приходилось 23%; на оптовую и розничную торговлю, общественное питание — 15, на сельское и лесное хозяйство — 13, на образование, культуру и искусство — 11, на строительство — 8, на транспорт и связь — 8, на здравоохранение, физическую культуру, и социальное обеспечение — 7, жилищно-коммунальное хозяйство, непродовольственные виды бытового обслуживания населения — 5, на управление — 4, на науку и научное обслуживание — 2, на кредитование, финансы и страхование — 1 и на прочие отрасли — 4%⁴.

Историческая справка: По данным переписи населения России 1897 г. общее число занятых в народном хозяйстве страны составляло 119 млн человек, в том числе в сельском хозяйстве — 94 млн (78,9%), в промышленности и на транспорте — 14 млн (12,0%), в торговле и сфере услуг — 11 млн (9,1%).

В начале третьего тысячелетия Россия переживает тяжелый демографический кризис, уходящий истоками в 60-е годы XX века, но резко обострившийся в 90-е годы. Кризис проявляется, прежде всего, в низком уровне состояния здоровья и высокой смертности населения (особенно трудоспособных мужчин), беспрецедентных для развитых стран. Это не позволяет реализовать в полной мере высокий потенциал образования и квалификации населения.

Демографические ресурсы России очень ограничены, особенно относительно ее территории и природных ресурсов. В текущем тысячелетии продолжится процесс депопуляции населения, начавшийся в 1992 г.

В конце 90-х годов уровень смертности в России был такой же, как в странах, находящихся в условиях войны. За период с 1992 по 2002 г. население России сократилось на 4,3 млн человек и составляло 145 млн человек⁵.

По прогнозам специалистов-демографов, при сохраняющихся тенденциях к 2015 г. население страны может уменьшиться еще на 9–17 млн чел., а к 2028 г. население может сократиться на 23 млн и составит 124 млн чел.

Историческая справка: Известный французский экономист Эдмонт Тери в 1914 г. опубликовал в Париже книгу “Трансформация экономики России”, в которой подробно проанализировал влияние аграрных реформ П. Столыпина на увеличение населения страны. За период с 1902 по 1912 гг., несмотря на губительную войну 1904–1905 гг., ежегодно население России увеличивалось на 3,7 млн человек. По оценке Э. Тери при таких темпах прироста населения общая его численность к 1948 г. должна была бы составить 344 млн человек. При этом население крупнейших стран Европы (Германии, Австро-Венгрии, Англии, Италии и Франции) вместе взятых к тому времени прогнозировалось на уровне 336 млн человек⁶.

При сохранении указанных тенденций к середине третьего тысячелетия население России может сократиться наполовину. Это коснется всех регионов страны, кроме Северного Кавказа. Больше всего пострадают Дальневосточный, Северо-Западный и Центральные районы.

Демографическая ситуация может усугубиться вследствие продолжающегося процесса старения населения. По существующим прогнозам, к 2015 г. каждому пятому жителю страны будет больше 60 лет, а каждому третьему из числа пожилых — за 75 лет.

Особо следует подчеркнуть, что одним из главных и наиболее ценных богатств России являются ее **духовные ресурсы**. Именно духовная энергия является основой творчества и созидания, которые в конечном итоге определяют основные направления экономического развития страны, ее конкурентоспособность в глобальной экономике и прогресс мировой цивилизации.

В начале 90-х годов специалисты МБРР предложили свою методику определения национального богатства стран мира. Для этих целей был разработан и предложен новый индикатор — *“национальное богатство на душу населения”*, на основании которого был составлен *новый рейтинг стран*.

При составлении рейтинга эксперты исходили не из традиционных показателей (размер ВВП, доход на душу населения, темпы роста производства и др.), а учитывали также произведенную стоимость товаров и услуг, потенциальное богатство в форме природных ресурсов, интеллектуального потенциала нации и др.

По новому рейтингу Мирового банка (богатство на душу населения в тыс. долл.) в десятку богатейших стран мира вошли: Австралия (835), Канада (704), Люксембург (658), Швейцария (647), Япония (565), Швеция (496), Исландия (486), Катар (473), Объединенные Арабские Эмираты (471), Дания (463).

Однако предложенная методика определения Национального богатства государств, вызывает определенные сомнения. В частности, США — одна из богатейших стран мира — в новом рейтинге не вошла даже в первую десятку стран, а Россия в предложенном списке заняла лишь 53-е место.

По другим существующим методикам исчисления национального богатства, которые в той или иной мере учитывают природный и интеллектуальный потенциал, Россия опережает многие промышленно развитые страны, в том числе США в 2-3 раза, Германию в 5-6 раз, Японию в 18-20 раз.

В последние годы стали появляться новые подходы к определению как национального богатства, так и внутреннего экономического потенциала, а также показателей, по которым они рассчитываются.

В частности, американские ученые из “Редифайнинг прогресс Груп” (Сан-Франциско) предложили альтернативный ВВП индикатор — *НИР (дословно: настоящий индикатор развития)*.

Отличительной особенностью данного индикатора является использование значительного количества показателей (более 20) и попытка оценить в цифровой форме такие важные экономические процессы, как:

- истощение природных ресурсов;
- расходы, связанные с загрязнением окружающей среды;
- ущерб от экономической и социальной преступности;
- негативные последствия от распада семей и др.

Однако до сих пор в мировой практике широкого распространения данный показатель пока не получил.

* * *

По подсчетам российских экономистов, средневзвешенный коэффициент фактического использования общего ресурсного потенциала на начало третьего тысячелетия в России составлял примерно 18%, в Японии — 88%, в странах ЕЭС — 78%, в США — 76%.

По отдельным видам природных ресурсов (земельные угодья, водные ресурсы, уголь, нефть, газ и др.) данный показатель во многих европейских странах достигал 75-80%.

Таким образом, промышленно развитые страны демонстрируют высокую эффективность использования национального богатства. Вместе с тем появ-

вляется реальная опасность быстрого полного истощения собственных сырьевых ресурсов.

Экономическая история России последних веков показывает, что стране при различных устройствах государственной власти так и не удалось эффективно использовать национальное богатство во благо своего народа.

Россия пока сохраняет свой значительный ресурсный потенциал. При рациональном использовании национального богатства Россия еще долго будет превосходить остальные страны мира.

Однако национальное богатство России уже не носит замкнутого характера, а фактически постепенно превращается в составную часть мирового национального богатства.

Интенсивно развивающиеся в современном мире процессы глобализации ведут в перспективе к превращению национального богатства России, как и любой другой страны, во взаимосвязанную систему.

Следует подчеркнуть, что глобализация неотделима от империй. Нельзя понять природу глобализации, если не осознавать, что США — американская империя.

Под империей мы понимаем государства, которые занимаются экспортом институтов, идей, культуры, стиля жизни своего основного народа за пределы своих границ — для обеспечения собственных национальных интересов. Эти институты и культура могут насильственно насаждаться за пределами страны, а могут перениматься в добровольном порядке. Империя — это обычно многонациональное государство, но оно всегда основано на главенстве одной нации.

После распада Советского Союза большинство из указанных признаков Россия утратила. Поэтому ярко выраженная тенденция к однополюсной глобализации в интересах международных финансовых элит грозит России реальной угрозой утраты контроля над эксплуатацией ее национального богатства.

В этой связи весьма показательно весьма циничное заявление бывшего секретаря США Мадлен Олбрайт. По ее мнению, “несправедливо, что Сибирь — богатый природными ресурсами регион — принадлежит только России”.

В последние десятилетия национальное богатство России стало ареной жестокой борьбы между мировыми империями за экономический передел мира. Основной интригой третьего тысячелетия вполне может стать борьба между современными империями за контроль над национальным богатством России.

Возникает реальная угроза использования национального богатства России не на возрождение страны, а на материальную подпитку процессов однополюсной глобализации.

Следует отметить, что на протяжении многих десятилетий в России доминирует топливно-сырьевая специализация. Такого рода специализация бесперспективна с эволюционной точки зрения развития экономики, имеет системные недостатки, осложняющие достижение устойчивого развития. Такая модель экономического развития фактически ориентируется не на сохранение и приумножение, а на “проедание” национального богатства.

Национальное богатство России — это достояние каждого жителя страны, поэтому необходимо законодательно и институционально разработать такие механизмы, которые гарантировали бы каждому гражданину и будущим поколениям равное право на получение дохода от использования не возобновляемых природных богатств.

Мировой опыт показывает, что не всем странам, имеющим богатые природные ресурсы, удастся достаточно рационально использовать их в качестве источника благосостояния нации и залога устойчивого экономического развития.

К качестве положительного примера можно привести опыт Норвегии. Запасы нефти в Северном море были обнаружены лишь в конце 60-х годов

прошлого столетия. Экономические и политические институты в стране в то время были уже достаточно развиты. Поэтому Норвегии удалось избежать и “голландской болезни” и деструктивной деятельности различных групп влияния вокруг природных богатств.

В 1963 г. в Норвегии был принят Закон о нефтяной деятельности, закрепляющий право государственной собственности на нефтяные запасы на континентальном шельфе. В Законе говорится, что нефть и газ представляют собой часть национального богатства, и поэтому все население должно получать пользу от разработки этих ресурсов.

В 1990 г. в Норвегии был создан Государственный нефтяной фонд (ГНФ). Официально провозглашенная цель фонда — обеспечить будущим поколениям возможность воспользоваться преимуществами, связанными с нынешними нефтяными богатствами страны. Поэтому его называют также фондом поколений. Норвежцы считают, что они не имеют права израсходовать все доходы от нефти и газа, которые принадлежат всем гражданам Норвегии: и нынешним, и будущим.

Норвегия аккумулировала доходы от продажи нефти, которые размещались в иностранных ценных бумагах. Общие накопления фонда на конец 2005 г. достигли 182 млрд долл., что сопоставимо по размеру с ВВП страны — 185 млрд долл. в 2004 г. В расчете на каждого жителя страны, включая младенцев и старцев, приходилось около 40 тыс. долл.

По закону для покрытия текущих государственных расходов возможно использовать лишь прибыль фонда в размере 4%. Рациональное использование средств фонда позволило Норвегии не только решить ряд социальных проблем, но и способствовало развитию современных наукоемких отраслей, превратить страну в одну из наиболее конкурентоспособных стран мира.

Пример Норвегии подтверждает основной вывод ученых Института германской экономики, исследовавших в 2005 г. влияние сырьевых богатств на экономическое развитие 21 страны. Природные богатства могут сыграть положительную роль в экономике той или иной страны, если доходы от экспорта полезных ископаемых служат основой для расширенного воспроизводства и структурной трансформации экономики. В то же время богатые сырьевые ресурсы могут негативно сказаться на развитии экономики, если значительные доходы от вывоза сырья ослабляют стимулы к экономическому развитию, создают почву для коррупции и неверной экономической политики.

В России назрела необходимость разработать реальные механизмы эффективного использования растущих доходов от экспорта, прежде всего энергоносителей, для стимулирования экономического развития и структурной трансформации экономики.

Необходима смена экономической парадигмы, переориентация с сырьевой на инновационную модель развития народного хозяйства. Приоритетное развитие науки и наукоемких отраслей позволит более рационально использовать национальное богатство, будет способствовать увеличению в нем доли человеческого капитала.

Радикальные экономические преобразования и возрождение России невозможны без консолидации общества и активного подключения к этому процессу человеческого фактора.

Без осознания разными слоями российского общества необходимости перемен и направлений этих преобразований, любые реформы априори обречены на неудачу.

Фактически речь идет о человеческой революции, которая должна изменить наш образ жизни и поведение, продвинуть наше собственное развитие

и дать возможность создать механизмы взаимного приспособления между человеком, обществом и окружающей средой.

Реальная возможность обеспечить более устойчивое развитие России зависит от способности населения, государственных и общественных институтов осознать сложный комплекс вопросов развития и охраны окружающей среды для того, чтобы сделать верный выбор путей экономической трансформации и дальнейшего развития.

Россиянам необходимо вернуть веру в свою страну, зажечь в них желание **возродить Россию на новых идеях и принципах**. Идея Великой России как одной из ведущих мировых держав, возрожденной на принципах демократии, социально-рыночного хозяйства, концепции устойчивого развития и создания открытой саморегулирующейся экономики настолько универсальна, что могла бы объединить интересы государства, предпринимателей, различных политических партий и движений.

В противном случае в новом тысячелетии Россия так и останется страной "вечно зеленых помидоров", которая в течение длительного исторического периода не смогла реализовать во благо своего народа громадный природный, трудовой, научно-технический и духовный потенциал.

-
1. Национальная экономика. Учебник. М.: Экономистъ, 2005. С. 145; Вопросы экономики. 2003. № 2. С. 110.
 2. Коммерсантъ. 2000. 13 сентября. № 70. С. 7.
 3. Национальный доклад "Стратегические ресурсы России". Информационно-аналитические материалы. М., 1996. С. 115.
 4. Россия в цифрах. 2004. М.: Госкомстат, 2004. С. 68.
 5. Россия в цифрах. 2004. М.: Госкомстат, 2002. С. 69.
 6. Edmond Thery. La transformation economique de la Russie. Paris, 1914.

Православие на Дальнем Востоке Историографический обзор

© 2006

А. Ипатова

(Окончание. Начало в ПДВ № 2, 2006 г.)

Значительная часть статей всех четырех сборников освещает историю создания и деятельность Российской Духовной Миссии в Японии. РДМ в Японии, как и РДМ в Корее, были созданы в государствах, принадлежащих к тому же, что и Китай, цивилизационному ареалу и во многом заимствовали богатый опыт, накопленный Пекинской Миссией, пользовались ее поддержкой и помощью. Вместе с тем, созданные в новую историческую эпоху и в условиях, отличных от Китая последней трети XIX в., эти миссии, прежде всего Японская, избежали многих трудностей и невзгод, выпавших на долю Пекинской Миссии. Япония после революции Мэйдзи (1868) вступила на путь реформ и "обратилась лицом к Западу". Такая открытость не была навязана ей извне, через войны и неравноправные договоры, как это произошло с Китаем. Это был собственный выбор страны, правители которой учли трагический опыт соседнего Китая.

В русле прогрессивных реформ в 1873 г., т.е. три года спустя после учреждения Японской Православной Миссии, произошла отмена антихристианского законодательства. В 1875 г. Миссия открыла в Японии свою Духовную семинарию, вскоре стала выпускать собственные издания не только на русском, но и на японском языках. Священнослужители из числа православных японцев получали духовное образование в православных учебных заведениях России. К открытию православного собора в Токио (1891) был приурочен и визит в Японию наследника российского престола, будущего царя Николая II.

Для сравнения напомним, что в отличие от Японской Миссии РДМ в Китае пришлось ждать почти 150 лет для обретения свободы миссионерской деятельности среди местного населения (Тяньцзиньский договор 1858 г.) и лишь в начале XX в. она приступила к изданию своего журнала "Китайский благовестник", причем только на русском языке. Подобные примеры можно продолжить, да и сам Китай к концу XIX в. значительно отстал от Японии, что убедительно показала японо-китайская война (1894—1895 гг.). Отношение к иностранцам в Китае, прежде всего к миссионерам (с конца XIX века включая

и российских), по-прежнему оставалось негативным, их винили во всех бедах и страданиях народа. Кульминацией такого отношения стало движение ихэтуаней (1898—1900 гг.).

Основателем Японской Православной Миссии и ее многолетним начальником (с 1870 по 1912 гг.) был выдающийся духовный деятель и ученый, святитель Николай (Касаткин), апостол Японии, больше известный как Николай Японский, заложивший высокие нравственные основы православного служения в Японии. Примечательно, что титул апостола был присвоен ему еще при жизни.

Выпуск, посвященный памяти святителя Николая, открывается статьей Г.Д. Ивановой “Жизнь и деятельность святителя Николая Японского” (с. 10—19), в которой прослежен весь его жизненный путь. Хотя, как отмечалось выше, общие объективные условия для миссионерской деятельности в Японии были более благоприятные, чем в Китае, но и на пути первого православного пастыря в стране Восходящего солнца за его более чем пятидесятилетнее служение было немало трудностей, препятствий со стороны официальных лиц, недоброжелателей, противников распространения православия в японском обществе. Особенно тяжелыми в моральном и финансовом отношениях для о. Николая стали годы русско-японской войны (1904—1905 гг.) и послевоенный период. Все это время вплоть до своей кончины он оставался в Японии, несмотря на разгром шовинистами православной церкви в Йокогаме и развернутую против Российской Духовной Миссии враждебную кампанию, когда ее объявили “гнездом шпионов”. Владыке Николаю удалось занять наиболее оптимальную позицию, позволявшую ему оставаться патриотом своей России и в то же время не ставить под удар православных японцев. Прерывая публичные богослужения, о. Николай заявил: “Ныне, раз война объявлена между Японией и моей родиной, я как русский подданный не могу молиться за победу Японии над моим Отечеством” (вып. 2, с. 17). Вынужденное прекращение миссионерского служения о. Николай заполнял литературной и переводческой работой, однако главным смыслом его жизни и деятельности в эти годы стала забота о российских военнопленных в Японии, обустройстве кладбищ погибших воинов. Несмотря на всякого рода происки определенных сил в японском обществе, направленные против владыки Николая и его Миссии, авторитет его в Японии был настолько высок, что с ним, его мнением считались японские власти, о чем очень убедительно повествует Е.В. Исакова в статье “Святитель Николай Японский и благоустройство русских военных кладбищ в Японии” (вып. 3, с. 161—168). По данным на февраль 1906 г., в японских лагерях после русско-японской войны 1904—1905 гг. содержалось более 30,5 тыс. чел. В статье Г.Д. Ивановой приведены другие цифры — около 73 тыс. солдат и матросов (вып. 2, с. 18), 464 русских воина были похоронены в Японии. Несмотря на тяжелое положение самой Миссии в этот период, святитель Николай принимал деятельное участие в судьбе русских военнопленных, прилагал все усилия для сохранения памяти о погибших, обустройства кладбищ русских воинов, установки памятников. В 1945 г. русское кладбище в Нагасаки было разрушено атомной бомбардировкой американцев. Все остальные поддерживались японскими властями и Обществом японо-русской дружбы. Тем не менее со временем надписи на табличках стерлись, и имен было уже не прочесть. В последние годы надписи на надгробиях на кладбище в Мацуйаме были восстановлены московским писателем В.Г. Глазуновым и японским писателем Токио Сайгами (вып. 3, с. 168). Свидетельства, содержащиеся и в других статьях, принадлежат не только истории, но и современности, служат примером уважительного отношения к памяти и могилам даже своих бывших врагов.

В общей сложности Японской Православной Миссии посвящено почти столько же статей, что и РДМ в Китае, хотя, как известно, она на 155 лет моложе Пекинской. О живом интересе японоведов к этой теме свидетельствует и широкий диапазон проблем, поднятых ими на этих конференциях и, соответст-

венно, отраженных в сборниках. Особого внимания заслуживает, на наш взгляд, работа Л.В. Зениной. Она не только выступила со статьями о японской историографии по истории РДМ в Японии (вып. 2, с. 21—30) и о докладе о. Философа Орнатского “Русская Православная Миссия и Православная Церковь в Японии”, посвященном 900-летию крещения Руси (вып. 3, с. 186—194), но и составила хронологию деятельности Японской Миссии за период с 1(13) августа 1836, т.е. со дня рождения Николая Японского, по 1978 г. (по материалам монографии японского автора Наганава Мицуо “Собор Николая и [Православная] община”) (вып. 2, с. 180—185). Статья А.М. Боголюбова “Письма начальника Российской Духовной Миссии в Японии епископа Николая к священнику Иоанну Оно (1905—1910 гг.) как источник изучения Православной Миссии в Японии” (вып. 4, с. 103—107) содержит призыв изучать эпистолярное наследие этого уникального человека, сделавшего так много для распространения православия в Японии, для знакомства японского общества с русской литературой, культурой, для развития российско-японских отношений. Такая публикация, начало которой уже положено, стала бы важным вкладом в изучение истории Японии, российско-японских отношений, распространения православия и знаний о России в Японии. Как справедливо отмечает А.М. Боголюбов, “широта вопросов, поднимаемых Николаем Японским в своих дневниках, письмах, отчетах, действительно, позволяет исследователям использовать их как универсальный источник по изучению деятельности Миссии, широкому кругу самых разнообразных вопросов” (вып. 4, с. 103).

К сожалению, российские корееведы еще не проявили сколько-нибудь заметного интереса к деятельности Российской Духовной Миссии в Корее, самой молодой из всех зарубежных миссий Русской Православной Церкви. Этот пробел успешно восполнил архимандрит Августин (Никитин), опубликовавший серию подробных очерков по истории распространения православия среди корейцев как на Корейском полуострове, так и среди тех, кто переселялся начиная со 2-й половины XIX века на территорию российского Дальнего Востока, Забайкалья и Восточной Сибири (вып. 1, с. 133—147; вып. 3, с. 57—76; вып. 4, с. 123—163). Автор отмечает, что именно последние принесли православную веру в Корею еще задолго до того, как там была открыта Российская Духовная Миссия. В отличие от РДМ в Китае, Миссия в Корее, как и Японская, была основана для миссионерской деятельности, которая состояла в приобщении местного населения к православию.

Никитин (о.Августин) опубликовал также три статьи о становлении религиозных связей России с Гавайскими о-вами (вып. 2, с. 159—179; вып. 3, с. 271—294; вып. 4, с. 184—238), подробно описав все этапы раннего периода российско-гавайских отношений, в которых главную роль с российской стороны играла Российско-Американская компания. Деятельность Российско-Американской компании на Гавайях в тот период оказалась весьма успешной, итогом ее, в частности, стало принятие королем Камеамеа II (1819—1824) христианства. Впервые христианская проповедь прозвучала на Гавайских о-вах в 1820 г. (вып. 4, с. 172).

В том же 1820 г. первая православная литургия прозвучала и на Австралийском континенте во время посещения его Первой русской антарктической экспедицией под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена. Тогда близ г. Сиднея была устроена временная стоянка для шлюпов этой экспедиции. Однако православная вера пришла на Зеленый континент лишь 30 лет спустя вместе с греками-переселенцами. Русские эмигранты появились в Австралии еще в XIX в., а затем после революционных событий и гражданской войны в России малочисленная колония русских пополнилась небольшой группой российских эмигрантов первой волны, среди которых были православные священнослужители. И в дальнейшем русская православная диаспора складывалась и пополнялась под влиянием тех или иных событий мировой истории. Так, следующий замет-

ный приток русских в Австралию начался со второй половины 40-х гг. XX в., когда из Европы и Азии, туда потянулись перемещенные лица и российские эмигранты из Китая. В середине 50-х г. Австралия приняла еще одну группу российских эмигрантов, на этот раз снова из Китая. А в начале 90-х г. наметилась тенденция переезда в эту страну на временное и постоянное жительство российских граждан. Вся история российской эмиграции в Австралии, а вместе с ней и православия подробно и обстоятельно описана в статье А.А. Бовкало "Православие в Австралии" (вып. 4, с. 239—253). Статья изобилует фактами, в том числе и малоизвестными.

Каждая новая волна эмигрантов приносила свои особенности в облик диаспоры, уклад ее жизни, расширяя сферы деятельности, но при этом важное место неизменно отводилось церковно-благотворительному направлению. Как и в других местах своего рассеяния, русские люди в Австралии воздвигали православные храмы, создавали церковно-благотворительные организации, общества, комитеты. Судя по материалам статьи, русские развернули в Австралии активную церковно-просветительскую и издательскую деятельность. В 1946 г. была учреждена Австралийская епархия, преобразованная впоследствии в Австралийско-Новозеландскую.

Созданный еще в 1945 г. Комитет помощи обездоленным Второй мировой войной в 1957 г. был преобразован в Русское благотворительное общество св. преп. Сергия Радонежского. Автор особо подчеркивает его уникальность, так как ни в одной стране мира нет аналогичной русской организации подобного масштаба (там же, с. 243—244). В 1955 г. было создано еще одно крупное благотворительное общество им. Иоанна Кронштадского. С каждой новой волной притока русских людей православие в Австралии получало свежую подпитку, включая финансовую, что способствовало расширенному строительству новых храмов.

Так сложилось, что российская диаспора в Австралии исторически связана не только с Россией, но и с Китаем, что находит свое отражение и в деятельности местной Православной Церкви и очень хорошо прослежено в статье А.А. Бовкало. Так, в 1989 г. она праздновала 1000-летие крещения Руси, а в 1998 г. по инициативе Русского исторического общества Австралии был проведен День Харбина, посвященный 100-летию этого города. В честь юбилея на русском кладбище в Сиднее была воздвигнута часовня, по архитектуре напоминающая Свято-Николаевский храм в Харбине, разрушенный в годы так называемой культурной революции.

В последние два десятилетия налаживаются связи между Русской Православной Церковью в Австралии и Московским патриархатом, в ведении которого в настоящее время находится несколько храмов в разных местах Австралийского континента (там же, с. 250). По инициативе Православной Церкви в Австралии в местных православных храмах служат один священник из России (со знанием английского языка) и один из Китая для духовного окормления православных китайцев (там же, с. 249, 250). Есть в Австралии и старообрядцы (там же, с. 250—251).

Ряд статей 3-го и 4-го выпусков "Православия на Дальнем Востоке" посвящен распространению православия в Северной Америке, на Российском Дальнем Востоке, в Сибири, Забайкалье и Средней Азии. Значительная часть из них освещает разностороннюю деятельность святителя Иннокентия (Вениаминова), известного православного миссионера-подвижника, ученого, просветителя. За свою многолетнюю неутомимую и благородную деятельность по приобщению народов этого обширного региона к православной вере, просвещению, он был объявлен святителем, апостолом Сибири и Америки и в 1868 г. был удостоен избрания митрополитом Московским и Коломенским. И.Е. Вениаминов при жизни получил заслуженное признание и как ученый, известный многими научными трудами по антропологии, этнографии, географии, метеорологии. В

1857 г. он был избран почетным академиком Императорской Академии наук, а в 1868 г. — почетным членом Московского университета. Святитель Иннокентий был также членом многих православных и научных обществ. Он ратовал за создание в Сибири университета, обосновывая его особую роль в культурном развитии этого огромного региона. Смысл своей деятельности он определял следующими словами: “Я не ищю славы, а пользы края” (вып. 3, с. 26). Ради этого он не жалел своего времени и своих сил. Подробный и весьма познавательный очерк А.М. Решетова о И.Е. Вениаминове хотя и озаглавлен “Место этнографии в сфере интересов и деятельности И.Е. Вениаминова — святителя Иннокентия” (вып. 3, с. 9—34), но по содержанию охватывает все сферы деятельности этого неутомимого труженика во имя науки и православной веры.

Во многих статьях сборников в очередной раз поднимается вопрос о рукописном наследии отечественных востоковедов прошлого, значительную часть которого составляют труды членов православных миссий на Дальнем Востоке и прежде всего РДМ в Китае. Крупнейший исследователь истории российского китаеведения П.Е. Скачков еще в начале 60-х годов прошлого века неоднократно обращал внимание современных китаеведов на необходимость изучения рукописного наследия своих предшественников, хранящегося в различных архивах и рукописных отделах библиотек. “Наше представление о русском китаеведении будет оставаться недостаточным, пока мы не введем в наш научный оборот, в круг наших знаний громадное рукописное наследство русских китаеведов, которое накапливалось на протяжении почти двух столетий”,¹ — писал он. И добавим: многое из этого наследия не утратило своей научной ценности и в наши дни, в первую очередь переводы китайских классических сочинений.

Очень близкая к этому вопросу тема — использование архивных материалов при исследовании прежде всего истории взаимоотношений России с Китаем и другими странами Восточной Азии, неотъемлемой частью которых была деятельность наших православных миссий в этих странах. Отечественные востоковеды имеют в своем распоряжении богатейшие фонды архивных документов и материалов, но, к сожалению, еще не достаточно активно используют их в своих исследованиях, возможно, не до конца осознавая всю ценность такого рода первоисточников для адекватного осмысления и освещения 400-летней истории российско-китайских отношений, а также отношений России с другими странами Восточной Азии. Подобная картина прослеживается и в обозреваемых сборниках, где лишь около половины статей написано с привлечением архивных документов и материалов, причем от выпуска к выпуску наблюдается тенденция к сокращению ссылок на архивные и рукописные фонды. В связи с этим нельзя не отметить статьи А.Н. Хохлова, опубликованные во всех 4-х выпусках и основанные на малоизвестных, либо неизвестных ранее материалах, извлеченных из многих отечественных архивов.

Расширяющаяся от сборника к сборнику география распространения православия в странах Азиатско-Тихоокеанского региона позволяет надеяться, что и впредь эта тенденция получит дальнейшее развитие, в том числе благодаря атласу “Русское православие: история, география, культура”, издание которого проанонсировала Е.В. Рассказова (вып. 3, с. 35—44).

Одна из основных тем атласа — миссионерская деятельность Русской Православной Церкви, что, по словам автора статьи, “впервые позволит проследить распространение указанного процесса, без чего миссионерская деятельность не может быть полностью раскрыта и правильно понята” (там же, с.35).

Цель данного обзора состоит в том, чтобы привлечь в очередной раз внимание востоковедов к уникальным источникам по истории и деятельности Русских Православных Миссий на Дальнем Востоке. И здесь у редколлегии и авторов выпусков “Православие на Дальнем Востоке” обширные возможности. Одна из них — включение в сборники помимо статей, основанных на архивных материалах, публикации отдельных интересных архивных документов (ранее

не публиковавшихся) или небольшие по объему работы из рукописного и эпистолярного наследия русских востоковедов XVIII—XIX вв.

При общей, весьма высокой оценке сборников “Православие на Дальнем Востоке”, их вклада в разработку этого в значительной степени нового для востоковедов направления нельзя оставить без внимания и некоторые недочеты, тем более, что большинство из них относятся скорее к числу огрехов и небрежностей. Так, в статье О.В. Шаталова “Современный уровень состояния, проблемы и перспективы развития отечественной миссиологии” книга Н. Адоратского “История Пекинской Духовной Миссии в первый период ее деятельности (1685—1745. Вып. 1. Казань, 1887) почему-то отнесена к архивным материалам (Вып. 4, с. 250). Перечисляя научные конференции по вопросам православия на Дальнем Востоке, автор обошел вниманием такое, на наш взгляд, очень представительное и интересное в научном плане событие, как международная церковно-научная конференция “Христианство в Китае”, организованная Отделом внешних церковных связей Московской патриархии и Институтом Дальнего Востока РАН в ноябре 2000 г., и научную конференцию, посвященную 200-летию со дня рождения святителя Иннокентия митрополита Московского и Коломенского, Апостола Америки и Сибири и его наследию, которую провела Государственная историческая библиотека (г. Москва) и опубликовала затем доклады участников конференции (там же, с. 261—262). Говоря о последних публикациях, автор не внимателен к годам их издания. Так, выход в свет сборника статей “История Российской Духовной Миссии в Китае” он датирует не 1997, а 1999-м годом, а монографию Д.В. Дубровской — 2000 г., вместо 2001 г. (там же, с. 260).

Разнообразие тем, широкая география охвата, большое число статей (72) не позволяют в данном историографическом обзоре подробно проанализировать каждую из них, но все они могут быть оценены как новаторские и вместе взятые — как весомый вклад в изучение деятельности Русской Православной Церкви на Дальнем Востоке, регионе, по своим этнокультурным параметрам существенно отличающимся от российских. По меткому замечанию академика В.С. Мясникова “... несмотря на цивилизационные различия, Россия строила некую *интеграционную модель* связи с Востоком...”: В эту модель, на наш взгляд, органично вписывается деятельность русских православных миссий и отдельных миссионеров-подвижников, которые приобщали народы Востока к ценностям русской и западноевропейской культуры, одновременно знакомили Россию, западные страны с уникальной культурой народов Дальнего Востока. Эта деятельность была весьма значительной, и нуждается в дальнейшем углубленном изучении. Существенный вклад в разработку этого научного направления вносят конференции и сборники статей “Православие на Дальнем Востоке”. Остается только пожелать их организаторам, участникам и авторам дальнейших творческих успехов!

1. Из рукописного наследия П.Е. Скачкова // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993. С. 37—48; См. также: его же. Значение рукописного наследия русских китаеведов // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 116—123.
2. Мясников В.С. Россия и Восток: ретроспектива взаимосвязей // Восток—Запад: Историко-литературный альманах. 2002. С. 38.

Рецензии

Чжан Ювэнь, Хуан Жэньвэй и др. 2005: Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая за 2005]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2005. 325 с.

Данный доклад является третьим в серии публикаций, которую ежегодно, начиная с 2003 г., осуществляет Академия мировой экономики и политики Шанхайской академии общественных наук. По словам его составителей, в докладе выделены наиболее важные тенденции и проблемы, которые имеют отношение к международному политико-экономическому статусу Китая, процессу повышения совокупной государственной мощи, роли КНР в мировых делах, соотношению "жесткой" и "мягкой" силы и проч. Доклад любопытен прежде всего как попытка шанхайских аналитиков в концентрированном виде суммировать основные тенденции текущей мировой политики, особенности взаимодействия Китая с внешним миром на современном этапе, а также — взгляд китайской стороны на эволюцию этого взаимодействия. Авторы работы постарались максимально учесть и отразить ряд новых явлений и понятий, вошедших в обиход экспертного сообщества за последнее время, и хотя, в силу специфики подготовки работы, они обобщили события и тенденции, в том числе и экономическую статистику, в основном за 2004, доклад можно считать отражением самых последних тенденций в китайском общественном мнении по данной проблеме.

Доклад, состоящий из 14 разделов, открывает констатация того факта, что развитие Китая вызывает беспрецедентное внимание во всем мире. Реформы в КНР на протяжении последних двадцати пяти лет доказали, что "развитие Китая неотделимо от развития всего мира", но теперь стало очевидно и то, что "развитие мира неотделимо от развития Китая". Этот исторический сдвиг в симметричной взаимозависимости Китая с внешним миром будет определять фокус внимания специалистов на ближайшие годы (с. 1).

Одной из тем обсуждения китайских специалистов в связи с новой симметрией взаимосвязи Китая с окружающим миром

стала концепция "пекинского консенсуса" (*бэйцзин гуанши*). Обсуждение этой темы поставлено в докладе шанхайского центра на первое место, из чего можно сделать заключение о придаваемой этой концепции значимости. Выдвинутая изначально заграничными экспертами, эта концепция стала затем отправной точкой для широкой дискуссии среди китайских политологов и международных о новой роли Китая. Согласно этой концепции, развитие Китая последнего периода меняет не только сам Китай, но и весь ландшафт мирового развития, включая экономику, политику и общество. На наших глазах возникает некий новый "пекинский консенсус", оказывающий важное влияние на международную политику, развитие и глобальный баланс сил.

Автором этой концепции, бывшим редактором американского журнала "Тайм", а ныне консультантом в компании "Голдман Сакс", Джошуа К. Рамо, опубликовавшим в Англии одноименную книгу в 2004 г., Пекинский консенсус обозначен как "неостановимое стремление к экспериментированию и инновациям, твердая убежденность в оставлении суверенитета и принципа многосторонности, а также намерение приобрести средства асимметричного проецирования силы". Ввиду повсеместного разочарования в дискредитировавшем себя Вашингтонском консенсусе, Пекинский консенсус быстро приобретает качества примера и модели для развивающихся стран.

Китай, согласно автору данного понятия, не только демонстрирует "новую физику власти и развития", он прочерчивает путь другим странам мира, которые хотят интегрироваться в мировой порядок, но сохранить при этом свою независимость, защитить свой уклад жизни и возможность политического выбора в современном однополярном мире. Вашингтонский консенсус, как он был сформулирован в начале 1990-х гг., представлял собой набор экономических воззрений и установок, отражавших односторонний подход

Вашингтона, всегда все знавшего лучше других и диктовавшего другим, что им надо делать. Этот консенсус был спесивым самодовольством в духе пресловутой формулы о "конце истории"; после себя он оставил след в виде обанкротившихся экономик целого ряда стран, растущего разочарования и озлобления. "Китайский же новый подход к развитию основан на стремлении обеспечить более справедливый, мирный и качественный экономический рост, он переворачивает с ног на голову традиционные идеи типа приватизации и свободной торговли. Он настолько гибок, что едва может быть назван единой доктриной. Он не проповедует стандартных решений для каждой ситуации. Он отличается непоколебимым стремлением к инновациям и экспериментированию, реальной защитой национальных границ и интересов, и все более просчитанным приобретением средств асимметричного проецирования власти... Хотя по своей структуре он явно принадлежит пост-дэнсяопиновскому этапу развития китайской стратегии, пекинский консенсус твердо держится за прагматическую идею о том, что лучшим путем модернизации является формула "переходить реку, ощупывая ногами камни"

Авторы доклада отмечают, что с момента выхода книги Дж. Рамо понятия "китайская модель развития" и "Пекинский консенсус" оказались в числе наиболее интенсивно обсуждаемых тем в ведущих зарубежных аналитических центрах и в международных СМИ. Пекинский консенсус выходит за пределы экономической стратегии, он касается политики, качества жизни и глобального баланса сил, он очерчивает контуры пути развития для всего мира, отличающегося от "Вашингтонского консенсуса". Пекинский консенсус вызвал сильнейший отклик в международном сообществе. Реакцию за рубежом можно свести к двум положениям: во-первых, независимо от того, увенчаются ли в конце концов успехом китайские реформы, суммированный Пекинским консенсусом набор идей представляет собой новый шаг вперед по сравнению с Вашингтонским консенсусом; во-вторых, Пекинский консенсус раскрыл новаторское содержание китайской модели реформ и развития.

Пекинский консенсус базируется на трех своего рода "теоремах":

1) Первая теорема заново переопределяет ценность инноваций. По сравнению со старыми подходами эта теорема постулирует, что единственным эффективным средством снижения издержек и потерь в процессе реформ являются постоянные перемены, постоянное экспериментирова-

ние и инновации (инновации здесь понимаются не только в экономическом смысле, а в более широком контексте); рост на инновационной основе есть мотор развития китайской экономики и инструмент обеспечения дальнейшего прогресса.

2) Вторая теорема обозначает необходимость использования новых инструментов анализа. Необходимо посмотреть за пределы таких традиционных критериев, как, например, подушевой валовой национальной продукт, и включить в сферу анализа такие критерии как устойчивость и справедливость в процессе экономического роста. Эта теорема призывает также обращать внимание на качество экономического роста, на создание благоприятной окружающей среды для устойчивого и стабильного развития общества (приводится пример так называемого показателя "зеленого (или "чистого") роста ВВП", выдвинутого известным китайским экономистом Ху Аньганом из университета Цинхуа).

3) Третья теорема содержит теорию обеспечения возможности независимого развития в условиях асимметрии мирового политического пространства, теорию, "которая предлагает определенные средства и рычаги для того, чтобы заставить подвинуться большие гегемонистские страны, которые норовят наступить вам на ноги".

Согласно концепции Пекинского консенсуса, китайские стратеги, стремясь к дальнейшей интеграции страны с мировой системой, к сотрудничеству с западными странами, отнюдь не добиваются какого-то "признания" со стороны хозяев нынешнего миропорядка. На практике, если говорить о влиянии одних на других, то происходит взаимное влияние, подобное перетеканию энергии при столкновении двух тел в физике. Так что речь идет о взаимном признании Китая и западных стран. Китайские политологи полагают, что процесс контакта с западными партнерами состоит в том, чтобы стимулировать их к лучшему пониманию Китая, а в процессе этого — к влиянию в определенной степени на них. Китай распространяет энергию вовне, то есть проецирует свое влияние на внешний мир в трех аспектах: первое, это — то, что как реакция на устаревшую идеологию Вашингтонского консенсуса Пекинский консенсус обладает определенной "кинетической энергией отдачи"; во-вторых, ввиду уникального спроса в Китае на локализацию (противоположная и дополняющая глобализацию тенденция акцентирования местного своеобразия, возрождения локальных культур и традиций), новая динамика развития Китая вызывает во внешнем мире цепную

реакцию подражания новым реалиям китайской культуры; в-третьих, экономический подъем Китая, при том, что он может вызвать обогащение или разорение других зависящих от внешней торговли государств, служит своего рода магнитом, привязывающим экономические интересы других стран к экономике Среднего государства.

Когда в конце 1980-х гг. в попытке найти рецепт вывода из хронического кризисного состояния ряда латиноамериканских стран Джон Вильямсон, экономист, работавший во Всемирном банке, предложил рекомендации из десяти пунктов (таких, как фискальная дисциплина, приватизация, дерегуляция, открытость к иностранным инвестициям, либерализованный валютный курс и проч.), он не ожидал, что его рекомендации, ставшие основой Вашингтонского консенсуса, будут в 1990-е гг. с упорством, достойным лучшего применения навязываться на глобальном уровне, безотносительно к местным условиям. В период с 1978 по 1992 гг. в 70 государствах мира осуществлялись проекты по структурной перестройке экономики под контролем МВФ и Всемирного банка (с. 26). Причина этого коренилась в том, что эти мероприятия делали экономики соответствующих стран более привлекательными для иностранного капитала и для инвестиционных банкиров. Две страны, которые наиболее явно игнорировали рекомендации Вашингтонского консенсуса — Китай и Индия, в настоящее время являются лидерами экономического роста. При этом характерным для Пекинского консенсуса обстоятельством является то, что он полностью не отбросил вашингтонские идеи, а предложил модель анализа, в центр которого был поставлен рядовой гражданин общества и его интересы. Это звучит несколько парадоксально, с учетом традиционного внимания к интересам индивида на Западе и коллектива — в Китае, но это так. Если для Дж. Вильямсона были в первую очередь близки интересы инвесторов и банкиров, то для китайских руководителей более важным являются интересы простых людей, напрямую затрагиваемых процессами глобализации. Отсюда проистекают идеи Цзян Цзэминя о "трех представительствах" и Ху Цзиньтао о "трех близостях" (быть ближе к реальности, быть ближе к народу, быть ближе к жизни), которые воплощают программатический лозунг четвертого поколения китайских руководителей и *жэнь гэи бэнь* (человек в качестве основы).

Авторы доклада приводят большое количество высказываний китайских и

иностраных ученых и политиков, представляющих как развитые, так и развивающиеся страны, в качестве подтверждения того, что Пекинский консенсус (или китайская модель) оказывает растущее воздействие и влияние на окружающий мир. В числе прочих авторы ссылаются и на мнения российских востоковедов М.Л. Титаренко, А. Кивы и др. (с. 36, 41, 43).

В отечественной литературе краткий обзор концепции Пекинского консенсуса и ее обсуждения китайскими специалистами был сделан в недавней публикации А.В. Ломанова и О. Борох², которые отмечают, что ее широкая пропаганда в академических кругах и в СМИ начиная с лета 2004 г. была связана с проявившимся у руководства КНР интересом к проблематике соотношения "жесткой" и "мягкой" силы (термины западной политологии, впервые предложены Дж. Наем), а также с поставленной задачей нахождения инструментов ускоренного наращивания "мягкой силы", то есть поощрения привлекательности Китая в глазах внешнего мира путем разного рода средств, в том числе посредством всемерной пропаганды внутри страны и за границей успехов китайских реформ и китайской модели развития. В этой публикации также обращается внимание на известную неоднозначность факта достаточно активного использования китайскими аналитиками этой концепции, при том, что ее изначальный автор не только не является сколько-нибудь глубоким знатоком китайских реформ, но и вообще не является профессиональным синологом или экономистом³.

Среди западных специалистов, несмотря на энтузиазм авторов ряда публикаций в СМИ, теория Дж. Рамо вызвала довольно серьезные сомнения. В частности, известный американский историк-китаевед Ариф Дирлик отмечает фундаментальные противоречия в построениях Дж. Рамо. "Даже беглое знакомство с текстом Дж. Рамо", — пишет А. Дирлик, — "обнаруживает серьезнейшие противоречия в его выводах, относительно чего автор не находится в неведении. Но он просто игнорирует их или маскирует посредством риторических оборотов, которые облачают совершенно банальные мысли в глубокомысленные формулы типа "физика власти", непогрешимость науки и т.д. Беда в том, что используемая в рассуждениях автора физика так же несостоятельна, как и его политэкономия, и в итоге Пекинский консенсус начинает выглядеть не более чем уловкой коммивояжера — в данном случае пытающегося продать новый имидж Китая миру и одновременно

некоторые свои идеи по поводу стратегии развития — руководству Китая”⁴.

Следует указать еще на одно неоднозначное обстоятельство в концепции Пекинского консенсуса, о котором не пишут авторы шанхайского доклада, но которое, тем не менее существенно в плане дальнейшей жизнеспособности самой концепции. Дело в том, что сам Дж. Рамо, рассуждая о китайской стратегии выстраивания “асимметрической сверхдержавы”, указывает на то, что в отличие от эпохи Дэн Сяопина с его известным принципом *тао гуан ян хуэй* (формула из 28 иероглифов, которая должна была определять отношения страны с окружающим миром: “хладнокровно наблюдать, укреплять свои позиции, не терять самообладания, скрывать свои возможности и дожидаться благоприятного момента, стоять на своем, не высовываться, но быть готовым к действиям”), нынешние пекинские стратеги должны активно добиваться расширения влияния Китая на международные дела. До известного времени пекинские руководители предпочитали на концептуальном уровне не афишировать отход от наследия Дэна в этой области. Характерным исключением была известная концепция “мирного подъема Китая”, на которую Дж. Рамо также неоднократно ссылается в своей книге как на подтверждение своей аргументации. Между тем судьба концепции “мирного подъема Китая” как раз весьма поучительна в данном контексте.

Сам термин “мирный подъем Китая” (*чжунго хэпин цзюэци*) был первоначально введен в широкое употребление бывшим заместителем декана Центральной партийной школы ЦК КПК, председателем Форума китайских реформ и открытости, заместителем заведующего Отделом пропаганды ЦК КПК Чжэн Бицзянем во время заседания 3 ноября 2003 г. очередного Азиатского форума в Боао (пров. Хайнань). Он, в частности, отметил, что в новых исторических условиях Китай может выбрать лишь путь “мирного подъема”, с тем чтобы в условиях мирной международной обстановки обеспечить собственное развитие и собственным развитием способствовать защите международного мира. После того, как термин был использован в нескольких выступлениях Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао, градус общественного обсуждения этой темы немедленно подскочил и в ряде публикаций была поставлена тема очередного теоретического “прорыва”, развития “новой стратегии” для Китая. Можно сказать, что первая половина 2004 г. прошла под знаком большого информационного шума и нетихающих дискуссий по этому вопросу.

Смысл понятия “мирного возвышения Китая”, как его объяснил Чжэн Бицзянь, связан с контекстом истории взлета и падения крупных держав. В прошлом подъем новой крупной державы был прямым вызовом господству державы-гегемона или группы гегемонистических держав; он сопровождался, как правило, ломкой сложившегося баланса власти в мире, потрясениями, большими и малыми войнами. Но в современном мире Китай должен использовать мирную обстановку и мирное окружение для продолжения своего развития и прилагать усилия к поддержанию мира. Таким образом, теория “мирного подъема Китая” была предназначена убедить другие страны в том, что экономический взлет страны и рост ее военного потенциала не будут угрозой миру и стабильности, и что другие страны даже смогут получить пользу от этого процесса.

По мнению иностранных наблюдателей, довольно отчетливо в этой теории была проведена мысль о том, что быстрое наращивание Китаем экономической мощи не представляет собой “игру с нулевой суммой”, и что новый, более сильный Китай будет представлять не только конкурента, но и давать пользу другим странам, например предоставляя дополнительные возможности для их экономического развития за счет роста емкости китайского рынка. В теории “мирного подъема Китая” активно подчеркивалась важность так называемой “мягкой силы” и в этом контексте содержался вывод о том, что достичь целей “мирного подъема” нужно непременно посредством улучшения международного имиджа страны, через улучшение отношений Китая с ключевыми странами современного мира и особенно с окружающими Китай странами.

Утверждалось, что экономическая стратегия Китая принципиально отличается от типа политики, которую проводила Япония в 1980-е годы. Китай, в отличие от Японии того времени, должен избегать эгоистической политики, базирующейся на принципах неомеркантилизма и протекционизма, и это тоже будет давать возможность другим странам посредством торговли и инвестиций получать выгоды от китайского экономического подъема. В области внешней политики и дипломатии стратегия “мирного подъема Китая” подразумевала становление Китая как “ответственной” державы, активно действующей на благо региональной и глобальной стабильности и развития, участвующей в многосторонних организациях и механизмах. Примерами такого рода конструктивного вклада Китая называли, например,

важную роль, которую Китай играет в шестисторонних переговорах по корейской ядерной проблеме и его инициативу по созданию и развитию Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Теория "мирного подъема Китая" в итоге внутрипартийных дискуссий весны-лета 2004 г. была признана недостаточно проработанной и упоминания о ней перестали появляться в выступлениях высших руководителей страны. Однако примечательно, что ее автор продолжает активно выступать в китайских и зарубежных СМИ с пропагандой ее основного содержания. Прекращение на официальном уровне пропаганды стратегии "мирного подъема Китая" вызвало среди некоторых зарубежных наблюдателей не меньше критики, чем сама эта концепция. Немедленно обнаружилось некоторые ее позитивные стороны. В частности, говорится о том, что концепция "мирного подъема Китая", помимо своей направленности на заграничное потребление, имела и внутриполитическое значение. И в этом качестве она представляла собой шаг вперед по сравнению с ярко выраженным националистическим лозунгом "великого возрождения китайской нации" Цзян Цзэмина. Она, таким образом, представляла собой отход от "узкого национализма" установок предшествующего руководства и более открытый и даже космополитический взгляд на положение Китая в современном мире. Ее дезавуирование представляется некоторыми комментаторами победой "ястребов" во главе с Цзян Цзэмином над вроде бы более либеральными политиками нового поколения. По их мнению, представители НОАК особенно сильно возражали против концепции "мирного подъема Китая" так как выдвигание на первое место слова "мирный" якобы снизило достоверную угрозу применения немилых средств против сторонников тайваньской независимости. Между тем ряд тайваньских аналитиков высказывает несколько иную трактовку судьбы этой концепции. Мнение о победе "ястребов" над "голубями" здесь признается слишком поверхностным и упрощающим реальный характер взаимоотношений в пекинском руководстве. Скорее всего, полагают тайваньские специалисты, эта концепция будет сохранять свое значение, она просто будет выступать в несколько видоизмененной оболочке. Видимо так оно и есть. В частности, это подтверждается сохранением в официальных выступлениях китайских руководителей того же контекста, при том, что термин "мирный подъем Китая" был заменен во всех таких случа-

ях на словосочетание "мир и развитие" или "мирное развитие Китая".

Возвращаясь к проблематике Пекинского консенсуса отметим, что в одном из завершающих разделов доклада авторы вновь касаются этой темы, еще раз акцентируя внимание на том, что сама концепция Пекинского консенсуса есть разработка иностранных аналитиков. "Строго говоря, понятие "Пекинский консенсус" есть всего лишь анализ и обобщение китайского опыта иностранными учеными, есть отражение большого интереса международного сообщества к процессу мирного развития Китая. Оно вызывает столь интенсивную реакцию именно в силу того, что отражает рост мягкой силы Китая, что китайский опыт предоставил развивающимся странам незападную модель развития, пригодную для изучения и использования" (с. 287). Если проводить параллели между понятиями "мирного подъема Китая" и "Пекинского консенсуса", то можно предположить что последнему также уготована участь быть мягко выведенным за рамки официальной риторики китайского руководства и зарезервированным в основном для пропаганды на заграницу.

Другими важными темами, которые обсуждаются в докладе, являются успех политики макроэкономического регулирования в Китае, дальнейший динамичный рост емкости внутреннего рынка КНР и, соответственно, импорта Китаем зарубежных товаров. Обсуждается наметившийся с 2004 г. положительный поворот в сельском хозяйстве, где с 1999 г. на протяжении пяти лет отмечалось падение производства зерновых. Авторы доклада констатируют, что после определенного перегрева китайской экономики в первые годы этого века китайским регуляторам удалось не допустить "жесткой посадки" китайской экономики, тем самым предотвратив потрясения для азиатской и глобальной экономики. В этой связи отмечается, что многими в мире признается возрастающая глобальная значимость китайского экономического роста, китайскую экономику начинают, сравнивая с экономикой США, называть еще одним "двигателем" мировой экономики.

Подробно в докладе разбирается понятие "научно-обоснованной концепции развития" (*кэсюэ фацжань гуань*). Здесь речь идет об осмыслении феномена рекордных темпов экономического роста в Китае на протяжении почти четверти века. Данная концепция отражает определенную зрелость китайской экономики и управленческих структур, когда уже требуются не только темпы, но и качество

роста. Как и концепция "Пекинского консенсуса", концепция научно-обоснованного развития обозначает творческий поиск путей дальнейшего развития и новых форм внешней открытости на уже довольно высокой стадии развития реформ — и в свою очередь она также есть составная часть пекинского консенсуса. При этом в научно-обоснованной концепции развития четко обозначено что целью развития является человек (принцип *и жэнь вэй бэнь*), что было не учтено в ряде других стран, пытавшихся добиться ускоренной модернизации.

В докладе разбираются также новые успехи КНР в области роста объемов внешней торговли, растущего признания (со стороны стран-членов ВТО) Китая страной с рыночной экономикой. Отмечается последовательное осуществление проекта СЕРА, начало процесса реформирования системы валютного контроля и системы формирования курса юаня, беспрецедентный рост валютных резервов КНР, плюсы и минусы столь больших резервов.

Еще одной темой анализа в докладе являются разного рода узкие места реформ, а также внешние вызовы экономической безопасности КНР. Здесь рассматриваются проблемы нестабильности мировых цен на энергетические ресурсы, другие трудности с ресурсным обеспечением китайской экономики, рост торговых противоречий с основными торговыми партнерами, проблемы регионального экономического сотрудничества и т.д.

Во внешнеполитическом разделе доклада поднимаются темы отношений КНР с Евросоюзом, укрепляющееся стратегическое партнерство с этим с недавних пор крупнейшим торговым партнером Китая;

факторы, препятствующие дальнейшему развитию отношений, перспективы отмены ЕС запрета на поставки вооружений в КНР; меры по противодействию "тайваньскому сепаратизму"; усилия по поиску механизма урегулирования ядерного кризиса на Корейском полуострове и проявление в этом контексте "новой концепции безопасности"; прогресс в региональном сотрудничестве в Юго-Восточной Азии и в продвижении к созданию Восточно-Азиатского сообщества (*дун я гунтунти*); сотрудничество с АСЕАН; сотрудничество в рамках ШОС; состояние китайско-японских отношений и проч. В последних двух главах доклада содержатся сопоставления роста жесткой и мягкой силы Китая, факторы, способствующие этому процессу, такие как законодательная институционализация, повышение "способности быть правящей силой", правовое строительство, достижения в области культуры, спорта и т.д. Приводятся различные методики исчисления "совокупной мощи государств", разные подходы к оценке совокупной мощи КНР, анализируются понятия "духовной державы" (*цзиньшэнь цянго*) и "политической державы" (*чжэньчжи цянго*).

В заключение можно сделать вывод о том, что данное издание, собравшее большой массив ценных данных и экспертных оценок, является весьма полезным подспорьем для всех интересующихся современным этапом развития китайской аналитики, эволюцией внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии КНР. Без сомнения, специалисты, познакомившиеся с докладом за 2005 год, будут с нетерпением ждать выхода очередного ежегодного доклада о международном статусе Китая.

© 2006

к.и.н. А.Н. Карнеев

1. Ramo, Joshua Cooper. The Beijing Consensus. London, May 2004. The Foreign Policy Center, www.fpc.org.uk
2. Ломанов А., Борох О. Неосоциализм Ху Цзиньтао и современная идеология КНР // Pro et Contra. № 3 (30). 2005: Московский центр Карнеги. С. 34-37.
3. Они, в частности, замечают: "...китайские авторы стараются не углубляться в биографию американца. 37-летний консультант, журналист и летчик-любитель, побивший несколько американских авиационных рекордов, совсем не соответствует китайскому образу авторитетного профессионального экономиста" // Там же. С. 39.
4. Arif Dirlik. Beijing Consensus: Beijing "Gongshi." Who Recognizes Whom and to What End? — http://anscombe.mcmaster.ca/global1/posiPapers/PP_Dirlik_BeijingConsensus.xml

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 17.04.2006 г. Подписано к печати 15.05.2006 г. Формат бумаги 70x100 1/8
Офсетная печать. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр.-отт. 15,5 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 910 экз. Зак. 1329

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Издатель — Научно-производственное объединение «Издательство "Наука"»,
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 124-09-02; e-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2006 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала "Проблемы Дальнего Востока" приветствуют направление в журнал рукописей статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

1. Статья по объему, как правило, не должна превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков).

2. Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее содержания и основных положений (около 600 знаков).

3. Статьи и аннотации представляются в электронном виде на дискете 3,5" с указанием имени файла в формате MS Word 6.0 для Windows или в формате RTF с распечатками текстов в 2 интервала.

4. Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi.

5. Китайские имена и названия даются в системе Pinyin.

6. Сноски даются в конце статьи. Оформление сносок:

Книги.

а) *На русск. яз.* Автор. Название. Место издания: Издательство, год издания. С...

б) *На кит. яз.* Автор. Транслитерация китайского названия книги [Перевод названия на русск. яз.]. Место издания: Издательство, год издания. С...

в) *На англ. яз.* Author. Title of Book. Place of Publication: Publisher, date. Pp. ...

Статьи.

а) *Из печатных изданий*

Автор статьи. Название статьи // Название издания. Место, год (дата) издания. (Т.) N... С...

б) *Из интернета*

Автор статьи. Название статьи // Полный электронный адрес.

*Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале
можно получить по тел.: (095) 124-09-02.*

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений
несут авторы.